

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

Филологический факультет

(на правах рукописи)

Кистерева Евгения Эдуардовна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ХУАНА ДЕ ВАЛЬДЕСА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ДИАЛОГА О ЯЗЫКЕ», 1535 / 36 Г.)**

Специальность 10.02.05 – Романские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук профессор
Сапрыкина Ольга Александровна

Москва – 2014

Оглавление

Введение	4
Глава 1. «Диалог о языке» Хуана де Вальдеса и теория языка в Испании XVI века	14
I. Предпосылки формирования европейской грамматической традиции Нового времени	14
II. Народный язык и грамматическая мысль в Испании 15-16 веков. От Антонио де Небрихи к Хуану де Вальдесу	19
III. «Диалог о языке»: общая характеристика	30
1. История текста	30
2. Структура «Диалога о языке»	33
3. Жанровое своеобразие «Диалога о языке» в лингвопрагматическом аспекте: собеседники в коммуникативной ситуации	35
4. Диалог как особая форма выражения в культуре Возрождения	39
IV. Теоретические проблемы языка в «Диалоге о языке»	42
1. Понятие языка. Родной и иностранный язык	43
2. Эволюция языка. Диалекты	46
3. Истоки кастильского языка	52
4. Языковая норма	56
а. Узус Двора (речевой обиход придворных)	57
б. Народная речь (узус простолюдинов)	61
с. Язык классической литературы	71
д. Языковая компетентность говорящего	83
Выводы к первой главе	88
Глава 2. Вопросы практики языка, обсуждаемые в «Диалоге о языке»	91
I. Вопросы грамматики	91
1. Морфология. Части речи	95
а. Артикль	95
б. Существительное	97
с. Местоимение	99
д. Глагол	101
2. Вопросы синтаксиса	103
II. Вопросы графики и орфографии.....	107
1. Алфавит.....	108
2. Диакритики	112
3. Некоторые вопросы написания гласных	114
4. Некоторые вопросы написания согласных	128
III. Вопросы лексикологии.....	141
1. Лексический состав кастильского языка.....	142
а. Слова латинского происхождения	142

b. Слова арабского происхождения	144
c. Слова [древне]греческого происхождения	146
d. Слова итальянского происхождения	146
e. Слова [древне]еврейского происхождения.....	147
f. Собственно кастильские слова	147
g. Заимствования.....	148
h. Архаизмы.....	151
2. Проблема полисемии.....	157
IV. Вопросы стиля и перевода	159
1. Стилъ и лингвопрагматика	159
a. Понятие и свойства стиля	159
b. Употребление дискурсивных слов	165
2. Проблема перевода	167
V. Проблемы лингводидактики	168
1. «Диалог о языке» – пособие по кастильскому как иностранному	168
2. Экземплификация в «Диалоге о языке»	170
Выводы ко второй главе.....	174
Заключение.....	180
Библиография.....	185
Приложение 1.....	208
Приложение 2	210

Введение

Грамматическое описание – важнейшее направление в формировании и развитии научной мысли о языке. В нем находят отражение и фиксируются представления о базовых категориях языка и его онтологии в тех или иных школах лингвистики.

В настоящей работе **объектом исследования** является труд испанского гуманиста Хуана де Вальдеса «Диалог о языке» (Juan de Valdés, *Diálogo de la lengua*, 1535 / 1536).

С одной стороны – это сочинение, частично продолжающее заложенную Антонио де Небрихой испанскую лингвистическую традицию, а с другой стороны – ренессансный диалог, который как жанр словесности имел широкое распространение в XVI в. в Европе вообще и в Испании в частности.

Фактически, «Диалог о языке» является вторым значимым, после грамматики Небрихи (A. de Nebrija, *Gramática de la lengua castellana*, 1492) трудом, посвященным кастильскому языку, и поэтому стоит у истоков оформления испанской, и, соответственно, европейской, базы преподавания языка и лингвистической традиции в целом.

В этой связи **предметом** настоящего **исследования** стало лингвистическое учение, изложенное в диалоге и представленное в аспекте теоретическом (воззрения гуманиста на язык как таковой) и практическом (лингводидактика).

«Диалог о языке» Х. де Вальдеса, в силу определенных обстоятельств жизни Вальдеса¹, был впервые напечатан лишь в XVIII в., но, между тем, это сочинение было широко известно среди гуманистических кружков того времени и бытовало в рукописях.

В западной романистике особый интерес к Вальдесу как теоретiku языка появляется в XVIII в. (после первой публикации его сочинения «Диалог о языке» в 1737 г.) и с тех пор все возрастает. С начала XX в., когда авторство «Диалога о

¹ Обвинен Инквизицией в ереси. Эмигрировал в Италию.

языке» было точно установлено, и до последних лет место Х. де Вальдеса в языковедческой традиции Испании и в развитии гуманизма вообще становится предметом постоянных исследований.

Многосторонность личности Вальдеса, а также его лингвистическое кредо, конечно же, носят репрезентативный характер по отношению к социальной и политической обстановке и воззрениям на язык в Испании второй трети XVI в. Хуан де Вальдес был одним из ярчайших гуманистов Испании первой половины XVI в., кроме того, в его личности соединились теолог, грамматист, культуролог в современном понимании, политик, ритор, а его сочинения тесно связаны с религиозно-политической и научной атмосферой в Испании и Италии того времени².

Таким образом, в рамках современной романистики «Диалог о языке» представляет собой важный труд известного автора, который значительно повлиял на последующую лингвистическую традицию Испании и имя которого в современной науке неизменно стоит после имени Антонио де Небрихи. «Диалог о языке» рассматривается как звено в цепочке сочинений грамматистов Возрождения, формирующих испанскую лингвистическую традицию.

В отечественной лингвистике жизни и творчеству Вальдеса еще не уделялось достаточного внимания. Исключение составляет диссертационное исследование Э. И. Левинтовой³, а также работы Н. Г. Сулимовой и Т. Н. Песковой.

Наше исследование – это, прежде всего, попытка развить линию отечественных испанистов в исследовании творчества Вальдеса. Э. И. Левинтова в своем диссертационном исследовании рассматривает проблему защиты языка в

²Хуан де Вальдес дружил, в частности, с Эразмом Роттердамским, кардиналом Франсиско Хименесом де Сиснеросом (основатель университета Алькалы-де-Энарес, великий инквизитор Испании в 1507-17 гг.), занимал должность секретаря императора Карла Пятого.

На страницах научной литературы по романистике, а также истории религии и др., Хуана де Вальдеса причисляют к *Espiritus libres* (D. Ricart), илюминистам (J. E. Longhurst), мистикам (Rufus M. Jones), эразмистам, испанским еретикам, лютеранам (M. Menéndez-Pelayo), радикальным спиритуалистам, никодемистам (M. Firpo), что говорит о разнообразии и широте его взглядов и интересов и подтверждает, что он был одним из величайших интеллектуалов своего времени.

³Левинтова Э. И., Хуан де Вальдес и его "Диалог о языках": из истории лингвистических воззрений Испании XVI в. – Диссертация на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 1947 г.

сочинении, а также общий круг вопросов, которые интересуют гуманиста в диалоге.

В рамках нашего исследования мы попытались более подробно остановиться 1) на теоретических проблемах языка, которые обрисовывают языковое сознание Вальдеса, 2) на нашедших отражение в дискуссии Вальдеса с его собеседниками конкретных практических вопросах владения языком, которые мы попытались систематизировать и проанализировать, и, кроме того, 3) на лингвостилистических особенностях «Диалога о языке» как памятника грамматической мысли.

Предпринятый анализ мы осуществили, таким образом, при обращении к наследию Э. И. Левинтовой и работам современных отечественных романистов, занимающихся историей языка и лингвистической мысли стран романского мира соответствующей эпохи (М. А. Косарик, Ю. Л. Оболенской, М. М. Раевской, О. А. Сапрыкиной, Л. Н. Степановой, Н. Г. Сулимовой), а также, при работе в иностранных библиотеках⁴, к зарубежным исследованиям (вплоть до последних лет), которые представляют западную традицию исследования в романистике.

Научная новизна работы заключается в подробном исследовании и анализе содержания «Диалога о языке», а также особенностей «Диалога» как памятника испанской грамматической мысли XVI в. с учетом опыта современных исследований по романистике. Труд Вальдеса проанализирован в аспекте истории развития науки о языке и традиции ренессансного диалога в Испании. Выявлены специфические аспекты, составляющие лингвистическую доктрину Вальдеса.

В отечественной филологии это может содействовать новому, более широкому пониманию личности и творчества Вальдеса как теоретика языка Испании эпохи Возрождения, чье место в общей гуманистической традиции очень важно благодаря высказанным Вальдесом идеям в области теории языка и практики его преподавания (лингводидактические принципы, применяемые вплоть до сегодняшнего дня) – что и определяет **актуальность** нашего исследования.

⁴Библиотеки Испании, Германии, Бельгии, в частности, в рамках обучения по гранту ДААД и гранту Erasmus Mundus в Институте романистики Гумбольдтского университета в Берлине, учебы на филологическом факультете Университета Страны Басков, филологическом факультете Университета Коруньи в Испании.

Соответственно с **целью**, предполагающей выявление особенностей лингвистического учения Хуана де Вальдеса (его взглядов в области теории и практики языка, отклоняющихся от общей тенденции, характерной для времени его жизни и творчества), были обозначены следующие **задачи**:

1. рассмотреть «Диалог о языке» Х. де Вальдеса как памятник испанской лингвистической мысли первой половины XVI в., как наследника греко-латинской традиции и как образец гуманистического диалога эпохи Возрождения⁵,
2. выявить теоретические вопросы языка, репрезентативные по отношению к системе взглядов гуманиста на язык, его онтологию (в современном понимании), языковую норму⁶, а также изучить терминологический аппарат, которым пользуется Вальдес применительно к языку,
3. проанализировать труд как сочинение прикладного характера и определить круг вопросов практического содержания, обсуждаемых Вальдесом и его собеседниками, т. е. вопросов, относящихся к использованию языка на практике (в устной или письменной форме),
4. обозначить лингводидактическую составляющую сочинения, напрямую связанную с прикладным характером «Диалога о языке»: проанализировать лингводидактические инструменты Вальдеса и их реализацию в «Диалоге» как предназначенном для иностранцев языковом пособии; особое внимание уделить экзemplификации как основному дидактическому инструменту гуманиста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В «Диалоге о языке» раскрывается лингвистическое учение Хуана де Вальдеса, которое затрагивает как теорию языка, так и вопросы практического, дидактического характера.

⁵Понятие гуманистического диалога (ренессансного диалога) широко применяется в мировой романистике, в первую очередь испанской и немецкой (J. Ferreras, V. Cox, M. Bobes Naves, F. Gómez, M. Rallo Gruss, D. Marsch).

⁶Вопрос о языковой норме также закономерно отнести и к вопросам практического содержания.

2. «Диалог о языке» Хуана де Вальдеса предстает как апология кастильского языка (воспевание родного народного языка и его места в ряду остальных), благодаря чему Вальдес становится в один ряд с теоретиками языка и грамматистами Ренессанса стран романского ареала (Данте Алигьери, Пьетро Бембо, Антонио де Небриха, Жоао Барруш, Жоашен Дю Белле, Луи Мегре и др.).

«Диалог о языке» – это памятник развития лингвистической мысли в Испании первой половины XVI в., в нем раскрываются и иллюстрируются многие аспекты языка и языковой парадигмы, а Вальдес продолжает традицию грамматических трудов по испанскому языку, заложенную Антонио де Небрихой.

Основной круг обсуждаемых Вальдесом «программных» вопросов, касающихся онтологии языка и практического применения последнего, вписывается в парадигму гуманистических интересов теоретиков языка романского ареала.

3. Однако лингвистические представления Вальдеса как языковой личности часто выходят за границы типичных представлений о языке в Испании XVI в. Это обусловлено, прежде всего, непосредственно характером автора, а также историческим и социальным контекстом его жизни, повлиявшим на отношение гуманиста к языку, и говорит о формировании нового типа языковой личности в Испании XVI в.

В «Диалоге о языке» Вальдес высказывает некоторые идеи, опережающие время, развитие которых осуществится лишь в последующие века и остается актуальным вплоть до сегодняшних дней, что обуславливает интерес к наследию Вальдеса и появление новых посвященных ему исследований в западной романистике (коммуникативная парадигма, теория стиля, лингвопрагматика).

4. В определении языковой нормы Х. де Вальдес пользуется скорее ценностными ориентирами, что непосредственно связано с понятием «грамматического искусства» в античной и средневековой науке о языке.

Понятие языковой нормы у гуманиста связано с «грамматической правильностью». Норма складывается из соединения речевого обихода (узуса)

придворных и простонародья, языка литературных образцов (в понимании автора) и компетенции говорящего (апелляция к его эстетическому чувству). При этом узус является причиной изменения нормы и движущей силой развития языка.

5. Х. де Вальдес закладывает основы теории стиля кастильского языка: гуманист наравне с разграничением понятий хорошего и «неправильного» стиля речи фактически намечает различие функциональных стилей и регистров речи с опорой на коммуникативный и лингвопрагматический аспекты языковой деятельности.

В терминологии гуманиста письменная и устная речь представляют собой различные категории, а принципы их соотношения, по Вальдесу, претендуют на универсальность и применимы, по мнению гуманиста, к любому живому языку. Таким образом, грамматические правила и принципы Вальдеса несут в себе зерно «универсализма» (в полной мере получившего развитие в XVII в.).

6. Труд Вальдеса носит прикладной, обучающий характер, где главным дидактическим инструментом автора выступает пример, т. е. словесная иллюстрация. Основным объектом обсуждения выступает кастильский язык как иностранный.

Сочинение можно назвать первым самостоятельным пособием по изучению кастильского языка как иностранного⁷, или же неким сборником примеров к определенному количеству языковых явлений.

Произведение является примером характерной для XVI в. синтетической формы гуманистического диалога, уходящей корнями в Античность. В «Диалоге о языке» Вальдес проявляет себя истинным мастером художественного слова и создает произведение в ренессансном духе, наполняя новым содержанием античную жанровую форму диалога.

Кроме того, Вальдес в «Диалоге» обозначает некоторые аспекты теории языка и его преподавания (коммуникативная парадигма, практический подход),

⁷Если не считать за таковой отдельный раздел «Грамматики» 1492 г. Небрихи ("Libro quinto. De las introducciones de la lengua castellana para los que de estraña lengua querrán deprender").

ставшие значительно позже частью филологических исследований и используемые в сфере преподавания языка вплоть до сегодняшнего дня.

Теоретическую основу работы составляют источники и исследования, несущие информацию, необходимую для решения ранее перечисленных задач. Это работы (отечественных и, преимущественно, зарубежных авторов) фундаментального и прикладного характера, посвященные языкознанию и испанской лингвистической мысли XVI в. и теории лингвистики (В. М. Алпатов, В. С. Виноградов, Ю. Л. Оболенская, Б. А. Ольховиков, О. А. Сапрыкина, Л. Н. Степанова, Н. Г. Сулимова, Э. Бурсье, Й. Кабатек, Е. Косериу, П. Кох, В. Остеррейхер, Кейт В. Персиваль, Д. Пэдди), первым грамматикам испанского и романских языков (М. Э. Кистерева, М. А. Косарик, М. М. Раевская, Г. Боссонг, Х. Гомес Асенцио, Р. Лапеса, М. Менендес-и-Пелайо, Р. Менендес Пидаль, Р. Пенни, А. Рамахо Каньо, М. А. Эспарса-Торрес), работы о жизни и воззрениях Вальдеса (Э. И. Левинтова, К. Анипа, Е. Асенцио, К. Барболани, Э. Бёмер, Б. Виффен, Д. Крюз, Д. Лонгхёрст, Х. М. Лопе Бланч, В. Отто, Х. Месегер Фернандес, М. Фирпо, Х. Фицпатрик, Д. Хип, К. Хосе Ньето, Е. Чоне, Р. Гамильтон, Б. Войгт; Х. Морено Вилья), работы, посвящённые испанскому диалогу в XVI в. (М. Бобс Навес, Х. Гомес, Д. Марш, А. Ральо Грусс, Ж. Феррерас).

Вследствие малого количества отечественных трудов, посвященных объекту исследования, в основном мы использовали зарубежные материалы по данному хронологическому периоду в процессе работы в библиотеках Испании, Германии и Бельгии.

В качестве методологической базы работы были использованы исследования отечественных и зарубежных ученых по истории лингвистических учений, общей теории языка, теории грамматики, лингвокультурологии, истории гуманистической мысли, истории общего языкознания, социолингвистике, грамматической стилистике.

Согласно целям, задачам и методу исследования работа имеет следующую **структуру**: введение, две главы с выводами по каждой главе, заключение, список использованной литературы и два приложения.

Во введении формулируются объект и предмет исследования, основные цели и задачи, метод, актуальность и теоретическая основа работы.

В первой главе диссертационного исследования рассматривается общий исторический контекст формирования европейской, и испанской, грамматической традиции XV-XVI вв., а также предпосылки создания «Диалога о языке», его место в лингвистической традиции (в частности, по отношению к А. де Небрихе).

Подробно анализируются теоретические вопросы о языке, затрагиваемые Вальдесом в тексте «Диалога», отображающие взгляды автора на язык и его онтологию: понимание гуманистом родного и иностранного языка, эволюция языка, диалектов, истоки кастильского языка, различие устной и письменной речи, языковая норма.

Вторая глава посвящена вопросам прикладного характера, в противоположность теоретическим воззрениям Вальдеса, которые проанализированы в предыдущей главе. По содержательному принципу эти вопросы были разделены на грамматические (морфологические и синтаксические), орфографические, лексикологические, стилистические. Здесь же обобщаются взгляды Вальдеса на кастильский язык как иностранный и лингводидактическая прагматика сочинения.

В заключении формулируются основные выводы диссертации и выделяются закономерности, которые могут быть полезны при изучении сочинений о языке других авторов эпохи Ренессанса, а также в сравнительно-исторических исследованиях, посвященных развитию испанского языка и истории формирования дисциплины «испанский язык как иностранный».

Список использованной литературы включает, во-первых, первоисточники, среди которых различные издания «Диалога о языке», с которыми нам удалось ознакомиться в зарубежных библиотеках (см. библиографию), а также работы

некоторых других авторов эпохи Возрождения, к текстам которых мы обращались в процессе исследования. Во-вторых, это работы справочного, фундаментально-теоретического и критического характера, посвященные изучаемой области исследования.

Полученные выводы, обозначившие особенности лингвистического учения Хуана де Вальдеса, его языкового сознания, а также место «Диалога о языке» в лингвистической традиции Испании первой половины XVI в., делают возможным взглянуть более глубоко на наследие Хуана де Вальдеса и, соответственно, развитие испанской лингвистической мысли XVI в. Воззрения гуманиста на родной язык, его онтологию, бытование, преподавание и описание проясняют некоторые типичные для эпохи Возрождения идеи о языке, наравне с чем проявляются индивидуальные черты мировоззрения (и видения языка) Хуана де Вальдеса, свойственные лишь немногим его современникам или только лишь представителям последующей грамматической традиции, вплоть до современности. Полученные сведения полезны для исследований Ренессанса как эпохи, определяющей пути развития лингвистической традиции Испании и Европы в целом, а кроме того, современной истории лингвистических учений как продолжения традиции Ренессанса, что составляет **теоретическую ценность** нашей работы.

Материалы и выводы проведенного исследования применимы к использованию на **практике** в университетских курсах для студентов и аспирантов по истории лингвистической мысли Испании, испанскому языкознанию и литературе XVI в., истории лингвистики в Европе, истории преподавания иностранного (в частности, кастильского) языка в Европе, а также особенностям ренессансных диалогов как определенного феномена эпохи.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование обсуждалось на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, а также за рубежом: в университетах Германии (Humboldt-Universität zu Berlin, Ruprecht-

Karls-Universität Heidelberg⁸) и Испании (Universidad del País Vasco, Universidade da Coruña⁹).

Основные положения исследования были освещены в виде докладов в России и за рубежом:

- на XV, XVI, XVII, XVIII и XXI заседаниях секции «Филология» ежегодной конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008, 2009, 2010, 2011, 2014 гг.);

- на V и VII заседаниях научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности» (МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 30.11 – 01.12. 2011 г., 28 – 29.11.2013 г.);

- на IX конференции по романистике для аспирантов и молодых ученых LIMES в Гейдельберге, Германия (Ruprecht-Karls-Universität *Heidelberg*, Romanisches Seminar, Kolloquium für Promovierende und Promovierte der romanischen Sprachwissenschaft, 4 – 6.04.2013 г.).

По проблематике настоящего исследования было опубликовано десять статей, в том числе четыре в изданиях, рецензируемых ВАК РФ, и одна за рубежом (Португалия).

⁸ В рамках учебы по грантам от DAAD и Erasmus Mundus.

⁹ В рамках учебной стажировки, а также стипендии от правительства Галисии.

Глава 1. «Диалог о языке» Хуана де Вальдеса и теория языка в Испании XVI века

I. Предпосылки формирования европейской грамматической традиции Нового времени

В XIV-XVI вв. коренным образом поменялась политическая, социальная и культурная ситуация в Европе. В XIV в. итальянское Возрождение открывает новую эпоху в истории Европы. Ко второй половине XV в. Италия переживает расцвет искусства и культуры Кватроченто (высокого Возрождения). О Средневековье начинают говорить как о времени, отделяющем нового человека от античной классики¹⁰. Возрождение как таковое начинает проникать в Испанию¹¹. Гуманизм утверждается во Франции. Начинается Контрреформация в Европе. Растет народное самосознание, появляется больший интерес к индивидуальности и личности, в частности, как к носителю той или иной культуры и языка¹².

С появлением книгопечатания гуманистические идеи широко распространяются по всей Европе. Классические языки (латынь и греческий) уже не в полной мере адекватны новым задачам. Народные языки расширяют сферы своего применения, переходя из устной формы бытования и в письменную.

¹⁰ Nederehe H.-J. Предисловие к: History of Linguistics in Spain/ Historiade la Lingüística en España, Vol.II, ed. by E.F.K.Koerner, Hans-Josef Nederehe, Amsterdam/Philadelphia, 2000. – P. xii.

¹¹ В частности, В. Ф. Шишмарев рамками испанского Возрождения называет XVI в и первые десятилетия XVII века («эпоха испанского Ренессанса, развернувшегося во всю ширь и давшего ряд блестящих деятелей на самых разнообразных поприщах культурного творчества». – Шишмарев, В. Ф. Очерки по истории языков Испании. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 142.

¹² Возрождение по М. Л. Андрееву: культура Возрождения есть локальное по масштабам (только Западная Европа и только высшие сферы культурной деятельности - главным образом литература и изобразительное искусство), но глобальное по последствиям явление мировой культуры. Его специфику составляет совмещение двух противоположных по направленности импульсов: традиционалистского (что выразилось в отношении к античной культуре как абсолютной норме) и инновационного (что выразилось в обостренном внимании к культурному смыслу индивидуальной деятельности). Понимание нормативности как по преимуществу стилиевой поставило в центр культуры Возрождения риторику, а всем культурным языкам сообщило отчетливую эстетическую окрашенность. Постренессансная европейская культура восприняла художественные достижения Возрождения, но отправной точкой ее дальнейшего развития стало разрушение ренессансного эстетического синкретизма. – Подробнее см. в: Андреев М. Л., Хлодовский Р. И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М. Наука, 1988.

Академик А. Ф. Лосев, вслед за Э. Пановским, в контексте Западного Ренессанса говорит о протогуманизме (каролингское Возрождение 9 века, 10-11 вв.), готике, или предренессансе (11-12 вв.) и собственно Ренессансе (итальянском) (13-16 вв.). – Подробнее см.: А. Ф. Лосев. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / Сост. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1998. – С. 38-39.

Вследствие этого все большего внимания требует письменная форма языка, вместе с чем встает вопрос определения литературного языка и языковой нормы, орфографического единообразия. Развитие национализма, политического самосознания наравне с коммерциализацией международных отношений делают необходимыми формулировку правил использования народного языка и принципов его описания¹³.

В Средневековье грамматические работы создавались как руководства для понимания классического латинского языка и его воссоздания в общественно-языковой практике (вплоть до Возрождения основными образчиками латинской грамматики выступали: А. Донат, *Ars grammatica*, IV в., Присциан, *Institutionum grammaticarum*, VI в.)¹⁴. Наравне с этим создаются словники и глоссарии, объясняющие на более «испорченном» языке те или иные места канонических текстов. В XI-XIII вв. появляются попытки логико-философского подхода к языку и его функционированию (П. Абеляр, Р. Луллий), «классики» Донат и Присциан переосмысляются, и их теоретические размышления актуализируются. Набирают популярность и вес идеи об универсальном языке.

В целом, работы о языке, создававшиеся в рамках грамматического канона Средневековья, наследника греко-латинской традиции, служили, прежде всего, практическим целям: обучению правильному письму и речи на латыни (и менее широко – греческом), в то время как только намечался вопрос принципов письменной фиксации и изучения народных языков¹⁵.

Если раньше более интересными для авторов были логический анализ в научных трактатах, то теперь более привлекательными становится аутентичная

¹³ См., например, о Европе Возрождения: «Книгопечатание, проникновение в Европу восточных рукописей, зарождение литературы, которая больше не ориентировалась ни на устное слово, ни на зрительное представление и не подчинялась им, господство толкования религиозных текстов над традицией и авторитетом церкви – все это, даже при невозможности выявить роль причинно-следственных связей, свидетельствует об основополагающем значении Письменности на Западе. Отныне первоприрода языка - письменность». – М.Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук, СПб., А-сэд, 1994. С.74.

¹⁴ Амирова Т. А. История языкознания: учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский; под ред. С. Ф. Гончаренко. М., 2006. С.143.

¹⁵ В частности, Изабелла Кастильская спрашивает А. де Небриху, представившего ей «Грамматику кастильского языка», какова же причина ее написания.

форма классиков, с ее особенностями¹⁶. «Философия была заменена личностью философа, наука – личностью ученого, литература – личностью писателя»¹⁷. А теоретическая основа народных живых языков выстраивается на наследии классической традиции через доказательство равенства народного языка классическому, а затем и его превосходства (или большей адекватности для применения).

Прославление родного языка становится для гуманистов и теоретиков языка политической задачей. Начало традициям описания и восхваления родных народных языков положили сочинения итальянских и каталанских авторов Данте Алигьери, Джованни Боккаччо, Пьетро Бембо, Лоренцо Валлы. Трактат «О народном красноречии» Данте (1305 г.) считается «вершиной романской языковой мысли средневековья»¹⁸ и одновременно с этим «в истории нового времени <...> первым из дошедших до нас памятников, относящихся к теории языка в широком смысле этого слова, к теории литературного языка в частности и особенности»¹⁹. Волна прославления народного языка из Италии распространяется по всему романскому ареалу, и этот вопрос становится программным для теоретиков языка Возрождения.

Античное наследие начинает рассматриваться не как предмет слепого подражания, но как теоретическая основа, способная к развитию на новой современной почве.

В европейских странах латинского ареала, как отмечает Б. А. Ольховиков, в XVI-XVIII вв. в рамках формирования жанра национальных грамматик изменяется отношение между метаязыком и языком-объектом описания. Изначально грамматики некоторых национальных языков пишутся на латыни, параллельно с чем создаются латинские грамматики на латыни. Затем появляются грамматики

¹⁶ Niederehe H.-J. Op. cit. P. xiii.

¹⁷ Волков А. А. Язык и мышление. Мировая загадка. URSS, Москва, 2007. С. 168.

¹⁸ Алисова Т. Б., Чельшева И. И. Романские языки // Языки мира: Романские языки. Под ред. И. И. Чельшевой, Б. П. Нарумова, О. И. Романовой. – М.: Academia, 2001. С.15-55. – С. 17.

¹⁹ Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей. Изд. Московского Университета, 1984. С. 165.

латыни на родном языке. И, наконец, грамматика народного языка создается на родном языке²⁰.

Если мы обратимся в этом контексте к испанской традиции, то абсолютным первопроходцем в теоретизации народного языка выступает Антонио де Небриха, создавший в 1481 г. латинскую грамматику (на латыни), которую он в 1486 г. переводит на испанский.

Венчает творчество А. де Небрихи «Грамматика кастильского языка» (1492 г.), где народный язык выступает и объектом описания, и метаязыком.

По словам Р. Менендеса Пидалья, эта грамматика стала первым в гуманистической Европе воплощением идеи о достоинстве народного языка, которая впоследствии была теоретизирована Возрождением²¹. Манера изложения, теоретический аппарат и принципы описания заимствуются из греко-латинской традиции. Но понятие «искусство» языка (*arte, artificio*), т. е. изучение языка через его грамматику, становится применимо не только к классическим греческому и латинскому языкам, но и к народному языку²² (до XIV-XV вв. само понятие грамматики применялось только к правильности письма и речи на латыни²³).

«Грамматика кастильского языка» Небрихи показала, что народные романские языки могут быть и должны быть объектом профессионального изучения и описания наравне с латынью.

²⁰ Ольховиков Б. А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. Становление и эволюция канона грамматического описания в Европе. М., 1985. С. 138-139.

В период Возрождения изменяется также и понятие «порчи» языка, которое изначально было применимо только к латыни в связи с развитием из нее народных языков. Теперь возможно обозначение под этим понятием слишком нарочитого обращения к латыни при описании живого языка или просто его использовании, а в случае, например, с португальскими авторами, – неоправданного заимствования из испанского языка в португальский. – Про португальских авторов подробнее см.: Косарик М. А. Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. М.: Макс-Пресс, 2013. С. 84.

²¹ Menéndez Pidal R. Historia de la lengua española. Vol. I. Madrid: 2005. P. 683-684.

²² Р. Лапеса отмечает, что «местные Донаты» фигурировали еще в 13 в. при английском дворе, где было необходимым составить некие руководства по французскому языку, его произношению, графике, лексике. Но эти пособия Лапеса называет элементарными (*tratados rudimentales*) и не заслуживающими сравнения с грамматикой Небрихи. – Lapesa R. Historia de la lengua española. Madrid, 1959. P. 192.

²³ Arens H. Sprachwissenschaft. Der Gang Ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Freiburg/Muenchen, 1969. S. 62.

В определении первенства конкретных грамматических работ на других романских языках существуют некие разночтения. Пальму первенства в Италии разделяют грамматика итальянского языка П. Фортуньо²⁴ 1516 г., сочинение П. Бембо²⁵ 1523 г. и грамматика Дж. Триссино²⁶ 1529 г. Первыми португальским грамматиками стали труды Ж. Барруша²⁷ 1540 г. и Ф. Оливейры²⁸ 1536 г. (труд которого не все признают грамматической систематизированной работой²⁹). В 1551 г. выходит в свет французская грамматика Луи Мегре³⁰, в 1557 г. грамматика Робера Стефануса, а в 1557 г. – труд Р. Этьена³¹ (сравним: в 1587 г. выходит баскская грамматика, в 1531 г. – «Немецкая грамматика» В. Икельзамера, к середине XVI в. появляются грамматики арабского, халдейского, сирийского арамейского, эфиопского языков, начинают выходить работы о языках Нового света: кечуа в Перу, арауканском в Чили, аймара в Боливии и Перу, гуарани в Бразилии и Перу).

В XV-XVI вв. начинает формироваться языкознание и лингвистический метод Нового времени, хотя большинство названных работ все еще следует образцу и схемам грамматик латинского языка, которые, в свою очередь, были наследниками греческой традиции. В XVI в. в фокусе грамматистов преобладают европейские языки, тогда как к XVII-XVIII вв. к ним добавляются языки других регионов³².

Таким образом, в XVI в. идея прославления родного национального языка в Европе претворялась в первых грамматиках через призму средневекового представления о языке (хотя уже и обсуждаются, например, принципы

²⁴ G. F. Fortunio. *Regole grammaticali della volgar lingua* (изд. 1516).

²⁵ P. Bembo. *Prose della vulgar lingua* (1523).

²⁶ G. Trissino. *Grammatichetta* (1529).

²⁷ J. de Barros. *Gramática da lingua portuguesa* (1540).

²⁸ F. de Oliveira. *Gramática da linguagem portuguesa* (1536).

²⁹ Подробнее о статусе первых португальских грамматических трудов см., например: Кистерева М. Э. Западноевропейские грамматики XV-XVI веков. Роль грамматического примера в становлении новой науки о языке. Дисс.... канд. филол. наук. М., 2010. С. 16.

³⁰ L. Meigret. *Le Traité de la Grammaire française* (1510).

³¹ R. Estienne. *Traicté de la Grammaire Francoise* (1557).

³² Arens, H. *Op. cit.* S. 64.

универсализма языка), постепенно изменяя вектор развития в сторону идей Возрождения. Сознание того, что язык бытует, прежде всего, в устной форме, а затем уже в письменной, еще не оформилось у теоретиков языка, которые, как утверждает А. Товар, не разделяли историю языка и литературы³³, но при этом отмечали связь между судьбами государства и языка, несмотря на постоянное проникновение устной речи в письменную³⁴.

II. Народный язык и грамматическая мысль в Испании XV-XVI веков.

От Антонио де Небрихи к Хуану де Вальдесу

Как было упомянуто выше, в XV-XVI вв. чувствовалась особая острая необходимость в выработке четких правил письма и графического оформления речи, нормы народных языков, определении статуса литературного языка.

В XIII в. кастильский язык становится языком государственности и делопроизводства. Рубеж XV-XVI вв. в Испании, как и вообще в Европе, знаменуется возрастанием внимания к гуманитарному знанию и именно к народной национальной составляющей культуры в противовес греко-латинской базе и корням: «Те гордые доблестные мужи, влюбленные в шпагу, недооценивавшие гуманитарное знание, теперь во славу преподают его в университетах»³⁵.

Ко времени правления Фердинанда и Изабеллы и написания грамматики А. де Небрихи (1492 г.) подход к образованию на Иберийском полуострове значительно изменился. Испания расширяет сферы влияния, становится мощной державой. Наравне с этим происходит рост самосознания нации, а параллельно – общекультурный подъем: «Всё обновляется под всеобъемлющим контролем

³³ Товар А. Einführung in die Sprachgeschichte der Iberischen Halbinsel. Tübingen: Narr, 1989. S.52.

³⁴ Сапрыкина О. А. Язык и словесное творчество средневековой Португалии. М., 2010. С. 267.

³⁵ “Aquellos orgullosos magnates que, enamorados de la espada, habían menospreciado las letras, van después á enseñarlas con gloria en las universidades”. – Lafuente M. Historia de España. Discurso preliminar. – Цит. по: Arteaga y Pereira, Fernando de. Spanisches Lesenbuch, Heidelberg. 1922. P. 71-72.

Католических королей³⁶: гуманитарное знание, искусство, торговля, законы, добродетель, вера, государство. Это золотой век Испании»³⁷. Наравне с процессами в экономике развивается и гуманитарное знание³⁸.

Европейские авторы трудов о языке сходятся во мнении, что народные языки уступают классическим лишь в недостатке классической литературы, традиции и заботы о языковой правильности. И как раз в XV-XVI вв. эта проблема преодолевается благодаря появлению грамматических работ о народных языках и появлению новых авторов, совершенствующих новые языки.

В Испании копилку «классиков» пополняют, наравне с уже почитаемыми Хуаном де Меной и Гарсиласо де ла Вегой, в XVI в. Эрнандо де Пульгар, Педро Мехиа, Флориан де Окампо, Алексо Венегас, Франсиско Сервантес де Саласар, Маэстро Олива, Фрай Луис де Гранада, Бачильер де ла Торре, Фернан Перес де Гусман, Мосен Диего де Валера, Хуан Лопес де Паласиос Рубиос, Антонио де Гевара, Бачильер Руа, Франсиско Лопес де Вильялобос, Дон Луис де Авила, Фрай Луис де Леон, Эрнандо де Эррера, далее М. Сервантес.

Тем не менее, университетское преподавание все еще велось на латыни. Гуманисты вырабатывали новые материалы для преподавания гуманитарных наук³⁹. Большое количество текстов античного наследия переводилось с греческого на латынь и входило в программу обучения. В свою очередь, переводные работы вдохновляли гуманистов на собственные диалоги (Эразм Роттердамский, Альфонсо де Вальдес, Ульрих фон Гуттен). К XVI в. собственно

³⁶ Католических государей, по В. Ф. Шишмареву.

³⁷ "Todo renace bajo el influjo total de los Reyes Catolicos: letras, artes, comercio, leyes, virtud, religiosidad, gobierno. Es el siglo de oro de España". – Lafuente. Op. cit. P. 74.

³⁸ "Las letras humanas adquieren un prodigioso desarrollo en este reinado feliz". – Ibid. P. 73.

³⁹ Обращение к первоисточникам стало основой обучения и преподавания. Так, в Париже Жак Лефевр д'Этапль осуществил переработанное издание переводов работ Аристотеля и других авторов, с целями заменить средневековые переводы на вульгарной латыни, философски недостоверные, филологически и эстетически неадекватные, по мнению гуманистов.

Благодаря многочисленным новым переводам гуманистами классиков, исправленным изданиям и переработкам в сферу знаний Возрождения вошла значительная часть богатства наследия древних авторов, а также имели место весьма скандальные открытия (такие как сочинение Donatio Constantini 1440 Лоренцо Валлы и последующая его публикация Гуттенем в 1517). В частности, один из известных итальянских гуманистов 15 в., Анджело Полициано (Angelo Poliziano) еще в юности перевел Гомера, включив его впоследствии в обучение детей Лоренцо Медичи «Великолепного», наставником которых он работал. – Copenhagen, Brian P. and Schmitt, Charles B. Renaissance Philosophy, Oxford University Press, 1992. P.32.

Эразм, Филлип Меланктон, Иоганнес Штурм, Чиприано Соарес вошли в программу образования, разработанную иезуитами.

Однако, по словам В. Ф. Шишмарева, «несмотря на уже значительно разросшуюся к концу XVI в. литературу и на стабилизацию важнейших очертаний языка, в нем было еще немало неустойчивого, немало колебаний и произвола, наследия эпохи феодальной раздробленности», и «перед испанцами возникает задача преобразования, прежде всего, своего письменного языка, превращение его в нечто подобное итальянскому или классической латыни»⁴⁰.

С XV в. появляется невиданное ранее количество текстов разных направлений на народном языке. С возникновением первых издательств в Испании в 1480 г. создается огромное количество текстов на кастильском языке (но в основном это трактаты различных типов, кодифицирующие и воспевающие жизнь аристократии): тексты о правилах этикета, трактаты о соколиной охоте, учебники по застольной молитве, трактаты по медицине⁴¹.

Вследствие расширения сфер влияния Испании и развития коммерческих отношений в Испании встает вопрос обучения не только латыни, но именно кастильскому языку. Возрастает потребность изучения кастильского языка, в первую очередь, для коммерсантов (ранее дети горожан обучались в монастырских школах латыни, необходимой для общения при коммерческих отношениях, но из-за недостатка практики в жизни профессиональное общение постепенно переходило на кастильский язык, что стало, например, одной из причин замены латыни на народный язык в частных документах)⁴².

До появления «Грамматики» Небрихи изучение испанского языка (как носителями, так и иностранцами) было неотрывно от латыни (кастильский

⁴⁰ Шишмарев, В. Ф. Ук. соч. С. 136.

⁴¹ Подробнее см. Eberenz, R. Los regimientos de peste a fines de la Edad Media: configuración de un nuevo género textual. — En: Lengua medieval y tradiciones discursivas en la Península Ibérica. Descripción gramatical-pragmática histórica-metodología // Jacob D./ Kabatek J. (eds.) — Vervuert, Iberoamericana, 2001. С.80.

⁴² Pirenne, H. Historia económica y social de la Edad Media, México 12, 1974. P. 93-94. — Цит. по: Voigt, B. Juan de Valdés und Bermúdez de Pedraza. Zwei spanische Sprachgeschichtsschreiber. Bonn: Bouvier, 1980. С. 20-21.

изучался через латынь). Так, существовало два способа изучения языка: прямое общение с носителями или через пособия (ими могли служить глоссарии и двуязычные словари, как правило, созданные для изучения латыни, с помощью которых можно было изучать кастильский через латынь). Традиция глоссариев уже имела свою длительную историю и начинала применяться к испанскому.

Первым известным приложенным непосредственно к испанскому языку глоссарием становится труд Альфонса Фернандеса Паленсии (Alfonso Fernández Palencia, *Universal vocabulario en latín y en romance*, Sevilla, 1490). А свой вариант именно словаря выпускает Небриха в 1490: *Diccionario latino-español*, в 1495 г. выходит его же словарь *Vocabulario latino-español*, а в 1516 г. в Севилье *Vocabulario de romances en Latín*⁴³.

Отдельные работы по орфографии создаются теоретиками языка на протяжении всего Золотого века (Небриха, Правила орфографии кастильского языка, Алкала, 1517 г.⁴⁴, Венегас, Трактат об орфографии и ударениях на трех основных языках, Толедо, 1531 г.⁴⁵, Б. дель Бусто, Искусство чтения и письма, Саламанка, 1533 г.⁴⁶, Ф. Роблес, Правила орфографии, Алкала, 1533 г.⁴⁷, А. Флорес, Искусство правильного чтения и письма, Вальядолид, 1552 г.⁴⁸, Симон Абриль, Руководство для легкого обучения детей чтению и письму и вещам, необходимым в этом возрасте, Сарагоса, 1590 г.⁴⁹). Такова была «неграмматическая» традиция изучения родного языка.

Наравне с этим убеждение, что закрепление грамматики языка — это закрепление и фиксация престижности языка, повлекло за собой вывод, что языки должны изучаться через их грамматику⁵⁰. Так рождается повод для формирования

⁴³ Sánchez Pérez A. Historia de la enseñanza del español como lengua extranjera, Madrid, 1992. P. 8.

⁴⁴ Nebrija, Reglas de Ortografía en la lengua castellana, Alcalá, 1517.

⁴⁵ Venegas, Tratado de Orthographía y acentos en las tres lenguas principales, Toledo 1531.

⁴⁶ Bernabé del Busto, Arte para aprender a leer y escribir, Salamanca, 1533.

⁴⁷ Francisco de Robles, Reglas de Ortografía, Alcalá, 1533.

⁴⁸ Andrés Flórez. Arte para bien saber leer y escribir, Valladolid, 1552.

⁴⁹ Simón Abril, Perdo, Instrucción para ensañar a los niños fácilmente el leer y el escribir, y las cosas que en aquella edad les está bien aprender, Zaragoza, 1590.

⁵⁰ Подробнее см.: Sánchez Pérez A. Op. cit. P. 8-13.

традиции преподавания испанского языка, развитие которой связано с расширением территории Испании за пределы Пиренейского полуострова.

Как раз «Грамматика кастильского языка» Небрихи стала первым грамматическим пособием по изучению народного языка в Европе. Она уникальна тем, что это первый печатный труд о народном языке, на народном языке, имеющий характер комплексного методического пособия, адресованного, при этом, как носителям языка, так и иностранцам.

В этой работе Небриха закладывает основы методологии преподавания испанского языка как иностранного. Являясь одновременно нормативно-прескриптивной грамматикой, его труд становится предвестником жанра «педагогической грамматики»⁵¹.

В «Грамматике» А. де Небриха собрал воедино все значительные элементы описания языка, зафиксировав родной кастильский язык на наивысшей, по его мнению, точке развития, и, тем самым, закрепив его равенство по статусу с греческим и латынью. Вслед за итальянскими гуманистами Небриха выдвигает тезис о соответствии этапов развития государства и языка. Сам Небриха во вступительной части своей грамматики признается, что хочет сделать для испанского то же, что Зенодот для греческого и Кратет для латинского: «*io quise echar la primera piedra, y hazer en nuestra lengua lo que Zenodoto en la griega y Crates en la latina. Los cuales aun que fueron vencidos de los que después dellos escribieron, a lo menos fue su gloria, y será nuestra, que fuemos los primeros inventores de obra tan necessaria*»⁵².

Вслед за Испанией повсеместно побеждают тенденции перехода от «латыни к народному языку», лишь выбор подходящего варианта языка в основу нормы, оттенки взаимоотношений народного языка с латынью и их корреляции в различных сферах общественной жизни различаются согласно геополитическим особенностям государства.

⁵¹ Термин А. Санчеса Переса.

⁵² Nebrija, António de. Gramática de la lengua Castellana, edición crítica de Antonio Quilis, Madrid, 1992. P. 16. Речь идет о Зенодоте Эфесском и Кратете Пергамском.

В Испании на рубеже XIV-XV вв. значительно изменяется курс развития культуры и литературы. Аллегорическая поэзия приходит с «Божественной комедией» Данте и «Триумфами» Петрарки, появляются переводы Боккаччо. Наравне с итальянскими классиками большое влияние имеет французская культура с ее концептами куртуазности. С завоеванием в 1443 г. Неаполя Альфонсо Пятым Арагонским итальянское влияние и испано-итальянские контакты стремительно возрастают, появляются такие фигуры, как Маркиз де Сантьяна, Хуан де Мена. Переводятся греко-латинские классики⁵³.

Реконкиста и распространение кастильского языка в конце XV-XVI вв. по всему Иберийскому полуострову связаны с возвышением в Испании кастильского диалекта над остальными. Кастильская литературная норма распространяется на остальные провинции⁵⁴.

Возрожденческие веяния попадают в Испанию, по словам Гарсии де ла Конча, Г. Нидерее и др., с момента приезда Небрихи в Италию в возрасте 19 лет, который отправляется туда «не по причине, по которой другие устремляются туда, чтобы обогатиться за счет церкви, привезти знание гражданского и церковного права, устроить торговые дела, но чтобы, во имя справедливости, после такого долгого времени латинские авторы были доступны на земле, для которой их творчество было закрыто уже очень давно»⁵⁵.

С тех пор, как отмечает Ф. Педли, Возрождение в Испании связано с именем Небрихи. А Рафаэль Лапеса отзывается о деятельности кружка кардинала Сиснероса и образовании университета в Алкале-де-Энарес (где была издана многоязычная Библия) как о плодах гуманистической деятельности Антонио де Небрихи⁵⁶.

Антонио де Небриха (1444-1522 гг.) в «Грамматике кастильского языка» (1492 г.) первым высказывает идею о языке - спутнике империи («que siempre la

⁵³ Подробнее см.: Lapesa R. Historia de la lengua española. Madrid, 1959. P. 179-190.

⁵⁴ Ibid. P. 191.

⁵⁵ Слова Небрихи из Испанско-латинского словаря, 1495(?) (Nebrija, A. de. Vocabulario español-latino ¿1495?, fol. a. ii., v.; cf. Quilis, ed. Nebrija 1989. P. 10).

⁵⁶ Lapesa R. Op. cit. P. 186-187.

lengua fue compañera del imperio»⁵⁷), наравне с чем подчеркивает более высокий статус кастильского по отношению к языкам народов –объектов будущих завоеваний. «Грамматика» становится первым комплексным учебным пособием по испанскому языку. Небриха кодифицирует кастильский, что идет параллельно с попыткой позиционировать и осмыслить язык в историческом контексте и выработать дидактическую платформу по изучению языка. Становится очевидной необходимость выработки дидактического аппарата преподавания на национальном языке.

Небриха смог соединить в своей работе компоненты филологический (лингвистический базис, заложенный в прошлом) со спекулятивным (идеи о языке как таковом и позиционирование грамматики как науки), которые ранее были разведены⁵⁸. Небриха своим трудом доказывает значимость изучения грамматики как основы и источника познания языка.

С этого момента изучение испанской грамматики рассматривается не просто как проводник к последующему изучению латинской. Кастильский язык первый из народных языков становится самоценным предметом изучения и начинает фигурировать как язык международного общения в силу развития испанской империи.

«Грамматика кастильского языка» Небрихи, «хотя и была встречена при дворе с неодобрением, но, тем не менее, сыграла свою историческую роль, дав мощный импульс повороту умонастроения общества в сторону родного языка, усвоенного с младенческих лет»⁵⁹.

Труд по грамматике Небрихи предваряют учебник латинского языка (1481, *Introducciones latinae*), созданный в целях “покончить с «варварской» латынью, улучшив ее преподавание в школах и университетах»⁶⁰, испанское переложение

⁵⁷ Nebrija, A. de (1992) *Gramática de la lengua Castellana*. P. 13.

⁵⁸ Esparza Torres, Miguel Ángel. *Las ideas lingüísticas de Antonio de Nebrija*. Münster, 1995. P. 252.

⁵⁹ Раевская М. М. *Испанское языковое сознание Золотого века (XVI-XVII вв.)* URSS, КомКнига, 2006. С.10.

⁶⁰ Сулимова Н. Г. *История развития испанской грамматической мысли XV-XIX*. С. 21.

которого Небриха выпускает в 1486 г., – латино-испанский и испано-латинский словари, грамматика греческого языка.

Наследие Небрихи, начиная с XVI в., становится самым изучаемым (его цитирует в 1538 г. Томас Элиот, автор работы по французской орфографии 1578 г., Онора Рембо опирается на Небриху, Сезар Оден ссылается неоднократно на Небриху в своих работах, что делает и Жуао де Барруш)⁶¹.

В XVI-XVII вв. профессура в Испании фактически разделяется на два лагеря: приверженцев старой классической традиции преподавания на латыни и тех, кто уверен, что учебники и обучение должны быть на народном языке. В некоторых местах, например, Саламанке, к последним применялись санкции. В целом, образование на латыни продержится вплоть до XVIII в., а латинская грамматика Небрихи будет бессменным авторитетом (с 1601 г. – в адаптации Хуана Луиса де ла Серды)⁶².

Наравне с этим, несмотря на бесспорную ценность и новаторский характер «Грамматики кастильского языка» Небрихи, она издается всего один раз. Это можно объяснить, в частности, темпами развития лингвистических идей и представлений о языке. Требовалось новое осмысление и формулировка судеб кастильского языка.

Среди следующих после «Грамматики» Небрихи самых известных и почитаемых работ, посвященных грамматике кастильского языка, фигурируют: Anónimo de Lovaina, *Util y breve institución para aprender los principios y fundamentos de la lengua hespanola*, 1555; Cristobál de Villalón, *Gramatica Castellana. Arte breve y compendiosa para saber hablar y escrevir en la lengua Castellana congrua y decentemente*, Anvers, 1558.

⁶¹ History of Linguistics in Spain. P. xiv.

⁶² García Folgado, M. J. La gramática española y su enseñanza en la segunda mitad del siglo XVIII y principios del XIX (1768-1813). Tesis doctoral: Valencia: Universitat de Valencia, F. de Filología, 2005. P. 21.

Следует также отметить грамматику Б. Бусто⁶³, «Беседу о кастильском языке» А. де Моралеса⁶⁴, «Диалог о языках»⁶⁵ Д. Фриаса и Бальбоа.

Первая грамматика испанского языка для иностранцев будет издана в Нидерландах лишь в 1550 г.: *Util y breve institución para aprender los principios de la lengua hespañola* por F. Laurentius a Villavicentio (?). Вслед за ней в 1555 г. появляется (упомянутая выше) работа с похожим названием: *Util e breve institución para aprender los principios y fundamentos de la lengua hespañola*, Lovaina. Интересен факт, что последняя в коммерческих целях написана на трех языках: испанском, французском и латыни⁶⁶.

«Диалог о языке» (1535 / 1536 г.) Хуана де Вальдеса, таким образом, является вторым значимым трудом, посвященном грамматике кастильского языка. «Диалог» закрепил «универсализм испанского языка в XVI в. во всей Европе»⁶⁷. Он, бесспорно, является важным памятником развития лингвограмматической мысли в Испании первой половины XVI в., раскрывающим и иллюстрирующим многие аспекты языка и языковой парадигмы.

В «Диалоге» можно проследить изменение и развитие взглядов Небрихи на каноны грамматического описания. Автор «Диалога о языке» отличается более скептическим отношением к латинскому языку и латинской культурной основе, в частности, отдавая предпочтение живому испанскому языку с его общепризнанным авторитетом. Вальдес продолжает «волну» восхваления и воспевания родного языка, и переложения существующих представлений о грамматике на материал народного языка (что было общеевропейской тенденцией

⁶³ Bernabé de Busto. *Introductiones grammaticas, breues y compendiosas*, 1533 (изд. Саламанка, 1553); *Arte para aprender a leer y escreuir perfectamente en romance y latín*, 1532 (изд. Саламанка, 1553 г.).

⁶⁴ Ambrosio de Morales, *Discurso sobre la lengua castellana* (1546).

⁶⁵ Damasio Frías y Balboa, *Diálogo de las lenguas* (1579).

⁶⁶ Таким образом, постепенно аудитория потенциальных учеников испанского языка продолжает увеличиваться. Если Небриха обозначил возможность адресации грамматики иностранцу, то автор грамматики 1555 г. идет еще дальше. Это еще раз доказывает положение о параллельности развития государства и языка: с увеличением могущества империи растет и влияние языка.

⁶⁷ Campany y Montpalau A. de. *Teatro historico-critico de la eloquencia española*. T. 1. Madrid: Don A. de Sancha, 1786. P. cxliix-cxlix.

рубежа пятнадцатого и шестнадцатого веков: “radical criticism of traditional grammatical concepts and the advent of vernacular grammatical writing”⁶⁸).

Вальдес всю жизнь отзывался негативно о Небрихе как выходеце из Андалусии с ее «неправильным» испанским произношением⁶⁹, а также и о его грамматике кастильского языка, хотя трудно сказать, насколько искренним был Вальдес во всех подобных случаях, во-первых, потому как Вальдес, хотел он того или нет, становился прямым продолжателем заложенной Небрихой традиции, а во-вторых - так как известен факт противостояния грамматиков Саламанки (где преподавал Небриха) и Алкалы-де-Энарес (где обучался Вальдес)⁷⁰.

Как отмечает А. Мартинес Гонсалес, грамматика Небрихи могла служить пособием для грамматистов и преподавателей, но не учебником для чтения, а появления таких грамматических работ, используемых именно в этих целях, следует ожидать лишь во второй половине XVI в.⁷¹. Исследователь вместе с этим упоминает место «Диалога о языке», когда Вальдес отвечает Марчо, что будто бы не читал Небриху, т.к. его грамматику не хвалили и она была издана всего лишь один раз.

Хуан де Вальдес, прежде всего, известен по сочинениям религиозного и этико-философского толка. Его наследие повлияло на развитие философско-религиозных кружков Европы. В XVI в. и позднее, несмотря на то, что официально имя Вальдеса занесено в списки запрещенных авторов, остается немало продолжателей и почитателей его взглядов⁷².

⁶⁸ Percival, W. Keith. *Studies in Renaissance Grammar*. Aldershot, 2004. P. 232.

⁶⁹ В свою очередь Вильялон, например, критиковал Небриху за копирование латинских грамматик.

⁷⁰ Интересно, например, отметить, что Небриха получил в университете Алкалы кафедру *prima de gramatica de alcala*, но лишился ее в 1503.

⁷¹ “Pero parece que la obra de Nebrija pudo servir de guía a gramáticos y profesores, pero no de libro de texto, por lo que hay que esperar a la segunda mitad del XVI para encontrarnos con obras gramaticales destinadas claramente a este fin y usadas para ello”. — Martinez Gonzalez, A. *Historia de las ideas linguisticas Gramaticos de la España meridional*. Frankfurt am Main ; New York: Peter Lang Pub. Inc., 2009. P. 37.

⁷² Так как Вальдес попал в «лагерь» тех, кого преследовала Инквизиция, многие из его сторонников или сочувствующих были рано или поздно устранены Инквизицией.

Например, Сантьяго Бонфаджо (впоследствии обезглавлен и сожжен в 1560) в письме к Карнезекки (сожжен заживо в 1567) следующим образом отзывался о Хуане де Вальдесе: “¿Adónde iríamos nosotros, pues que ya es

Происхождение Вальдеса из семьи обращенных католиков, принадлежавшей к привилегированному классу, однако имеющей неоднозначные отношения с инквизицией, а также его эрудиция, которой он достиг благодаря обучению в Алькале-де-Энарес и при самообразовании, – стали предпосылкой для скрытого инакомыслия и свободолюбия самого гуманиста (что повлекло за собой инквизиционный процесс против Х. де Вальдеса).

«Диалог о языке» Вальдеса, в силу таких обстоятельств жизни Вальдеса, был впервые напечатан лишь в XVIII в.⁷³, но, между тем, это сочинение было широко известно среди гуманистических кружков того времени и бытовало в рукописях.

По словам Н. Г. Сулимовой, «Вальдес не был, в строгом смысле этого слова, ученым-грамматистом, и не претендовал на создание грамматики (“arte”) кастильского языка. Но, в любом случае, «Диалог о языке» является чрезвычайно важным свидетельством изменения общественно-политической ситуации и существенным этапом в развитии лингвистической мысли в Испании»⁷⁴. А также Хуан де Вальдес, отмечает Э. И. Левинтова, по воззрениям в области языка принадлежит «кульминации испанского абсолютизма»⁷⁵.

muerto el Señor Valdés? Ésta ha sido, zierto, una gran pérdida, para nosotros, i para el mundo: porque el Señor Valdés era uno de los raros hombres de Europa: i éstos Escritos que él ha dejado sobre las Epístolas de San Pablo, i los Salmos de David, darán de ello completísima fé. Era sin duda en las acciones, en las palabras, i en todos sus designos, in hombre completo”. – Полный текст письма вошел в издание: *Lettere volgari di Diversi noblissimi Huomini, & c. Venezia: Aldo, 1542 (hoja 32), 1548 (folio 26,vuelto)*. – Цит. по: Valdés, J. de. *Ziento i diez condideraciones*, primera vez publicadas en castellano, el. a. 1855 por Luis de Usóz i Rio, ahora corregidas nuevamente con mayor cuidado. Londres: Casa de G.A.Claro del Bosque, 1863. P. 587.

⁷³ 1737 г. См. раздел об истории текста.

⁷⁴ Сулимова. Ук. соч. С. 38.

⁷⁵ Левинтова Э. И. Хуан де Вальдес и его "Диалог о языках": из истории лингвистических воззрений Испании XVI века: Дисс... канд. филол. наук. М., 1947. С. 276.

III. «Диалог о языке»: общая характеристика

1. История текста

Самое раннее сочинение Хуана де Вальдеса «Диалог о христианской доктрине» (1529 г.)⁷⁶ попадает в 1551 г. в список запрещенных Инквизицией книг, что обуславливает невозможность печати последующих сочинений гуманиста.

«Диалог о языке» остается неизданным до 1737 г., пребывая в манускриптах, о которых знали лишь некоторые историки и хронисты⁷⁷.

1737 г.⁷⁸ (1): Впервые опубликован «Диалог о языке» анонимно в 1737 г. Григорио **Маянсом-и-Сискар** под названием «Диалог о языках»⁷⁹ в составе второго тома «Истории испанского языка» (Gregorio Mayans y Siscar, “Origenes de la lengua Española“. Madrid, 1737, II, págs. 1- 178). До тех пор он не был широко известен ни в Испании, ни в Европе. В том издании Маянс-и-Сискар высказывал догадки относительно автора сего диалога, отмечая, что работа, бесспорно, написана во времена Карла Пятого, что автор, несомненно, человек образованный, принадлежащий знати или Двору. Упоминается, что в тексте имеются намеки на авторство Вальдеса. Публикация произведена по единственному известному в то время манускрипту из Национальной Библиотеки в Мадриде (сегодня находится в Лондоне).

1804 г.: Д. Касьяно Пельисер в «Историческом трактате о происхождении и развитии гистрионизма в Испании» (D. Casiano Pellicer, “Tratado histórico sobre el

⁷⁶ Список сочинений Вальдеса см. в Приложении 1.

⁷⁷ 1680 г.: Первое упоминание о ДЯ появилось в работе “Progressos de la historia en el regno de Aragon, y elogios de Geronimo Zurita, su primer coronista. Von Luan Francisco Andres de Uztarroz. Revid. und erweitert von Diego Josef Dormer”. Zaragoza, 1680. Libr.III, cap. IV.

1775 г.: Мартин Сармьенто в «Записках об истории поэзии и испанских поэтов», со вступлением, датированным 1745 г., упоминает об анонимном диалоге “Diálogo de las Lenguas”, написанном во времена Карла Пятого.

⁷⁸ “Tratado historico sobre el origen y progresos de la comedia y del histrionismo en España: con las censuras teologicas, reales resoluciones y providencias del Consejo supremo sobre comedias: y con la noticia de algunos célebras comediantes y comediantas asi antiguos como modernos. Con algunos retratos”, Madrid, En la Imprenta de la Administracion del Real Arbitrio de Beneficencia, 1804 г..

⁷⁹ В издании Лопе Бланча – 1777 г..

⁷⁹ Вслед за этим изданием название «Диалог о языках» (в противоположность «Диалогу о языке») цитируется и часто встречается впоследствии (в частности, Э. И. Левинтова в своих исследованиях, посвященных Х де Вальдесу, оперирует именно таким вариантом.

origen y progresos del histrionismo en España»⁸⁰) упоминает «Диалог о языке» и приписывает авторство Алонсо де Вальдесу, брату Хуана де Вальдеса.

1833-39 гг.: Д. Клеменсин в «Комментариях к Дону Кихоту» (D. Clemencin, Comentario al Quijote, 1833-1839) называет автором диалога Хуана де Вальдеса, что впоследствии подтвердят Д. Педро Пидаль (P. J. Pidal, De Juan de Valdés, y de si es el autor del Dialogo de las lenguas, 1848; датирует «Диалог о языке» между 1525-36 гг.), Л. Усос-и-Рио (2), Ф. Кабальеро и, наконец, Э. Бёмер (4).

1860 г. (2): появляется издание «Диалога»: *Diálogo de la lengua, i publicado por primera vez el año 1737. Ahora reimpresso conforme al MS. de la Biblioteca Nazional, unico que el Editor conoze. Madrid. Impremta de J. Martin Alegria*. Издатель: **L. Usóz y Rio**. Л. Усос-и-Рио доказывает, что автор тот же, что и у «Диалога о Меркурии и Хароне», датирует сочинение 1533 г., пытается исправить ошибки и недочеты издания Маянса-и-Сискара.

1873 г. (3, =1a): переиздание «Истории испанского языка» Маянса-и-Сискара, содержащее «Диалог о языке», с предисловием Харценбуша, в издании Эдуардо Мьера (**Eduardo Mier**). Работа все еще расценивается как анонимная: Мьер не знает о существовании манускрипта Мадрида и оставляет без внимания публикации Усоса и Пидалья.

1895 г. (4): Э. Бёмер публикует следующее издание, основанное на манускрипте Мадрида, в котором выявляет руку трех копистов (**E. Boehmer**, *Romanische Studien*, Leipzig, VI, 1895, Heft 22, S. 339-420).

1919 г. (5): J. Moreno Villa переиздает в Мадриде издание Э. Бёмера, не включая комментарии.

1927 г. (6): Джэнет Перри издает текст из манускрипта Британского Музея⁸¹ (**Janet H. Perry** (ed.), *Diálogo de las Lenguas* (1535), London: University of London Press, 1927).

⁸⁰ "Tratado historico sobre el origen y progresos de la comedia y del histrionismo en España: con las censuras teologicas, reales resoluciones y providencias del Consejo supremo sobre comedias: y con la noticia de algunos célebras comediantes y comediantas asi antiguos como modernos. Con algunos retratos", Madrid, En la Imprenta de la Administracion del Real Arbitrio de Beneficencia, 1804.

1928 г. (7): Х. Монтесинос издает в Мадриде версию Бёмера (с Мадридского манускрипта), более точно следуя оригинальному тексту (**José F. Montesinos** (ed.), *Diálogo de la lengua* (1535), Madrid: La lectura, Clásicos castellanos, Vol. 86).

1940 г. (8): Р. Лапеса частично издает мадридский манускрипт, изменяя орфографию (**Rafael Lapesa** (ed.), *Diálogo de la lengua* (1535), Zaragoza: Biblioteca Clásica Ebro, Vol. 18).

1957 г. (9): Lore Terracini публикует сокращенную версию текста, основанную на издании Монтесиноса (Modena, Istituto di Filologia Romanza dell'Università di Roma, 1957).

1967 г. (10): критическое издание Кристины Барболани (**Cristina Barbolani de García** (ed.), *Diálogo de la lengua* (1535), Università degli Studi di Firenze. Istituto Ispanico). +Madrid, Cátedra. 1982. Основано на манускрипте Мадрида.

1984 г. (11): издание Лопе Бланча, основанное на публикации Барболани (**Juan Manuel Lope Blanch** (ed.), *Diálogo de la lengua* (1535), Madrid: Clásicos Castalia, 1984).

Все существующие издания «Диалога о языке» основываются на двух из трех сохранившихся манускриптов сочинения (все относятся ко второй половине XVI в.): Мадридском экземпляре (Национальная Библиотека Испании) и списанном, по всей вероятности, с него манускрипте Британского музея в Лондоне⁸² (манускрипт Эскориала также списан с мадридского). Однако только лишь Мадридский манускрипт, по исследованиям Бланча, Бёмера и Келлера, насчитывает от трех до шести писцов.

Некоторые из этих работ выдержали немало переизданий, имеющих мелкие поправки и критические замечания.

В нашем исследовании основным источником послужило издание под редакцией Хосе Монтесиноса (1946 г), почти целиком сохраняющее

⁸¹ Единственное издание, основанное на этом манускрипте.

⁸² MS 8629 de la Biblioteca Nacional de Madrid, MS K.III.8 de la Biblioteca del Escorial, MS Add.9939 del British Museum (London).

оригинальную орфографию текста (в свою очередь, перевод всех приведенных отрывков «Диалога о языке» принадлежит автору диссертации, за исключением двух отдельно обозначенных случаев).

2. Структура «Диалога о языке»

Диалог происходит предположительно в 1533 г. близ Неаполя. Как поясняют друзья Вальдесу, он фактически обязан предоставить им такую консультацию, т.к. ранее утром того же дня состоялась беседа, в которой Вальдес расспрашивал итальянцев о трудностях их родного языка:

Marcio. – Pues nosotros, por obedeceros y serviros, habemos hablado esta mañana en lo que vos habéis querido y, muy cumplidamente, os habemos respondido a todo lo que nos habéis preguntado, cosa justa es que, siendo vos tan cortés y bien criado con todo el mundo, como todos dicen que sois, lo seáis también con nosotros, holgando que hablemos esta tarde en lo que más nos contentará, respondiéndonos y satisfaciéndonos a las preguntas que os proponemos, como nosotros habemos hecho a las que vos nos habéis propuesto.

Марчо. – Этим утром, чтобы вам услужить, мы говорили о том, о чем вы пожелали, а также ответили весьма подробно на все вопросы, которые вы задали. Поэтому теперь вы, будучи таким учтивым и вежливым со всеми, как о вас говорят, будьте таким и с нами: сегодняшним вечером мы будем беседовать о том, что по душе нам, а вы ответите на вопросы, которые мы зададим, как сделали мы утром (Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua* / Montesinos, José F. (ed.). Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1928. Ed. 1946 (Clásicos Castellanos, 86. P. 3).

«Диалог о языке» в том виде, который дошел до нас, – это якобы выполненная Вальдесом отредактированная и украшенная запись разговора. О том, что разговор был зафиксирован писцом, Вальдес-персонаж узнает лишь в самом конце, когда и получает просьбу доработать текст⁸³.

Предметом разговора станут, по просьбе друзей Вальдеса, особенности его языка, и потенциальными «модераторами» разговора станут именно они трое. Например, у Платона в «Федоне» можно встретить эту же модель: диалог начинается со слов Эхекрата: «Скажи, Федон, ты сам был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всем от кого-нибудь

⁸³ Pacheco. – Avéis de saber que lo que todos os pedimos por merced es que, tomando esto que stá anotado de lo que aquí avemos hablado, lo pongáis todo por buena orden y en bueno estilo castellano, que estos señores os dan licencia que les hagáis hablar en castellano, aunque ellos ayan hablado en italiano. – Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua* / Montesinos, José F. (ed.). Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1928. Ed. 1946 (Clásicos Castellanos, 86). P. 193.

еще? <...> Тогда Расскажи нам, пожалуйста, обо всем как можно подробнее и обстоятельнее. Если, конечно, ты не занят»⁸⁴.

Весь разговор в «Диалоге о языке» Х. де Вальдеса, по предложению одного из собеседников, а именно Марчо, тематически разделяется на восемь разделов:

1. Происхождение [кастильского] языка (Orígen de la lengua). Следуя общегуманистической тенденции Возрождения определить место родного языка по отношению к другим живым языкам, а также классическим (латынь, греческий, древнееврейский), Вальдес уделяет большое внимание объяснению происхождения языков Испании, прослеживая их «родословную» и историю взаимовлияния.

2. Грамматика (Gramática).
3. Орфография (Letras).
4. Слог (Sílabas).
5. Слово (Vocablos).
6. Стил (Estilo).
7. Источники примеров, образцовая литература (Libros).
8. Кастильский в ряду других романских языков (Conformidad de las lenguas).

Однако, данное разделение затрагиваемых в диалоге вопросов по темам, к которым они относятся, носит лишь номинальный характер: во время беседы участники вполне естественно переходят с одного вопроса на другой, с одной области языка на другую, поэтому четкое распределение обсуждаемых вопросов на заявленные разделы не сохраняется.

Таким образом, принимая во внимание, что «Диалог» посвящен определенному числу вопросов о кастильском языке, состав которых теоретически был определен собеседниками, и создается, прежде всего, как помощь иностранцам, изучающим кастильский язык, можно выделить некоторые особенности его построения:

- «Диалог» имеет вид свободно протекающей беседы, построенной по модели вопрос-ответ, что облегчает понимание вводимой информации для собеседников-иностранцев;

- в нем присутствует большое количество иллюстративного материала, т.е. примеров, демонстрирующих должное употребление языковых единиц и их

⁸⁴ Платон. «Федон» // Сочинения в четырех томах. Т.2. / Под общ. ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса. СПб., Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 13-14.

функционирования в контекстах.

«Диалог» Вальдеса значительно отличается с точки зрения текстовой оформленности от «Грамматики кастильского языка» Небрихи, наследником которой отчасти является. В «Грамматике кастильского языка» вслед за Квинтилианом Небриха выделяет часть методическую, состоящую из четырех разделов (*orthographía, prosodia, etimología, syntaxis*), и историческую. На протяжении всего текста автор следует данному тематическому делению, тем самым грамматика структурирована и четко построена.

В «Диалоге о языке» Вальдеса разделение затрагиваемых в диалоге вопросов по темам, к которым они относятся (*Orígen de la lengua, Gramática, Letras, Sílabas, Vocablos, Estilo, Libros, Conformidad de las lenguas*), носит лишь номинальный характер: во время беседы участники вполне естественно переходят с одного вопроса на другой, с одной области языка на другую, поэтому четкое распределение обсуждаемых вопросов на заявленные разделы не сохраняется.

Такая форма беседы придает живость диалогу, благодаря чему он не воспринимается как сухое перечисление наставлений и предписаний о пользовании языком. Вальдес вообще уделяет большое внимание народным, живым проявлениям языка, поэтому можно говорить о снижении степени «аристократической изолированности»⁸⁵ во взглядах Вальдеса на язык по сравнению с первым испанским грамматистом.

3. Жанровое своеобразие «Диалога о языке» в лингвопрагматическом аспекте: собеседники в коммуникативной ситуации

В период Возрождения в европейских странах просыпается огромный интерес к феномену диалога, который становится самой распространенной формой выражения доктрин и идей в гуманизме.

К XVI в. диалог как жанр текста имеет уже богатую историю развития,

⁸⁵ Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / Сост., авт. вступ. ст., отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2004. С. 11.

которая корнями уходит в Античность, и широко используется преподавателями и людьми научной сферы.

Появляются сочинения, посвященные бытовым аспектам, медицине, общественным отношениям, воспитанию, наукам, что в совокупности составляло, по словам Х.А. Маравалья, литературу для домашнего чтения (*“literatura domestica”*⁸⁶).

Конечно, среди этих текстов появляются и работы о языке, его правильном использовании, статусе и бытовании, философском и историческом обосновании его самооценности и авторитетности. Эти диалоги питаются традицией диалогов Платона, Цицерона, окрашиваются мистицизмом Эразма, пропитываются возрожденческим гуманизмом и наполняются политическим содержанием.

По образцам Платона, Сократа, Лукиана создаются диалоги, которые становятся живой классикой (пера Эразма, Бембо, Кастильоне, Леон Эбрео, Понтано).

Некоторые исследователи, среди которых Лопе Бланч, называют сочинения Бембо («Слово о народном языке» (1525 г., Венеция)) и Небрихи (Грамматика кастильского языка» (1492 г., Саламанка)) стимулом, мотивирующим фактором, примером для Вальдеса, составившего в итоге собственное сочинение о языке⁸⁷.

Как упоминается в тексте самого сочинения, «Диалог о языке» — запись якобы действительно состоявшегося разговора гуманиста со своими друзьями, что подкрепляется распространенностью таких бесед как факта и диалога как жанра в то время.

Кроме того, нисколько не удивляет то, что итальянские друзья Вальдеса интересуются испанским языком: эпоха повлекла за собой распространение испанского языка по Европе и рост его престижа, особенно в Неаполе, где,

⁸⁶ Цит. по: Ferreras, J. Los diálogos humanísticos del siglo XVI en lengua castellana. Editum, 2008. P.17.

⁸⁷ Лопе Бланч ставит «Диалог о языке» Вальдеса в традиции апологии языка между названными Бембо и Небрихой с одной стороны, и сочинениями Барруша (1540), А. Моралеса (1546), Дю Белле (1549), М. де Висьяна (1574) — с другой. — Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua / Lope Blanch, José M. (ed.) Diálogo de la lengua, Madrid: Clásicos castalia, 1985. P. 11.

предположительно, и состоялась беседа, которая легла в основу сочинения: “porque, como véis, ya en Italia así entre damas como entre cavalleros se tiene por gentileza y galanía saber hablar castellano”⁸⁸.

Поэтому просьба друзей-итальянцев к Вальдесу, чтобы он объяснил некоторые моменты своего языкового употребления в их переписке (которая состоялась во время поездки Вальдеса из Неаполя в Рим, 1533 г.), весьма правдоподобна.

Лопе Бланч говорит также как о возможной предпосылке к написанию о том факте, что Вальдес всегда обращался к своим ученикам или «слушателям» на испанском языке, в Италии включительно, поэтому стало необходимым составить для таких интересующихся «практический гид» для более глубокого вживания в кастильский язык⁸⁹. Д. Крюз предполагает возможность, что сам Карл V подал Х. де Вальдесу идею написания такой работы⁹⁰.

Среди романистов бытуют следующие версии относительно соотнесения персонажей с историческими личностями:

	Персонаж в «Диалоге»	Предполагаемый прототип
Вальдес	Вальдес, “como a hombre criado en el reino de Toledo y en la corte de España, os preguntaremos de la lengua que se usa en la corte, y si alguna vez tocáremos algo dessoras provincias, recibiréislo en paciancia” (Valdés, J. de. <i>Diálogo de la lengua</i> , 1946. P. 36). (el personaje principal, a quien van dirigidas las consultas, el Sócrates de este diálogo ⁹¹)	Сам Вальдес
Кориолан	“el señor Coriolano, como buen cortesano, queriendo del todo entenderla (porque, como veis, ya en Italia, así entre damas como entre caballeros, se tiene por gentileza y galanía saber hablar	1. гуманист Кориолано Мартирано, епископ Сан-Марко, который в 1548 году сменил своего брата на посту наместника короля в Толедо

⁸⁸ Valdés. Op. cit. P. 6.

⁸⁹ Ibid. P. 11.

⁹⁰ Crews, Daniel A. *Twilight of the Renaissance: the life of Juan de Valdés*. University of Toronto Press Incorporated, Scholarly Publishing Division, 2008. P. 100.

⁹¹ См. пролог Морено Вильи к изданию «Диалога о языке» 1919: Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua* / Prólogo de J. Moreno Villa. Madrid: Saturnino Calleja, 1919. P. 17.

	castellano)” (Valdés, J. de. <i>Diálogo de la lengua</i> , 1946. P. 6)	либо 1. Кориолано Мартирано, секретарь вице-короля Неаполя
Марчо ⁹²	“yo, como curioso de ella [la lengua castellana], deseando saberla así bien escribir como la sé hablar” (Ibid.)	1. итальянский гуманист и поэт Марко Антонио Фламинио, который восхищался Вальдесом либо 2. Марк Антонио Магно, секретарь Юлии Гонзага и будущий переводчик работы Вальдеса “ <i>Alfabeto Christiano</i> ” на итальянский либо 3. племянник епископа Сан-Марко Кориолано Мартирано Марчо Мартирано
Пачеко	Пачеко Торрес, военный, не столь искушенный в делах языковых тонкостей, как остальные (“porque el señor Pacheco, como hombre nacido y criado en España, presumiendo saber la lengua tan bien como otro” (Ibid.))	1. один из семьи покровителя Вальдеса дона Пачеко, Маркиза Вильены либо 2. Дон Педро де Пачеко, впоследствии кардинал и легат Неаполя ⁹³
Аурелио	“como sabéis, es entendido en entramas lenguas, y ordenadle lo que ha de hacer” (Ibid. P. 20)	Внесценический персонаж, возможно, отображает одного из учеников

В этом контексте интересно провести параллель, например, с Пьетро Бембо, который в одном из своих писем упоминает о похожей беседе-диалоге во время экскурсии на виллу кайзера Адриана в Тиволи близ Рима, где собеседниками выступают Рафаель, Кастильоне, Навагеро⁹⁴.

Традиция академии Платона возрождалась различными кружками. Еще в 1360-х гг. во Флоренции собирался кружок классической литературы Колуччо Салютати, куда входили, в частности, П. Браччолини, Л. Бруни. А в 1460-х это платоновская Академия Марсилио Фичино, где обсуждались вопросы литературы, философии, образования.

⁹² Э. Чашина, Н. Г. Сулимова передают это имя на русском языке на испанский манер: Марсио. Наш выбор варианта Марчо сделан в целях передачи итальянского произношения имени, т.к., по нашему мнению, важен факт национальной принадлежности этого персонажа и также место действия сочинения (территория Италии).

⁹³ См., например: Crews. Op. cit. P. 100.

⁹⁴ Подробнее см.: ibid. P. 97.

Однако специалист по ренессансному диалогу В. Кокс отмечает, что во многих странах Европы (Испания, Германия, Англия) работало негласное правило использовать в диалоге фиктивных собеседников, т.е. персонажей исторически недостоверных⁹⁵. Поэтому вполне можно утверждать, что Вальдес выдумывает сам факт разговора и что все сочинение – плод его творческих раздумий.

4. Диалог как особая форма выражения в культуре Возрождения

Один из главных принципов гуманизма это обращение к естественности и ко всему «натуральному», спонтанному, простому. Это относится и к использованию языка. Диалог – самая удобная форма передачи живой беседы с несколькими участниками.

Поэтому, во-первых, если предположить версию о достоверности прототипов персонажей ложной, все же остается понятным выбор такой формы оформления сочинения (отметим, что другие сочинения Вальдеса, посвященные иным вещам, – это диалоги).

Но также, во-вторых, как отмечает теоретик диалога М. Бобс Навес, диалог в произведениях испанской литературы особенно часто встречается в периоды, когда общество пытается уйти от догматических вопросов и ищет выражение противоположных точек зрения и различных позиций, что отображается весьма хорошо в диалоге⁹⁶.

Так, несмотря на то, что приоритет в беседе принадлежит Вальдесу, возможно отметить четыре разных характера по четырем участникам диалога, который представляет собой дружескую беседу.

В-третьих, можно предположить, что свободную форму диалога Вальдес выбирает и в противовес структурированным сухим и быстро «окаменевающим» грамматикам (например, грамматике Небрихи, о которой Вальдес отзывался

⁹⁵ Cox V. The Renaissance Dialogue: Literary Dialogue in Its Social and Political Contexts, Castiglione to Galileo. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 22.

⁹⁶ Bobes Naves Mª de C. El diálogo. Estudio pragmático, lingüístico y literario. Madrid, Gredos, 1992. P. 161.

исключительно отрицательно, и которая, несмотря на свой авторитет, по многим параметрам уже устарела в 30-м годам XVI в.), подчеркивая изменчивый характер и все ту же естественность живого языка.

Несмотря на то, что в первой половине XVI в. кастильский язык все еще балансирует на грани признания классическим языком, все же написание грамматического труда в форме диалога вполне естественно для этого времени и Вальдес вправе вложить в текст заметную долю субъективизма.

«Диалог о языке» как один из гуманистических диалогов содержит в себе черты текстов различных жанров: художественного, философского, научного сочинения.

Как художественный текст «Диалог о языке» продолжает традицию античного диалога, в нем появляются персонифицированные персонажи, в структуре сочинения присутствуют паратекстовые элементы, намечен хронотоп.

С другой стороны, в сочинении присутствует ярко выраженная дидактическая составляющая.

По словам специалиста в области ренессансного диалога Х. Гомеса, в дидактическом диалоге содержание важнее самих персонажей с их драматизмом.

Однако в случае с «Диалогом о языке» мы обязаны отметить, что автором намечены четыре различных характера и что все четверо собеседников ведут себя очень «живо» в процессе беседы, в то время как общая тематика обсуждения прослеживается на протяжении всего произведения.

Хосе Ф. Монтесинос отмечает, что далеко не многие авторы диалогов Возрождения были способны в теоретическом содержании сочинения не потерять самих персонажей и свойственный им психологизм и драматизм, мастером чего был Платон и что великолепно удалось Вальдесу: «Пачеко, резкий, не дружит с грамматикой, но которого убеждают в ее прелести, Кориолан, колкий и придиричивый критик, Вальдес, несдержанный и раздражительный в разговоре, но

в то же время учтивый и доброжелательный, который сыплет шутками и коплами, объясняя языковые вопросы»⁹⁷.

Наконец, возможно выделить в «Диалоге» особенности научного текста (черты трактата о языке).

Как сказано выше, основная тематика беседы – несомненно, «филологическая». Поэтому Вальдес как теоретик языка использует тематическую терминологию (то, что мы называем терминологий, и то, что вырабатывалось на протяжении XV-XVI вв.). Это специальная лексика (лингвистические номинации: части речи, времена и т.д.), но ее сравнительно мало, т.к. Вальдес объясняет большинство вопросов на уровне примеров и разговорной лексики. Поэтому и степень абстракции не сильно отражена в сочинении, т.к. все объясняется через конкретные частности, в чем можно выявить признаки учебно-научного стиля.

Наравне с этим «Диалог о языке» прежде всего предназначен иностранцам в обучающих целях для объяснения и разъяснения языка, поэтому можно назвать сочинение и учебным грамматическим пособием.

Некоторые исследователи говорят о «Диалоге о языке» как о лингвистическом комментарии (К. Анипа), работе по литературной критике (Дж. Перри, К. Барболани), грамматико-филологической работе и шедевре прозы Золотого века испанской литературы (Х. Ньето).

Исследователи по-разному относятся к Вальдесу и его филологическим сочинениям. Дж. Перри говорит о Вальдесе как политическом и социальном критике, любителе филологии, литературном критике⁹⁸. Р. Лапеса отказывает Вальдесу в именовании профессионалом грамматики. Х. Монтесинос называет Вальдеса хоть и меньшим грамматистом, чем П. Бембо, но более проницательным в выборе наиболее адекватных времени вариантов нормы и употребления, при этом называет Вальдеса теологом и филологом⁹⁹. К. Барболани отмечает интерес

⁹⁷ Valdés J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 25.

⁹⁸ Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua* (1535) / Perry, Janet H. (ed.). London: University of London Press, 1927. P. 1.

⁹⁹ Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua* (1535) / Montesinos, José F. (ed.). Madrid: La Lectura, 1928. P. LV-LVI.

Вальдеса, прежде всего, к употреблению, а не искусству языка (*uso y no arte*), которое, тем не менее, сочетается в Вальдесе с практической потребностью к упорядочению и структурированию языка (*una necesidad práctica de estructurar*¹⁰⁰). Лопе Бланч отзывается о «Диалоге о языке» скорее как о лингвистическом трактате, нежели литературной работе. Отмечает, что Вальдес не был грамматистом, но между тем говорит о его лингвистической теории и точке зрения¹⁰¹.

Несмотря на такие высказывания, все исследователи отмечают необыкновенное языковое чутье Вальдеса, его способности и понимание в науке и, следовательно, бесспорную ценность «Диалога о языке» как междисциплинарного сочинения, гуманитарного трактата, филологического комментария, критического сборника размышлений и пояснений о кастильском языке.

IV. Теоретические проблемы языка в «Диалоге о языке»

Важный ракурс «Диалога о языке» – теоретические проблемы языка. Они касаются онтологии языка, бытования форм его существования, ареала его распространения, что связано, например, и с историей Иберийского полуострова, а также соотношением языка и диалектов.

В XVI-XVIII вв. теоретические вопросы языка ставятся во главу угла гуманистами большинства стран¹⁰². Но также набирают вес практические цели, вытекающие из теоретических обоснований, теория и практика преподавания языков входит в список актуальных вопросов.

Вальдес как представитель испанского (и, шире, европейского) гуманизма имеет свои представления о кастильском языке.

¹⁰⁰Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua* (1535) / Barbolani de García, C. (ed.). Madrid: Cátedra, 1982. P. 80.

¹⁰¹“No era Juan de Valdés, en efecto, gramático”, “Reflejo de las opiniones y teorías lingüísticas, en general, de uno de los ingenios más lúcidos y penetrantes de aquella época” - слова Лопе Бланча, цит. по: Anipa, K. *The grammatical Thought and Linguistic Behaviour of Juan de Valdés*, München: LINCOM EUROPA, 2007. P. 14.

¹⁰² Но также, следуя веяниям времени, вытекающие из теоретических обоснований практические цели также набирают вес, теория и практика преподавания языков входит в список актуальных вопросов.

Рассмотрим ниже, какие из вопросов области теории языка затрагиваются Вальдесом в этом сочинении и отражаются в диалоге.

1. Понятие языка, родной и иностранный язык

Язык (*lengua*) и речь (*el hablar*)

Термин *lengua* Хуан де Вальдес применяет в двух значениях:

во-первых, для обозначения языка как такового (в современном лингвистическом понимании, этнический язык);

во-вторых, применительно к языковым и стилистическим особенностям произведения: “*la lengua de Amadis de Gaula, Palmerín y Primaleón*”¹⁰³ (т. е. как синоним понятия стиль¹⁰⁴).

Вальдес отмечает естественную природу языка:

Valdés. – que nos es natural y que mamamos en las tetas de nuestras madres, que no la que nos es pegadiza y que aprendemos en libros.

Вальдес. – который мы впитываем с молоком матери, а не другой посторонний, который мы изучаем по книгам¹⁰⁵ (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 9).

Живой народный используемый язык противопоставляется мертвой латыни, как языку книг и лишь определенной ограниченной сферы употребления:

Valdés. – Porque he aprendido la lengua latina por arte y libros, y la castellana por uso, de manera que de la latina podría dar cuenta por el arte y por los libros en que la aprendí, y de la castellana no, sino por el uso común de hablar.

Вальдес. – Потому что я выучил латынь по грамматике и книгам, а кастильский – по употреблению. Поэтому о латыни я могу судить по грамматике и книгам, по которым обучался, а о кастильском – по общепринятой манере говорить (Ibid. P. 8).

В этом отражается все еще распространенное в первой половине XVI в. убеждение, что нет необходимости учить родной язык по грамматике или

¹⁰³ Ср. рус.: язык автора, язык произведения.

¹⁰⁴ Понимание стиля Вальдесом мы рассматриваем во второй главе.

¹⁰⁵ В период формирования лингвистических традиций народных языков сам народный язык (*lengua natural*, *lengua vulgar*) противопоставлялся латыни и другим классическим как уже не живым языкам. В современной науке естественный язык противопоставляется, прежде всего, языкам искусственным, т.е. созданным для конкретных целей по определенным принципам.

литературе¹⁰⁶. Такое видение прослеживается в Испании на протяжении всего XVI в., и, как отмечает М. Маркос Санчес, только ближе ко второй половине века звучит идея об обучении детей в школе наравне с латинской и греческой – грамматике кастильского языка¹⁰⁷.

В противопоставление классическим языкам, в частности латинскому (*lengua latina*, *lengua romana*), древнегреческому (*lengua griega*), древнееврейскому (*lengua hebrea*), о народных языках Вальдес говорит как о народных живых языках “*lengua vulgar*” и как наречиях романсе “*el romance*”.

Вальдес отмечает неповторимость каждого языка и наличие характерных только для каждого отдельного языка свойств: “*pues es así que no todas las lenguas tienen unas mismas propiedades, antes, porque cada una tiene las suyas propias, por eso se llaman propiedades*”¹⁰⁸. Это тесно связано и с невозможностью адекватного перевода с одного языка на другой (этот вопрос рассмотрим ниже).

В понятии *el hablar* для Вальдеса заключено в свою очередь несколько значений:

1. способность любого индивида к языковой деятельности:

Marcio. – Me maravillo mucho que os parezca cosa tan extraña el hablar en la lengua que os es natural.

Марчо. – Я удивлен, что вам такой странной кажется способность говорить на родном языке (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 8).

2. el hablar как синоним термина *lengua* (diversidades que hay en el hablar castellano)

¹⁰⁶ Например, Л. Вивес высказывал это в “*De disciplinis*” (1531): “Por lo que toca al lenguaje que anda en boca del vulgo, ninguna necesidad hay en formula reglas ni técnica alguna”. – Цит. по: Marcos Sánchez, M. *Orientaciones en la enseñanza de español como lengua extranjera en la Europa del siglo XVI* // Gómez Asencio, J. (dir.) *El castellano y su codificación gramatical*. Vol. I. De 1492 (A. de Nebrija) a 1611 (John Sanford), Salamanca, Fundación Instituto Castellano y Leonés de la Lengua, 2006. P. 481-506. P. 487.

¹⁰⁷ Идею высказывал учитель Педро Симон Абриль. Ibid.

¹⁰⁸ Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 159.

В частности, находим следующее замечание: многие иностранцы не различают произношение согласных в лексемах *tierra* и *guerra* от произношения одиночного *g*, что обусловлено фонетикой конкретного языка и наличием-отсутствием в ней соответствующих звуков:

Marcio. – A algunos oigo pronunciar guerra y tierra, y ass otros vocablos que se scriven con dos eres, como si se scriviessen con sola una, y muchas vezes he dubdado si lo hazen por primor o por iñorancia. ¿Qué me dezís acerca desto?

Valdés. – Que ni lo hazen por primor ni por iñorancia, sino por impedimento de sus propias lenguas, que no pueden pronunciar aquel sonido espesso que hazen las dos eres juntas (Ibid. P. 85).

3. устная речь в противопоставлении письменной¹⁰⁹

4. стиль языкового субъекта (todo el bien hablar castellano consiste en...)

Родной язык

В представленной беседе Вальдес расценивается остальными именно как носитель кастильского языка. Родной язык определяется как естественный язык, с которым ты родился и вырос (см. цитату в предыдущем пункте).

По отношению к носителям языка встречается номинация “natural de la lengua”, “naturales”¹¹⁰, которая для Вальдеса обозначает носителя языка как выходца из определенной местности¹¹¹, носителя языка, родившегося в ареале бытования этого языка и овладевшего им при употреблении. Родной язык, свойственный какому-либо народу, обозначается через понятие “propia lengua”.

Понятие «кастильский язык»

Вальдес говорит о своем родном языке, используя номинации “castellano”, “la lengua castellana”, “el romance”, “una lengua vulgar”.

Понятие «кастильский язык» отсылает к историческому диалекту, сформировавшемуся на территории Кастилии и затем возвысившемуся над остальными. Это основное понятие, которым оперирует Вальдес на страницах «Диалога».

В XVI в., как отмечает Рафаэль Лапеса, к «кастильскому языку» добавляется термин «испанский язык», подчеркивающий универсальность языка Испании и, вместе с тем, империи. В «Диалоге о языке» наименование «испанский язык» встречается лишь однажды при обозначении дороманского языка полуострова: “que la lengua que hoy usan los vizcaínos es aquella antigua española”¹¹². А определение “испанский» применяется, параллельно с «кастильским» для этих же случаев, к жителям п-ова, словам, книгам, паремиям (los espanoles, vocablos

¹⁰⁹ Подробнее о письменной и устной речи см. в разделе о стиле второй главы исследования.

¹¹⁰ Например: “ni los naturales della [lengua vizcaína] son entendidos por ella poco ni mucho de los otros, ni los otros de ellos”. – Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 33.

¹¹¹ “personas que no son naturales de Castilla”. – Ibid. P. 48.

¹¹² Ibid. P. 22.

espanoles, libros espanoles, refranes espanoles), т. е. всякий раз, когда важно противопоставление испанской национальности другим (итальянской и проч.).

Термин “el romance” в широком смысле употребляется Вальдесом по отношению ко всем народным языкам, вышедшим из латыни, и как синоним термина “una lengua vulgar”. В узком смысле он является синонимом обозначению “el castellano” и “la lengua castellana”.

Вальдес ставит кастильский язык в ряд с другими романскими народными языками - наследниками латыни, к каждому из которых применимо понятие “una lengua vulgar” как обозначение языка в определенной общности (группе) народных языков.

Иностранный язык

К иностранным языкам Вальдес применяет понятие *lenguas ajenas*, носители которых - *los extraños, extrangeros*. Вальдес воспринимает как факт языковой деятельности попытки изучения иностранного языка, а также устами одного из персонажей говорит об аккомодации и привычке: Марчо упрекает самого Вальдеса, который для облегчения понимания друзьями-итальянцами его писем переделывает некоторые испанские слова на итальянский манер (*No me parece bien que, por acomodaros a la lengua ajena, saquéis la vuestra de sus quicios*¹¹³).

Одни из персонажей (Марчо) называет кастильский “*vuestro romance castellano*”, из чего следует, что Вальдес использует общероманскую терминологию, касающуюся истории языка.

2. Эволюция языка. Диалекты

Рассуждения Вальдеса о кастильском языке касаются как синхронии кастильского языка, так и его истории.

Вальдес признает, что языковые изменения неизбежны. У каждого языка есть своя история. Гуманист говорит о том, что основным показателем языковых

¹¹³ Ibid. P. 62.

изменений и их главным двигателем является узус, т.е. употребление, обиход¹¹⁴, который, не имея авторства в большинстве случаев, рождает стихийные языковые явления¹¹⁵:

Valdés. – También pertenece a la gramática el saber juntar el pronombre con el verbo, en lo cual veo un cierto uso, no sé de dónde sea nacido, y es que muchos dicen *poneldo* y *embialdo* por decir *ponedlo* y *embiadlo*...¹¹⁶

Вальдес. – Также к грамматике принадлежит умение правильно употребить местоимение при глаголе, где я вижу определенную привычку, не знаю каким образом родившуюся, говорить *poneldo* и *embialdo* вместо того чтобы сказать *ponedlo* и *embiadlo* (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 50).

Например, Вальдес объясняет, что в определенный исторический момент при наличии латинских слов с тем же значением узус «заставил» испанцев выбрать арабские:

Valdés. – aunque para muchas cosas de las que nombramos con vocablos arábigos tenemos vocablos latinos, el uso nos ha hecho tener por mejores los arábigos que los latinos.

Вальдес. – Несмотря на то, что для многих вещей, которые мы называем арабскими словами, у нас есть латинские вокабулы, употребление заставило нас предпочесть арабские, а не латинские (Ibid. P. 29-30).

Языковые изменения и территориальные различия языка напрямую связаны с политической и географической обстановкой провинции. Вальдес говорит о двух причинах языковых, т.е. диалектальных различий (“dos cosas suelen principalmente causar en una provincia diversidades de lenguas”¹¹⁷):

1. подчинение территорий разным правителям, поэтому существует столько «языков», сколько «сеньоров»:

¹¹⁴ В переводе Э. И. Левинтовой – «доброе обыкновение» (buen uso).

¹¹⁵ Так же рассуждает вслед за Вальдесом и Дамасио Фриас в «Диалогох языках»: “Siendo, pues, como digo, sólo el uso quien quita y pone en las lenguas propiedades y leyes de ellas, soy de parecer que con éste se tenga cuenta y a éste sirvan cuantos bien quisieren hablar y escribir”. – Frías, Damasio de. *Diálogo de las lenguas* // Damasio de Frías. *Diálogos de diferentes materias inéditos hasta ahora. Escritores castellanos*. Madrid: Imp. de G. Hernández y Galo Sáez, 1929. P. 272.

¹¹⁶ Метатеза в указанном случае была весьма распространенным явлением в XVIв.. Например, такое написание встречается в сборнике вильянесикос “*Cancionero de Uppsala*” (1556):

Dezilde al caballero que non se quexe,
Que yo le doy mi fè, que non la dexe.

Dezilde al caballero, cuerpo garrido,
Que non se quexe en ascondido,
Que yo le doy mi fè, que non la dexe.

(Cinquenta y cuatro canciones españolas del siglo XVI cancionero de Uppsala ahora de nuevo publicadas, acompañadas de notas y comentarios por D. Rafael Mitjana. Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1909. P. 36).

¹¹⁷ Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 31.

la una [causa] es no estar toda debajo de un príncipe, rey o señor, de donde procede que tantas diferencias hay de lenguas, cuanta diversidad de señores.

первая [причина] в том, что все земли не принадлежат одному принцу, королю или сеньору, поэтому в языках существует столько отличий, сколько есть правителей (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 31).

2. наличие языковых контактов и взаимовлияние диалектов и языков, что обуславливает схожесть конкретного языка именно с языками-соседями. При этом взаимовлияние провинций прослеживается не только в языке, но и в привычках и в нравах¹¹⁸:

la otra es que, como siempre se pegan algo unas provincias comarcas a otras, acontece que cada parte de una provincia, tomando algo de sus comarcas, su poco a poco¹¹⁹ se va diferenciando de las otras, y esto no solamente en el hablar, pero aun también en el conversar y en las costumbres.

следующая [причина] в том, что, так как обычно провинции тяготеют в чем-то к соседним провинциям, получается, что каждая часть провинции берет что-либо от своих соседей и мало-помалу начинает отличаться от других провинций, и это происходит не только в языке, но и в манере общения и нравах (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 31-32).

3. Отдельное внимание Вальдес обращает на органическую связь языка и культуры в целом (см. цитату выше). Т. е. язык предстает неотделимой частью культуры.

Таким образом, наименование “diversidad de la lengua” у Вальдеса соответствует одновременно двум понятиям, диалекту в современном понимании и разнообразию языков на Пиренейском п-ове:

1. диалект языка (в современном понимании), т. е. «неоднородность» внутри языка (“diversidades que hay en el hablar castellano”, “cada provincia tiene sus vocablos propios y sus maneras de decir”¹²⁰).

¹¹⁸ Ср., например, Д. Фриас в «Диалоге о языках» говорит о взаимовлиянии языков, а также привычек, костюмов народов, связанных узами торговли, а также победителей и побежденных: ‘tengo por imposible que, a vuelta del as demás mercaderías y cosas, no se cambien y comuniquen las palabras, la lengua, las costumbres, los trajes, sin que por la semejante comunicación sea indicio y cierto testimonio, cual a vos y otros ha parecido, de gente vencida y sujeta, siendo que muchas veces los vencedores, dejando sus lenguas, nombres y costumbres, quedan con las de sus vencidos’. – D. Frías. Op. cit. P. 246.

¹¹⁹ Встречается также в других сочинениях Вальдеса, например: “estando en el reino de Dios, su poco a poco van desechando lo que tienen de la vieja... madre”. – Valdés, J. de. *Trataditos*. Bonn: Carlos Georgi, 1880. P. 68.

¹²⁰ Сходное с пониманием Вальдеса обозначение диалекта встречается у Б. Альдрете в его сочинении «О происхождении кастильского языка» (1606):

Вальдес не использует термина “*dialecto*”, который появится лишь в словаре С. Коваррубиаса 1611 г.¹²¹.

Вальдес констатирует языковые различия кастильской речи, но не желает подробно останавливаться на диалектальном различии Испании: простой народ на кастильском говорит не только в самой Кастилии, но и во многих королевствах: Арагоне, Мурсии, Андалусии, Галисии, Астурии, Наварре (а образованные люди – на всей остальной территории Испании), – и поэтому слишком многочисленны лексические и фонетические различия в провинциях:

Valdés. – Si me habéis de preguntar de las diversidades que hay en el hablar castellano entre unas tierras y otras, será nunca acabar, porque como la lengua castellana se habla no solamente por toda Castilla, pero en el reino de Aragón, en el de Murcia con toda el Andalucía, y en Galicia, Asturias y Navarra, y esto aun hasta entre la gente vulgar, porque entre la gente noble tanto bien se habla en todo el resto de España, cada provincia tiene sus vocablos propios y sus maneras de decir.

Вальдес. – Если вы меня спросите о том, что касается различий в кастильском языке в различных землях, это бесконечный разговор, так как на кастильском языке говорят не только во всей Кастилии, но и в королевствах Арагон, Мурсия со всей Андалусии, в Галисии, Асурии и Наварре, и это только лишь в народе. Потому что образованная публика говорит на нем на всей остальной территории Испании, и в языке каждой провинции есть собственные слова и особенности речи (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 35).

В этом пассаже присутствует отсылка к языковому престижу толедской нормы кастильского, которой, как мы судим из реплики Вальдеса, владеет вся благородная публика Испании и за пределами Двора¹²². А кастильский полагается неким универсальным языком Испании.

“estos modos de hablar son diversos en vna misma lengua conforme la variedad l diversidad de los lugares” (B. J. de Aldrete, *De origen y principio de la lengua castellana o romance que hoy se usa en España*, 1606). – Цит. по: Сулимова. Ук. соч. С. 107.

Ср. обозначение территориальных диалектных различий, вплоть до пределов одного города, у Д. Фриаса в «Диалоге о языках»:

“la variedad que hay de usos y diferencias de hablar, no digo en todo un reino, no en toda una nación, pero aun en cualquiera provincia, y no sé si en cualquiera ciudad”. – D. de Frías. *Op. cit.* P. 242.

¹²¹ “DIALECTO, lo que es particular en cada lengua y propio fuyo, por dōde diftinguimos, el Castellano nueuo, y viejo: el Andaluz, y los demas que aunque hablan vn mefmo language Castellano, tiene alguna manera de pronunciaacion, y formacion de vocablos, en ñ nos diftinguimos vnos de otros: como entre los Griegos, los Atticos, Ionicos, Doricos, AEolicos: y el language comō y vulgar: y todas las demas naciones tienē estas mefmas diferencias, por las quales ñ diftinguen los que fon de vna Prouincia, o de otra”. – Covarrubias Horozco S. de. *Tesoro de la lengva castellana o española...* Madrid: Luis Sanchez, 1611. P. 671.

¹²² О языковой норме см. соответствующий раздел.

2. «неоднородность» и многообразие языков полуострова (т. е. существование различных языков (применительно к Пиренейскому п-ову): кастильского, португальского, каталанского, валенсийского, баскского) (=la diferencia de las lenguas [de España]).

В целом история формирования языков Испании в представлении Вальдеса соотносится с историческими диалектами Пиренейского п-ова (в современном понимании) и их отношениями.

Вальдес следующим образом объясняет историческую подоплеку диалектального разделения Испании: страна была поделена между разными сеньорами (не говоря уже, что сама Кастилия временно также была разделена¹²³). Каталония была еще недавно под властью одного сеньора, именуемого графом, Арагон – под царствием короля, затем матримониальным путем¹²⁴ они объединились и завоевали Валенсию¹²⁵, находящуюся под контролем мавров. С течением времени это объединенное королевство Арагон объединилось с Кастилией¹²⁶. А в королевствах Гранада и Наварра были свои правители, хотя сегодня, к их большому сожалению, они оба под кастильской короной¹²⁷. И Португалия стала самостоятельным государством, отделившись от испанского короля:

España, como sabéis, ha estado debajo de muchos señores, y es así que -dejado a parte que aun hasta Castilla estuvo dividida, no ha muchos años, que Cataluña era de un señor, al cual llamaban conde, y Aragón era de otro señor, al cual llamaban rey; los cuales dos señores vinieron a juntarse por casamientos, y después, por armas, conquistaron el reino de Valencia que era de moros; y, andando el tiempo, lo uno y lo otro vino a juntarse con Castilla; y los reinos de Granada y Navarra tenían también sus señoríos, aunque ya ahora, a su despecho, el uno y el otro están debajo de la corona de Castilla; y Portugal, como veis, aun ahora está apartada de la corona de España, teniendo como tiene rey de por sí (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 32).

¹²³ Леон и Кастилия окончательно объединились лишь в 1520 г., при Фернандо Третьем Святом.

¹²⁴ Объединение Арагона и Каталонии – следствие брака Петронилы Арагонской и Рамона Беренгера Четвертого (графа Барселоны) в 1137 г.

¹²⁵ Хайме Первый в 1238 г.

¹²⁶ В следствие брака Изабеллы Кастильской и Фернандо Второго Арагонского в 1469 г. Изабелла наследовала Кастилию в 1474 г., а Фернандо получил Арагон в 1479 г.

¹²⁷ Завоеваны Католическими Королями Изабеллой и Фернандо.

Но при этом, отмечает Вальдес, все эти языки, заимствуя черты у своих соседей (Каталония у Франции и Италии, Валенсия у Каталонии), восходят к латыни, основе кастильского языка:

aunque cada una de ellas ha tomado de sus comarcas, como Cataluña que ha tomado de Francia y de Italia, y Valencia, que ha tomado de Cataluña, todavía veréis que principalmente tiran al latín, que es, como tengo dicho, el fundamento de la lengua castellana (Ibid. P. 32-33).

Среди «языков» п-ова, таким образом, Вальдес называет кастильский (castellana), валенсийский (valenciana), каталанский (catalana), португальский (portuguesa) и баскский (vizcaína).

Упоминания галисийского языка не встречается на страницах «Диалога», упоминается лишь собственное название провинции Galicia. Это свидетельствует о том, что Вальдес не рассматривал галисийский как оформившийся самостоятельный язык.

Каталанский язык, говорит Вальдес, много заимствовал из латыни, но не целые слова, из французского, а также кастильского и итальянского:

ha se apurado tomando mucho del latín, sino que no le toma los vocablos enteros, y tomando algo del francés puro y también del castellano y del italiano (Ibid. P. 33-34).

Валенсийский язык настолько похож на каталанский, что тот, кто понимает один, понимает и другой, а различия касаются произношения, которое в валенсийском больше похоже на кастильское, поэтому сам язык больше, чем каталанский, понятен кастильскому:

La valenciana es tan conforme a la catalana, que el que entiende la una entiende casi la otra, porque la principal diferencia consiste en la pronunciación, que se llega más al castellano, y así es más inteligible al castellano que la catalana (Ibid. P. 34).

В португальском языке черт кастильского языка больше, чем во всех остальных, из различий Вальдес может обозначить произношение и орфографию:

La portuguesa tiene más del castellano que ninguna de las otras, tanto que la principal diferencia que, a mi parecer, se halla entre las dos lenguas, es la pronunciación y la ortografía (Ibid. P. 34).

Про баскский язык Вальдес был бы рад рассказать что-нибудь друзьям, но его не знает и не понимает, поэтому опирается лишь на мнение сведущих, которые подтверждают, что этот язык тоже имеет много латинских слов:

De la vizcaína querría saberlos decir algo, pero, como no la sé ni la entiendo, no tengo que decir de ella sino solamente esto: que, según he entendido de personas que la entienden, también a ella se le han pegado muchos vocablos latinos (Ibid. P. 33).

И тут же отмечает Вальдес, что этот язык настолько далек от других языков Испании, что даже сами носители не имеют о нем большего представления, чем все остальные:

Esta lengua es tan ajena de todas las otras de España, que ni los naturales de ella son entendidos por ella poco ni mucho de los otros, ni los otros de ellos (Ibid.)

Из-за факта упоминания Вальдесом языковых (и диалектальных) различий и тесных языковых контактов можно сделать вывод, что Вальдес признает на территории Испании наличие билингвизма, который обусловлен исторически и географически.

Следуя хронотопу самого сочинения (диалог происходит в Италии), и памятуя о лингвистической обстановке в Италии того времени (беспрецедентный авторитет кастильского языка на территории Италии и мода на владение им, присутствие большого количества испаноговорящих в Италии), необходимо отметить, что сам Вальдес находится в ситуации, близкой к билингвизму¹²⁸.

3. Истоки кастильского языка

История кастильского языка тесно связана с историей Пиренейского полуострова.

Современный язык, говорит Вальдес, содержит часть от языка дороманского периода, часть от языка готов, пришедших после римлян, и большую часть из языка мавров (т.е. арабского), правивших долгие годы в Испании, но основная часть в кастильском пришла из латыни, языка, который принесли с собой римляне:

¹²⁸ Рафаель Лапеса отмечает, что, например, в Португалии у некоторых «лузитанских классиков» (Жилия Висенте, Са де Миранды, Камоенса, Родригеса Лобо-и-Мело) в творчестве отражен билингвизм, некоторые (Монтемайор) принадлежат почти исключительно кастильской литературе, некоторые же (Педро Нунеш, Мануэл даш Пувоаш) и вовсе считают кастильский более универсальным языком, чем португальский. — Lapesa R. Op. cit. P. 201.

Valdes. – la lengua que hoy se habla en Castilla, de la cual vosotros queréis ser informados, tiene parte de la lengua que se usaba en España antes que los romanos la enseñoreasen, y tiene también alguna parte de la de los godos, que sucedieron a los romanos, y mucha de la de los moros, que reinaron muchos años, aunque la principal parte es de la lengua que introdujeron los romanos, que es la lengua latina...

Вальдес. – В языке, на котором сегодня говорят в Кастилии и о котором вы желаете разузнать, имеется часть, которая использовалась в Испании, прежде чем римляне завоевали ее. А также имеется кое-что от готов, пришедших после римлян. И многое пришло от мавров, которые правили здесь долгие годы. Но, несмотря на это, основная составляющая языка это та, которую принесли римляне, то есть это латинский язык ((Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 21).

Дороманским языком полуострова Вальдес считает греческий:

Valdés. – y avendo leído un poco más adelante, soy venido en esta opinión, que la lengua que en España se hablava antiguamente, era assí griega como la que agora se habla es latina; quiero dezir, que assí como la lengua que oy se habla en Castilla, aunque es mezclada de otras, la mayor y más principal parte que tiene es de la lengua latina, assí la lengua que entonces se hablava, aunque tenía mezcla de otras, la mayor y más principal parte della era de la lengua griega.

Вальдес. – изучив это поглубже, я пришел к такому выводу, что языком, на котором в Испании говорили в древности, был греческий, как язык, на котором говорят сегодня – латинский язык. Я имею в виду, что как сегодня язык, на котором говорят в Кастилии, это смесь нескольких языков, но основная его часть – из латинского языка, – также язык, на котором говорили тогда, хоть и имел примеси других языков, но основную его часть составлял греческий (Ibid. P. 22).

Высокое почитание греческого гуманистами повлияло и на их представления об истории Иберийского полуострова. А мнение о греческом, а также древнееврейском, языке как дороманском языке полуострова, было распространено вплоть до Бернардо де Альдрете¹²⁹ (XVII в.) и его сочинения «О происхождении кастильского языка»¹³⁰.

Но Вальдес высказывает распространенную точку зрения, что этим языком был баскский (это мнение он сам разделял ранее), и приводит два довода в пользу этой версии:

1. Во время завоевания Испании римляне не смогли проникнуть в ту ее часть, которую мы называем Бискайей, говорит Вальдес, поэтому и язык не мог проникнуть туда в то время, с римлянами:

¹²⁹ García Blanco M. *La lengua española en la época de Carlos V. Santander: Publicaciones de la Universidad Internacional "Menéndez Pelayo"* (10). P. 40.

¹³⁰ B. de Aldrete. *Del origen, y principio de la lengua castellana ò romance que oi se usa en España*, Roma, 1606.

la una es que, así como las armas de los romanos, cuando conquistaron la España, no pudieron pasar en aquella parte que llamamos Vizcaya, así tampoco pudo pasar la lengua al tiempo que, después de haberse hecho señores de España, quisieron que en toda ella se hablase la lengua romana (Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 22).

2. Баскский язык сильно отличается от других языков Испании, следовательно, он сохранился с более ранних времен:

La otra razón es la disconformidad que tiene la lengua vizcaína con cualquiera de las otras lenguas que el día de hoy en España se usan, por donde se tiene casi por cierto que aquella nación conservó juntamente con la libertad su primera lengua.

Другая причина – это различия между бискайским языком и любым другим из тех, которые сегодня используют в Испании. Поэтому наверняка можно сказать, что тот народ сохранил вместе со своей свободой и изначальный язык (Ibid.).

Вальдес сначала и сам разделял подобное мнение, но затем, опираясь на «историков», пришел к выводу, что дороманским языком полуострова был греческий. Гуманист сравнивает языковую ситуацию того времени и современную ему: греческий играл такую же роль на полуострове, как латинский теперь. Т.е. как латынь является основой всех языков полуострова, хоть и имеет «примеси» (mezcla) из других языков, так и греческий тогда, ранее был основой, к которой примешивались черты других языков:

así como la lengua que hoy se habla en Castilla, aunque es mezclada de otras, la mayor y más principal parte que tiene es de la lengua latina, así la lengua que entonces se hablaba, aunque tenía mezcla de otras, la mayor y más principal parte de ella era de la lengua griega.

Так же, как язык, на котором сегодня говорят в Кастилии, является смесью нескольких языков, основным из которых является латинский, язык, на котором говорили тогда, был смесью нескольких, а основная его часть была греческим языком (Ibid.).

Дополнительно Вальдес приводит два довода, убедившие его в правильности именно этой теории:

1. Общение греков (когда они прибыли на территорию Пиренейского полуострова) с местными жителями происходило на греческом языке – и другие народы вынуждены были его принять.

2. Большинство лексем (vocablos) и выражений кастильского языка, которые не являются латинскими или арабскими, являются именно греческими, а значит, сохранились из того предшествующего языка, как и некоторые выражения.

Что касается возраста греческого и баскского языков, Вальдес не может сказать, какой из языков старше, и допускает, что пальма первенства принадлежит баскскому, как и обратное.

Впоследствии на замену греческому языку пришла латынь, которая является прямым предком кастильского языка: “el origen de la lengua castellana es la latina” (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 30). По отношению к латыни Вальдес употребляет термин «порчи» (“algo corrompida”¹³¹), который использовали гуманисты его времени по отношению к изменяющейся латыни и зарождению романских наречий¹³². «Испорченная» греческим наследием латынь еще больше меняется под влиянием готов и в таком состоянии доживает до 719 г., когда дон Родриго «теряет» ее и языком общения становится язык мавров, пришедших из Африки:

El uso de esta lengua así corrompida duró por toda España, según yo pienso, hasta que el rey don Rodrigo en el año de setecientos y diez y nueve, poco más o menos, desastradamente, la perdió cuando la conquistaron ciertos reyes moros que pasaron de África, con la venida de los cuales se comenzó a hablar en España la lengua árábica, excepto en Asturias, en Vizcaya y Guipúzcoa, y en algunos lugares fuertes de Aragón y Cataluña, las cuales provincias los moros no pudieron sojuzgar.

Использование того испорченного языка продолжалось во всей Испании, я думаю, до того времени, как дон Родриго примерно в 719 г. потерял ее, когда страну завоевали пришедшие из Африки мавританские короли, с приходом которых в Испании начали говорить на арабском языке, кроме Астурии, Бискайи и Гипускоа, а также некоторых устоявших мест в Арагоне, Каталонии, которые мавры не смогли завоевать (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 28).

А изменения в языке необратимы, в отличие от политической ситуации: в 1492 г., говорит Вальдес, власть мавров была свергнута в Испании, однако испанцы не смогли сохранить чистоту языка, который много перенял и усвоил из арабского:

Esta conquista, como creo sabéis, duró hasta el año de mil y cuatrocientos y noventa y dos, en el cual año los Reyes Católicos, de gloriosa memoria, ganando el reino de Granada, echaron del todo la tiranía de los moros de toda España. En este medio tiempo no pudieron tanto conservar los españoles la pureza de su lengua, que no se mezclase con ella mucho de la árábica, porque, aunque recobraban los reinos, las ciudades, villas y lugares, como todavía

¹³¹ Как синонимические использует: [palabras latinas] enmascarados, disfigurados.

¹³² В признании латыни прямым предком кастильского языка Х. де Вальдес следует А. де Небрихе, развивающему тезис итальянских гуманистов (прежде всего, Бьондо) о латинском происхождении новых романских языков. — Сулимова Н. Г. Ук. соч. С. 27.

quedaban en ellas muchos moros por moradores, se quedaban con su lengua; y, habiendo durado en ella hasta que pocos años ha¹³³, el emperador les mandó se tornasen cristianos o se saliesen de España, conversando entre nosotros, nos han pegado muchos de sus vocablos.

Эта конкиста, как вы, думаю, знаете, продолжалась до 1492 г., когда Католические короли, вечная им слава, отвоевав королевство Гранады, свергнули тиранию мавров по всей территории Испании. В то переходное время испанцы не могли сохранить чистоту языка, чтобы он не смешался с арабским, т. к. они отвоевали королевства, города, деревни и села, но там оставалось жить много мавров, которые пользовались своим языком (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 29).

Рассуждая об истории кастильского языка, Вальдес, как мы можем видеть из приведенных цитат, всегда апеллирует к историческим фактам, в чем прослеживается прямая зависимость языка и истории народа (вспомним слова А. де Небрихи о «языке – спутнике империи»). Вальдес подчеркивает в обращении к друзьям, что такой экскурс в историю он приводит, чтобы они понимали, как именно [в данном случае] арабские слова проникли в кастильский обиход.

Из этого следует, что логическое объяснение и история вопроса важны для Вальдеса в дидактике. Однако можно это рассматривать и как предпосылку к появлению исторической и сравнительной грамматики кастильского языка¹³⁴.

4. Языковая норма

Вальдес не выделяет единственного и правильного источника познания норм языка. Гуманист убежден, что нельзя описать народные языки в правилах, по которым их можно выучить: “las lenguas vulgares de ninguna manera se pueden reduzir a reglas de tal suerte que por ellas se puedan aprender” (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 49).

¹³³ В 1525 г.

¹³⁴ Первой такой работой Амадо Алонсо называет упомянутый труд Альдрете («О происхождении кастильского языка»). Ср. слова Альдрете о языке п-ова: “Comunmente è oido que el Romance, que aora usamos, i en que esto se escriue, se deriuò de la lengua Latina, ò Romana, i della tuuo su principio, l nombre... La causa desto fue, que muchos años en España fue vulgar la lengua Latina; en el tiempo, que pacíficamente la posseieron, poblaron i biuieron los Romanos. Con la venida de los Vandalos, i Godos como se mudò el imprerio tambien la lengua, pero no del todo, sino sacando della la vulgar, que vsamos variandosse con los tiempos”. — Aldrete, B. *Del origen, y principio de la lengua castellana ò romance que oi se usa en España*, Roma, 1606. — P. 6. Цит. по: Abad Nebot F. *Las ideas lingüísticas en la modernidad española: Juan de Valdés, Bernardo de Aldrete, la Academia* / F. Abad Nebot // *Homenaje a Pedro Sáinz Rodríguez* / Tomo II. Alcalá, Estudios de lengua y literatura. — Madrid: Fundación Universitaria Española, 1986. P. 1-17. P. 8.

Определение нормы связано для Вальдеса с его аксиологическим пониманием правильности и неправильности речи и письма. Следуя тексту «Диалога о языке», можно выделить несколько принципов, которыми руководствуется Вальдес при оценке правильности-неправильности и адекватности-неадекватности какого-либо факта языковой деятельности, то есть его принадлежности норме.

Языковая норма по Вальдесу фактически складывается из соединения 1) речевого обихода придворных (т.е. узуса Двора) и 2) простонародья, 3) литературного начала (языка художественной литературы) и 4) компетенции говорящего.

Причиной изменения нормы и движущей силой развития языка является узус, который для Вальдеса служит, наравне с собственным вкусом, отправной точкой при определении «правильности» / «неправильности»¹³⁵.

а. Узус Двора (речевой обиход придворных)

Образцовой речью и использованием языка, по мнению Вальдеса, отличается образованная публика: “los que se precian de scrivir bien”¹³⁶, “La principal razón que tengo es el uso de los que bien escriben”¹³⁷. Достоянные носители языка для Вальдеса – это, прежде всего, люди придворных кругов. Речевой обиход образованных людей, т. е. высших кругов, настолько важен для Вальдеса, что, например, Е. Асен시오 называет его единственным критерием нормы у Вальдеса: “Valdés, aunque no cristalizó su pensamieneto en fórmulas rotundas, consideraba como

¹³⁵ Б. Кастильоне в сочинении «О придворном» высказывает очень схожий взгляд на узус: “la costumbre es la guía [de bien hablar y escribir]. – См. главу VIII первой книги сочинения.

Д. Фриас в «Диалоге о языках» также отводит значимую роль узусу: “el uso, maestro y señor que es del hablar”. – D. de Frías, *Diálogo de las lenguas* // Damasio de Frías. *Diálogos de diferentes materias inéditos hasta ahora*. Escritores castellanos. Madrid: Imp. de G. Hernández y Galo Sáez, 1929. P. 236.

¹³⁶ Valdés, Juan de. Op. cit. P. 56.

¹³⁷ Ibid. P. 84.

Узус самой благородной публики, например, у Д. Фриаса ценится превыше всего: “y de aquellas palabras y términos se aprovechen, que, aunque nuevas o peregrinas, estén ya introducidas en el trato y uso de algunos discretos y autorizados hombres”. – D. de Frías. Op. cit. P. 272.

Интересно отметить, что такую публику Вальдес характеризует, используя те же термины: “personas discretas nacidas y criadas en el reino de Toledo o en la corte”. – Valdés, Juan de. Op. cit. P. 77. Для него это, прежде всего, выходцы из Толедо.

norma y arbitrio último la lengua de la corte»¹³⁸.

Амадо Алонсо говорит о придворных как социальном образце Возрождения¹³⁹. Е. Асенсио отмечает, что престиж Двора как обозначение и граница хорошей речи составляет часть магического ореола вокруг монарха, его двора, дворца, иерархии¹⁴⁰. А отождествление Двора с хорошей речью встречается еще в испанских текстах XV в., например, в анонимном «Словаре кастильского языка XV века», обнаруженном Мигелем Артигасом (anónimo, “Un vocabulario inédito del siglo XV”): “las Cortes i casas de los Reyes donde se usa toda polizía e horden de hablar”¹⁴¹.

Для Вальдеса язык Толедо (столицы королевства) играет роль такого идеала. Обозначение толедской нормы (кастильской, по названию провинции Castilla la Mancha) за идеал это также и параллель с флорентийской Тосканой в Италии. Однако в Испании выбор кастильской нормы языка был куда более однозначным, чем в Италии.

Необходимо отметить, что Вальдес в сочинении называет свой родной язык «кастильским» (за исключением некоторых случаев: «испанское слово», «как говорят испанцы»). В этом Вальдес придерживается традиции обозначения всеобщего языка на территории Испании (именно кастильский диалект победил остальные исторические диалекты на общегосударственном уровне). Но также во времена Вальдеса уже оформилось понятие «испанского языка» (la lengua española) как языка империи, границы которой выходили за пределы Пиренейского п-ова¹⁴².

Поэтому не случайно употребление Вальдесом именно номинации «кастильский», а не «испанский», язык:

¹³⁸ Asensio, E. Juan Valdés contra Delicado // Studia Philológica. Homenaje ofrecido a Dámaso Alonso por sus amigos y discípulos con ocasión de su 60º aniversario. Madrid: Gredos, 1960. – P.101-113. P. 103.

¹³⁹ Alonso, A. Castellano, español, idioma nacional. Historia espiritual de tres nombres. Editorial Losada, S.A., Buenos Aires, 1968. P. 61.

¹⁴⁰ Asensio, E. Op. cit. P. 104.

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Об универсализме испанского языка см.: Lapesa R. Op. cit. P. 23; Alonso, A. Op. cit. P. 50-51.

1. По просьбе итальянских друзей Вальдеса ими будет обсуждаться именно язык Двора, и они станут консультироваться у Вальдеса именно как у представителя Двора:

Pacheco. – No os queremos meter en ese labirinto; solamente, como a hombre criado en el reino de Toledo y en la corte de España, os preguntaremos de la lengua que se usa en la corte, y si alguna vez tocaremos algo de esas otras provincias, lo recibiréis en paciencia (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 35).

2. Гуманист подчеркивает свою принадлежность к кругам Толедо как к законодательному центру моды и престижа. Т. е. обсуждаются в целом свойства языка, бытующего на территории Пиренейского п-ова, а не испанской империи в целом, поэтому термин “español” Вальдес применяет лишь в случаях, когда ему важно противопоставить кастильский как язык государственности (см. выше).

Это положение представляется нам более важным, чем первое, по двум причинам. Во-первых, Вальдес выполняет в разговоре далеко не все просьбы и пожелания друзей, оставляя место капризам и некоему жеманству.

Во-вторых, для Вальдеса важно показать свою принадлежность (языковую в том числе) к придворному обществу (несмотря на великую его любовь к народной составляющей языка). В этих же целях гуманист неоднократно выражает антипатию по отношению к личности и работам А. Небрихи: он выходец из Андалусии, а не Кастилии, он слишком расположен к латыни, он допускает ошибки:

aunque Librixa era muy docto en la lengua latina, que esto nadie se lo puede quitar, al fin no se puede negar que era andaluz, y no castellano, y que scrivió aquel su vocabulario [Vocabulario latino-español] con tan poco cuidado, que parece averlo escrito por burla? (Ibid. P. 11-12).

и далее о «Грамматике кастильского языка»:

nunca lo he oido alabar, y en esto podéis ver cómo fué recibido y cómo era provechoso que, según ntiendo, no fué imprimido más que una vez (Ibid. P. 52).

Несмотря на такие слова Вальдеса в адрес его предшественника на лингвистическом поприще, работа Небрихи по орфографии повлияла, например, на итальянскую орфографию, предложенную Триссино в 1524 г.¹⁴³. Также,

¹⁴³ Kukenheim, Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, française et espagnole à l'époque de la Renaissance. Amsterdam, 1932. P. 51.

например, в сочинении Х. Л. Вивеса “De disciplinis” (1531 г., Антверпен, Кельн), который разошелся, в частности, по Италии и обсуждался очень широко, есть упоминания Небрихи.

Интересно отметить, что в классификации развития кастильского языка Р. Лапесы Небриха остается в первом периоде развития испанского языка (который оканчивается в 1525 г.), эпохе первых попыток обозначить лингвистическую направленность теории (преимущественно андалузской). И Вальдес, таким образом, представляет следующий, второй, период (1525 по 1555 гг.), эпоху Гарсиласо, с толедской лингвистической нормой¹⁴⁴.

По прочтении всего сочинения становится явным, что в «Диалоге о языке» олицетворением придворного идеала языкового употребления становится узус самого Вальдеса как представителя высших дворянских кругов.

Вальдес причисляет себя к тем, кто пишет и говорит подобающе (“los que scriven bien”), поэтому считает вполне адекватным опираться на свой узус при иллюстрации языковых фактов.

Свое произношение он объясняет привычкой: “Потому что так я произношу с тех пор, как родился” (“Porque assí lo pronuncio desde que nací”¹⁴⁵, “когда я говорю и пишу, то стараюсь использовать наилучшие слова, которые найду, оставляя в стороне те, которые таковыми не являются” (“quando yo hablo y escrivo, llevo cuidado de usar los mejores vocablos que hallo, dexando siempre los que no son tales”¹⁴⁶).

И при таком словесном отборе важными для Вальдеса оказываются простота и ненадуманность выражений, что вписывается в общую парадигму гуманистических идеалов¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Подробнее см.: Lapesa R. Op. cit. 144-150.

¹⁴⁵ Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 55.

¹⁴⁶ Ibid. P. 105.

¹⁴⁷ “the humanists were preoccupied with ways of thinking clearly”. – Ashworth E. J. *Language and Logic in the Post-Medieval Period*, Dordrecht – Holland / Boston – U.S.A., 1974. P.9.

в. Народная речь (узус простолюдинов)

Как и большинство гуманистов, Вальдес ценит народную мудрость и языковое сознание, запечатленные в вербальных выражениях. А фольклорная адаптированность языкового явления доказывает, по Вальдесу, что язык принял данный факт употребления элемента, разграничивает живой народный кастильский язык и латынь как классический язык прошлого.

Многие писатели и мыслители Возрождения отзываются о пословицах как о хранилище языковой традиции, «архаической простоты речи»¹⁴⁸, народной мудрости, «так почитаемое еще с Сантильяны и Луиса Руиса, Эразма и по всей Европе»¹⁴⁹.

Например, испанский гуманист и писатель Хуан де Маль Лара в «Народной философии» (Севилья, 1568 г.) отзывается о пословицах как об украшениях письма и речи, как о слепящих глаз драгоценных камнях, украшающих дорогие платья:

los refranes aprovechan para el ornato de nuestra lengua y escriptura. Son como piedras preciosas salteadas por las ropas de gran precio, que arretaban los ojos con sus lumbres.

рефраны служат украшением нашего языка и письма. Они, словно драгоценные камни на дорогих платьях, которые слепят взор своим блеском (Mal Lara, J. de. La philosophia vulgar. – Цит. по: García Blanco M. Op. cit. P. 55).

В качестве достойных образцов и прецедентов употребления и функционирования языка в Западной Европе, прежде всего, рассматривалась классическая литература (там, где список ее представителей уже сформировался как таковой). Как отмечает О. А. Сапрыкина, в Европе своеобразие языков двух типов художественной словесности (языка художественной литературы и языка фольклора), связанное с формой их реализации, характером авторства, отношением к слову как средству выражения, определило особое развитие каждой из двух традиций, письменной и устной¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Сапрыкина О. А. Португальский эпос: загадки и проблемы изучения // Камоэнсовские чтения (Материалы научной конференции) / Под ред. М. А. Косарик и Ф. Рибейро да Кунья. М.: НТК Консерватория, 1994. С. 39-40. С. 40.

¹⁴⁹ García Blanco M. Op. cit. P. 40.

¹⁵⁰ Сапрыкина О. А. Язык и словесное творчество средневековой Португалии. С. 15.

В Испании, в отличие от Италии, теоретики языка все еще стремились установить баланс между еще не ставшими классическими литературными образцами и живой разговорной речью:

Испанская нация находилась в XVI в. на подъеме и ее писатели, не забывая «Поэтику» Аристотеля, стремились к созданию новых собственных, национальных, а, следовательно, новых неклассицистических форм. Обращение испанских прозаиков, поэтов и драматургов к народному творчеству оказалось не только этико-политической, но также и эстетической необходимостью¹⁵¹.

Схожее мнение высказывает и А. Алонсо, такие ориентиры по норме и правильности у Вальдеса обнаруживают его обращение к разговорной, устной речи из-за того, что он не находит пока в Испании идеалов письменной речи (литературы) и ищет их в пословицах, поговорках и собственном сознании¹⁵².

Однако следует особо подчеркнуть, что интерес Вальдеса к народному началу в языке – это проявление его любви к фольклорному началу и культурному наследию.

С молодых лет Хуан де Вальдес отличался тонким своеобразным чувством юмора и проявлял его по отношению как к близким друзьям, так и всему окружающему миру (например, на страницах личной переписки высмеивал церковников).

Для Хуана де Вальдеса простонародный язык стоит на особом месте, это показатель традиционной преемственности языка и хранилище культурной традиции народа, наполненное юмором и часто самоиронией.

Этот факт наиболее ярко подтверждается тем, что всю молодость Вальдес провел в придворных кругах, а позднее служил у императора Карла V, но не исключил из своего обихода и сознания фольклорный элемент, который, прежде

¹⁵¹ Хлодовский Р. И. О ренессансе, маньеризме и конце эпохи Возрождения в литературах Западной Европы – См. в кн.: Типология и периодизация культуры Возрождения. Под ред. В.И.Рутенбурга. М., 1978. С. 135.

¹⁵² Alonso A. Op. cit. P. 52.

всего, ассоциируется с узусом простолюдинов и носителей языка, далеких от куртуазного идеала.

Вальдес отзываясь о кастильском языке как более «разговорном» (*vulgar*), нежели итальянский, однако это свойство – одна из характерных акциденций именно родного языка гуманиста (вспомним высказывание Вальдеса о различии языков и наличии у каждого языка характерных особенностей, *propiedades*).

Кроме того, такая приверженность к народной составляющей языка перекликается с взглядами Эразма Роттердамского, столь почитаемого Вальдесом (как и наоборот).

Таким образом, для Вальдеса не такое уж и большое расстояние между придворным языком и народным наследием. А фольклорные жанры и народный разговорный язык – это не только хранилище языковой традиции, но и отображение народной мудрости и культурной ментальности¹⁵³.

Интересно отметить, что Гонсало Корреас в своем грамматическом труде “*Trilingve de tres artes de las tres lengvas Castellana, Latina, I Griega, todas en Romanze*” (1627) предпочитает черпать примеры не из лучших образцов прозы, а именно из «естественной и обыденной речи людей», и обыденный народный узус определяет грамматические нормы¹⁵⁴.

Речь Вальдеса полнится фольклорными элементами.

Вальдес как гуманист, как носитель кастильского языка, как любитель словесности и, что особо важно, как любитель народного начала в языке, знает огромное количество пословиц, поговорок, а также примеров народной поэзии (*coplas, romances, villancicos*) и постоянно ссылается на эти образцы для

¹⁵³ Это обращение к народным истокам языка тесно связано с оформлением языкового национализма в Европе, когда фольклор наравне с еще «молодой» классической литературой служит доказательством национального превосходства, идентичности и неповторимости:

The sixteenth century saw a further development in proverb collections by humanists seeking not only to enrich the speech of their readers but, through comparison between sayings in different languages, create a new awareness of national tongue. With Erasmus' *Adagia*, the proverb collection became a window into the classical past as well as a compilation of rhetorical devices for the orator to use. – Abrahams, D., Babcock, B. *The Literary Use of Proverbs* // *The Journal of American Folklore*. Vol. 90, N. 358, Oct.-Dec. 1977. American Folklore Society. P. 414-429. P. 419.

¹⁵⁴ Сулимова Н. Г. Ук. соч. С. 88.

иллюстрации употребления.

Больше всего среди используемых Вальдесом примеров элементов паремийного содержания.

Прелесть пословиц и поговорок, по Вальдесу, – в их народном происхождении (в отличие, например, от греческих и латинских) (1) и в том, что в них видна чистота кастильского языка (2), (3):

(1) Valdés. – No tiene mucha conformidad con ellos, porque los castellanos son tomados de dichos vulgares, los más dellos nacidos y criados entre viejas tras del fuego¹⁵⁵, hilando sus ruecas, y los griegos y latinos, como sabéis, son nacidos entre personas doctas y están celebrados en libros de mucha doctrina. Pero, para considerar la propiedad de la lengua castellana, lo mejor que los refranes tienen es ser nacidos en el vulgo.

Вальдес. – Они не сильно схожи с ними [греческими и латинскими], потому что кастильские пословицы и поговорки взяты из разговорного употребления, и большинство из них рождено старухами за прялкой у камелька. А греческие и латинские, как вы знаете, созданы среди людей образованных и собраны в серьезных книгах. Но надо отдать должное своеобразию кастильского языка: лучшее, что есть в паремиях, – это то, что они рождены в народе (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 15).

(2) Valdés. – porque tenemos ya averiguado que lo más puro castellano que tenemos son los refranes, en ellos mismos os lo quiero mostrar...

Вальдес. – так как мы уже выяснили, что самый чистый кастильский – это рефраны, на них я вам и покажу...(Ibid. P. 186).

(3) Pacheco. – en aquellos refranes se vee mucho bien la puridad de la lengua castellana.

Кориолано. – Antes de que passéis adelante, es menester que sepa yo qué cosa son refranes.

Вальдес. – Son proverbios o adagios.

Пачеко. – в тех рефранах прекрасно видна чистота кастильского языка.

Кориолан. – Прежде чем вы продолжите, мне необходимо знать, что это за вещь – рефраны.

Вальдес. – Это пословицы, поговорки и крылатые выражения (Ibid. P. 15).

Как мы видим из приведенной цитаты (3), сам Вальдес объединяет под понятием «рефран» различные устойчивые выражения, сентенции и паремии, которые характеризуются в большей или меньшей степени афористичностью,

¹⁵⁵ По мнению Р. Лапесы, Вальдес в этой фразе отсылает к самому древнему известному сборнику пословиц и поговорок М. де Сантьяны: "Refranes que dicen las viejas tras el fuego".

дидактичностью, сжатостью, образностью, ритмичностью, логической и синтаксической законченностью. Для него актуальна возможность использования их как примеров для иллюстрации.

Пословицы и поговорки к XVI в. уже не имели лишь устную форму бытования. Встречаясь еще в сочинении «Песни о моем Сиде», уже при Альфонсе X Мудром “refranes” становятся объектом экзегезы, встречаются в составе письменных памятников (“El libro del caballero Zifar”¹⁵⁶, используются Альфонсом X Мудрым как концовки документов). Так они становятся (параллельно с устным бытованием) литературным приемом. Поэтому в «Диалоге» пословицы и поговорки – представители как письменных, так и устных жанров (паремии, народная поэзия, либо кастильские «классические» авторы)¹⁵⁷.

В рефранах можно найти, таким образом, ответы на спорные вопросы употребления:

Pacheco. – Assí es verdad, que el sonido es feo, pero como véis es más claro.

Valdés. – Séase cuan más claro vos quisiéredes, que yo por mi nunca escribiré ni pronunciaré de otra manera que he hecho hasta aquí. Y si queréis ver el amistad que la lengua castellana tiene con la *h*, acordáos que ya dos vezes os he dicho que casi en todos los vocablos que tiene latinos, si comienzan en *efe*, convierten la *f* en *h*, diziendo por *ferrum*, *hierro*, quando sinifica metal, como en este refrán: *A fuerça de villano, hierro en medio*, y en éste: *Cargado de hierro, cargado de miedo*. Pero advertid que, quando tomamos este vocablo que sinifique error, no lo escrivimos con *h*, como aquí: *Quien yerra y s'enmienda, a Dios se encomienda*; y notad que la *y* ha de ser griega, porque es consonante. También dezimos, por *fava*, *hava*: *Da Dios havas a quien no tiene quixadas*. Y aun la *g* latina convertimos algunas veces en *h*, diziendo *hermano* por *germano*: *Medio hermano, remiendo de mal paño*.

Pacheco: Aunque más digáis que nos hazemos del ojo, no callaré esto, que lo dicho de la *h* stá muy bien considerado.

Пачеко. – Действительно, звук некрасивый, но более четкий.

Вальдес. – Пусть будет четкий, если вам заблагорассудится, но лично я никогда не буду писать и произносить иначе, чем делал это до сих пор. И если хотите посмотреть, как хорошо кастильский язык ладит с буквой *h*, вспомните: я уже дважды сказал, что почти во всех латинских словах, которые в нем есть, если они начинаются на *f*, то *f* превращается в *h*, и говорится вместо *ferrum hierro*, когда речь идет о металле, как в этой пословице: *A fuerça de villano, hierro en medio* [Не хочешь по-хорошему – будет

¹⁵⁶ Libro del Cavallero Zifar (ca. 1320) – считается первым из рыцарских романов, и романов воспитания, на Пиренейском п-ове.

¹⁵⁷ Ср., например, с русским контекстом: пословицы используются также наравне с цитатами из Библии и баснями в философских диалогах Григория Сковороды (XVIII в.), для облегчения восприятия.

по-плохому], и в этой: *Cargado de hierro, cargado de miedo* [собака, что лает, редко кусает]. Но имейте в виду, что если мы употребляем это слово в значении *erro*, мы не пишем его с *h*, например: *Quien yerra y s'enmienda, a Dios se encomienda* [Повинную голову меч не сечет]. И обратите внимание, что здесь должна быть греческая *y*, потому что здесь согласный. Мы также говорим вместо *fava* – *hava*: *Da Dios havas a quien no tiene quixadas* [дай бог тому честь, кто умеет ее снести]. Даже латинскую *g* мы в некоторых случаях превращаем в *h*, и говорим *hermano* вместо *germano*: *Medio hermano, remiendo de mal paño* [брат-то мой, да ум у него свой].

Пачеко. – Если Вы опять скажете, что мы не замечаем Ваших достойных объяснений, в этот раз не буду кривить душой: сказанное про *h* очень разумно (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 80-81).

Пачеко называет Вальдеса «собранием пословиц и поговорок», которые тот якобы выучил при общении со своими друзьями из образованных кругов во время пребывания в Риме:

Pacheco. – a mi parecer, para muchas cosas os podréis servir del quaderno de refranes castellanos, que me dezís cogistes entre amigos estando en Roma por ruego de ciertos gentiles hombres romanos.

Пачеко. – Мне кажется, что относительно многих вещей Вы можете служить сборником кастильских пословиц и поговорок, которые, как Вы мне сказали, Вы почерпнули среди друзей, находясь в Риме по увещанию некоторых доблестных римлян (Ibid. P. 14).

Это замечание Пачеко интересно как минимум по двум причинам:

1. По его словам мы можем судить: образованные люди из высших кругов использовали в речи пословицы и поговорки, что свидетельствует об авторитете и признанной ценности последних.

2. Эти слова Вальдеса доказываются, в некоторой мере, его репликами о том, что он выучил кастильский именно в обиходе, а не по грамматике и книгам, как латынь. Это вполне соотносится с тем, что фольклорные образчики бытуют именно в устной традиции и передаются из уст в уста.

Особенно интересно отметить случаи, где рефраны привлекаются Вальдесом для объяснения орфографических вопросов. Этот факт теоретически намекает на то, что эти единицы бытуют также в письменной форме, так как предполагается знание их правильного написания:

Marcio. – Agora me dezid por qué unas vezes escrivís a con h y otras sin ella.

Valdés. – Por hazer diferencia de quando es verbo a quando es preposición, y assí, siempre

que es verbo la escribo con h y digo: Quien ha buen vezino, ha buen maitino, y también: Quien asnos ha perdido, cencerros se le antojan, y cuando es preposición escrívola sin h, diziendo: A buen callar llaman sancho, y también: A carne de lobo, salsa de perro, y: A perro viejo no cuzcuz.

Марчо. – Теперь скажите мне, почему Вы иногда пишете *a* с *h*, а иногда без нее.

Вальдес. – Чтобы отметить разницу, когда это глагол и когда это предлог. Так, всегда, когда это глагол, я пишу ее с *h* и говорю: *Quien ha buen vezino, ha buen maitino* [Хорошие соседи – половина достатка], а также: *Quien asnos ha perdido, cencerros se le antojan* [Кто про что, а вшивый про баню], а когда это предлог, я пишу без *h*, говоря: *A buen callar llaman sancho* [Молчание – золото], и еще: *A carne de lobo, salsa de perro* [Клин клином вышибают], и: *A perro viejo no cuzcuz* [На мякине не проведешь] (Ibid. P. 52).

Как известно, пословицы и поговорки встречались в текстах письменных жанров еще начиная с «Песни о моем Сиде», мелькают в поэзии Гонсало де Берсео¹⁵⁸, при Альфонсе X Мудром по примеру арабской письменности “*refranes*” становятся объектом экзегетики, а сам Альфонсо использует их в качестве концовок в своей документации (договорах и проч.). Около 1303 г. появляется сборник рефранов “*Libro de caballero Zifar*”. Как концовки такие единицы фигурируют и в сочинениях Хуана Руиса (“*Arcipreste de Hita*”, “*Libro de buen amor*”) наравне с выдуманными самим автором (pseudo-refranes)¹⁵⁹.

Фольклорные единицы входят в литературное наследие, и их использование становится своеобразным литературным приемом. Авторитет рефранов не только как устного, но и письменного жанра, закрепил Маркиз де Сантильяна в работе “*Refranes que dizen las viejas tras el fuego*”, 1508.

Наравне с авторитетностью эти единицы по своему определению – относительно краткие и лаконичные синтагмы. Это должно делать общедоступным их содержание, но при этом давать пищу для размышления. Поэтому пословицы и поговорки преобладают в корпусе примеров, использованных Вальдесом¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Gonzalo de Berceo (¿1195?- ¿1253-60?), первый из поэтов на кастильском языке, авторство сочинений которого осталось в истории.

¹⁵⁹ Об истории пословиц и поговорок в испанской словесности подробнее см.: López de Mendoza I., Marqués de Santillana. *Refranes que dizen las viejas tras el fuego*. Ed., intr. y notas por H. O. Bizzarri. Kassel, Edition Reichenberger, 1995.

¹⁶⁰ Подробно о функциях примеров в первых грамматиках романских языков см.: Кистерева, М. Э. Указ. соч.

Эта дидактическая ценность паремийных единиц очень важна для Вальдеса. Такая фраза в качестве примера воспринимается намного легче и с большим интересом, чем обычное предложение. В силу того, что почти все паремии имеют характер ритмически оформленных синтагм, они играют роль подходящих иллюстраций подобающей, правильной речи. Данная установка, т.е. акцент на облегчение устного восприятия, очень четко обозначена Вальдесом и становится одной из основных функций рефранов в «Диалоге»:

Coriolano. Bien stá, pero yo no entiendo los más dellos.

Valdés. Abasta que entendáis el propósito para que los digo; la sentencia, otro día la entenderéis.

Coriolano. Paréceme que os aprovecháis bien de vuestros refranes, o como los llamáis.

Valdés. Aprovéchome dellos tanto como dezís porque, aviendôs de mostrar por un otro exemplo lo que quiero dezir, me parece sea más provechoso mostrároslo por estos refranes, porque oyéndolos los aprendáis, y porque más autoridad tiene un exemplo destes antiguos que un otro que yo podría componer.

Кориолан. Хорошо, но я не понимаю большинство из них.

Вальдес. Хватит того, чтобы вы поняли, зачем я их говорю. А смысл – когда-нибудь поймете.

Кориолан. Мне сдается, хорошо вы управляетесь со своими рефранами, или как Вы их называете.

Вальдес. Я так хорошо с ними управляюсь, как вы говорите, потому что мне надо подтвердить вам то, что я говорю, другим примером, а самое подходящее – показать это на поговорках, потому что, слушая их, вы их запоминаете, и потому что такой старинный пример больше стоит, чем какой-нибудь собственного сочинения (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 46).

Г. Н. Пospelов отмечает, что «использование множества афоризмов и сентенций – дань условности и инструмент контакта со зрителем¹⁶¹ в драматическом произведении (а «Диалог» таковым отчасти и является), – в случае с «Диалогом», по нашему мнению, это несколько не условность, а наоборот: один из основных для Вальдеса приемов выражения своего отношения к наследию народной составляющей в языке и инструмент для иллюстрации языковых явлений.

Пословицы и поговорки по определению характеризуются лаконичностью, краткостью и большой смысловой нагруженностью, что и влияет на их частое

¹⁶¹ Пospelов Г. Н. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. С. 242.

употребление в любом языке. Как правило, они играют роль носителей типологизированных смыслов и ситуаций, поэтому паремийные жанры фольклора входят в сокровищницу типов и образцов поведения. При их употреблении отдельный человек имеет в виду определенную ситуацию, некоторый набор прототипических признаков, ряд реминисценций и коннотаций, поэтому упоминание иной пословицы или поговорки заменяет череду пространных объяснений и комментариев, смысл и прагматика которых через услышанную паремию становятся сразу очевидными для слушающего, если только он владеет данным языком.

Потому как паремийные жанры фольклора во многом универсальны в смысловом отношении, они часто используются как раз при изучении языка или обучению ему. Таким образом, они используются либо для доказательства и иллюстрации какого-либо слово- или смыслоупотребления, либо наоборот для отображения оригинальных оттенков языка и взяты в силу своей краткости и лаконичности¹⁶².

Привлечение этих единиц в качестве примеров выигрышно в силу их известности и экономности:

Pacheco. – Essa síncopa no me acuerdo oirla jamás.

Valdés. – Luego ¿no avéis oído el refrán que dize: *En cas del bueno, el ruín tras fuego*, ni el otro: *En cas del hazino más manda la muger que el marido*?

Pacheco. – Bien los avía oído, pero no me acordava dellos.

Пачеко. – Не помню, чтобы слышал когда-нибудь эту синкопу.

Вальдес. – В конце концов, вы не слышали пословицу, в которой говорится: *En cas del bueno, el ruín tras fuego* [Добро всегда победит], ни другую: *En cas del hazino más manda la muger que el marido* [У скупого мужа жена правит]?

Пачеко. – Наверно я их слышал, но забыл об этом (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 125).

¹⁶² Например, З. Фрейд об элементах фольклора как о носителях универсальных смыслов и знаний: «Но и массовая душа способна на гениальное духовное творчество, как это доказывает, прежде всего, язык, затем народная песня, фольклор и т. д. А кроме того, неизвестно, сколько мыслителей и поэтов обязаны своими побуждениями той массе, в которой они живут; может быть, они являются скорее исполнителями духовной работы, в которой одновременно участвуют другие». – Фрейд З. *Психология масс и анализ человеческого "Я"*. М.: АСТ, 2005. С. 21-22.

В «Диалоге» также в качестве словесных иллюстраций встречаются народные песни, которые обозначаются Вальдесом общим названием *coplas* (1), *villancicos* (2), *canciones* (3):

(1) Marcio. – es en una copla, compañera de la que os dije antes sobre halagüeña y çahareña.

Valdés. Bien me acuerdo. Decid la copla.

Marcio.

La dama boquicerrada,
sorda y muda, no sé qué,
no sé para qué se fué
entre las otras criada.

La necia desamorada
que nada no da ni vende,
tírala dende.

Valdés. ¿Adónde diablos habéis aprendido esas coplas?

Marcio. Qué sé yo. Entre vosotros.

Марчо. – [Это есть] в копле, схожую с которой я Вам рассказывал раньше, о льстице и упрямце.

Вальдес. – Я прекрасно ее помню. Рассажите коплу.

Марчо. –

Несговорчивая дама,
Глухая и немая и еще не знаю что,
Неизвестно, зачем
Была рождена и выращена.
Невлюбленная дурочка,
ничего ни берет, ни продает, –
Вон ее.

Вальдес. – Где вы, черт побери, выучили такие коплы?

Марчо. – Откуда я знаю. Среди вас (Ibid. P. 152).

(2) Valdés. – y porque veáis que esto es assí, escuchad este villancico que, al tiempo que yo partí de Spaña, reinava entre los músicos, y mirad cómo hallaréis en él lo que digo.

Pues que os ví, merecí veros,
que sí, señora, n'os viera,
nunca veros mereciera.

Вальдес. – и чтобы Вы увидели, что это так, послушайте это вильянсико, которое было столь модно среди музыкантов во времена моего отъезда из Испании, и посмотрите: Вы найдете там то, о чем я говорю.

Я вас увидел, значит, был достоин вас увидеть,
а если бы, сеньора, я вас не увидел,
то, значит, не заслужил бы никогда увидеть вас (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 166)

(3) Valdés. – y porque mejor lo entendáis, miradlo en esta canción, que dize:

Destas aves su nación
es cantar con alegría,
y de vellas en prisión
siento yo grave pasión,
sin sentir nadie la mía.

Вальдес. – и чтобы лучше это понять, посмотрите на эту песню¹⁶³, где говорится:

У этих птиц судьба –
петь гимны радости,
И эта кротость в клетке
Навевает мне печаль.
Мою ж печаль никто не видит.
(Ibid. P. 167).

с. Язык «классической» литературы

Как было упомянуто выше, во время Возрождения формируется фонд классиков литературы на народных языках, который должен был бы противостоять латинским и греческим. Излишнюю «латинизацию» в словесности начинают искоренять, как отмечает Лапеса, во времена Католических королей¹⁶⁴. Но тогда как, с одной стороны, в паре латинский-кастильский приоритет закрепляется за кастильским, – с другой стороны, большое влияние на испанскую словесность в XV-XVI вв. оказывает итальянская.

В то время как испанский язык становится все более изучаем в Италии в силу роста политического, а вместе с тем и культурного, влияния Испании, – с

¹⁶³ Один из немногих образчиков женской поэзии, встречающихся в “*Cancionero general*”. Принадлежит перу Флоренсии Пинар (Florencia Pinar). Во «Всеобщем песеннике» встречается шесть ее стихотворений. Подробнее см.: *Antología de la poesía amorosa española e hispanoamericana*. V. de Lama (ed.) EDAF, 14 ed., 2007. P. 58.

¹⁶⁴ Lapesa R. Op. cit. P. 205.

испанской стороны имеет место огромное стремление познать классическую культуру через итальянскую, а также копируются и имитируются литературные формы и стихотворные размеры итальянского языка, считающегося более развитым и совершенным по сравнению с «неоформившимся» кастильским (что делают, например, Боскан, Гарсиласо)¹⁶⁵.

Важность паремий и классической литературы для сохранения традиции языка сближает Вальдеса, например, и с Луисом Вивесом, основа обучения для которого – тексты классиков и поговорки¹⁶⁶.

Зерцало и образец нашего стиля – это книги, которые мы читаем, заключает Вальдес. Поэтому именно правильный выбор литературы для чтения является определяющим в формировании хорошего и правильного стиля:

Marcio. – tales son nuestras costumbres quales son las de aquellos con quien conversamos y platicamos, de la mesma manera es tal nuestro estilo quales son los libros en que leemos.

Valdés. – Dezís muy gran verdad.

Марчо. – если наши привычки и манеры зависят от того, с кем мы общаемся, то наш стиль зависит от того, какие книги мы читаем.

Вальдес. – Совершенно верно (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 162).

Произведения испанской словесности (т. е. написанные на кастильском языке) Вальдес разделяет на **поэзию, прозу и переводную литературу**. Мерилом хорошего произведения для Вальдеса, наряду с перечисленными факторами, становится подобающий стиль написанного.

Стоит особо отметить, что весь разговор о литературных образцах посвящен текстам на кастильском языке и кастильским авторам. Это кардинально отличает «Диалог о языке» от «Грамматики кастильского языка» А. де Небрихи, где образцами для чтения служат произведения классических (в основном латинских)

¹⁶⁵ Anguita Peragón, José Andrés. Una aproximación a la gramática de Nebrija. Sevilla, 2005. P. 67.

¹⁶⁶ Fontán A. Juan Luis Vives (1492-1540). Humanista. Filósofo. Político. Ayuntamiento de Valencia, 1992. P.9.

авторов. Например, Небриха выступает против создания поэзии на народном языке, ориентируясь, прежде всего, на классические источники¹⁶⁷.

Чтение поэзии на каком-либо языке Вальдес одобряет только в отношении его носителей и не рекомендует изучающим язык¹⁶⁸.

В кастильской поэзии пальма первенства общепризнанно принадлежит Хуану де Мене¹⁶⁹, говорит Вальдес. Но лично он согласен с этим только по части высокого стиля и некоторых вопросов морали в сочинениях поэта: Х. де Мена несовершенен в употреблении слов и выражается слишком сложно и «темно». Поэтому его язык похож больше на «плохую латынь», чем на «хороший кастильский»:

Valdés. – Pero, porque digamos de todo, digo que, de los que han escrito en metro, dan todos comúnmente la palma a Juan de Mena, y, a mi parecer, aunque la merezca cuanto a la doctrina y alto estilo, yo no se la daría cuanto al decir propiamente ni cuanto al usar propios y naturales vocablos, porque, si no me engaño, se descuidó mucho en esta parte, a lo menos en aquellas su Trecientas, en donde, queriendo mostrarse docto, escribió tan oscuro, que no es entendido <...> lo qual a mi ver es más scrivir mal latín que buen castellano.

Вальдес. – Так как мы говорим откровенно, я не согласен с тем, что пальму первенства в поэзии все бозоговорочно отдают Хуану де Мене. Это утверждение верно, когда речь идет о высоком стиле и нравоучениях, и совершенно, на мой взгляд, необоснованно, когда дело касается правильности его языка и употребления слова. Если я не ошибаюсь, он допустил большую небрежность такого рода в своих «Триста», где, желая блеснуть талантом, так затемнил смысл, что ничего невозможно понять. <...> отчего четверостишие кажется написанным на плохой латыни, а не на хорошем кастильском языке¹⁷⁰ (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 163).

В качестве достойных образцов стиля и языка Вальдес называет многие имена из сборника “Cancionero popular”¹⁷¹: Гарси Санчеса де Бадахоса¹⁷²,

¹⁶⁷ Rico F. De Nebrija a la Academia // Homenaje a Pedro Sainz Rodríguez / Tomo II. Alcalá, Estudios de lengua y literatura. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1986. P. 519-525. P. 524.

¹⁶⁸ Valdés. – Confiando en esa promesa, digo que, como sabéis, entre lo que está escrito en lengua castellana principalmente hay tres suertes de escrituras, unas en metro, otras en prosa, compuestas de su primer nacimiento en lengua castellana, ahora sean falsas, ahora verdaderas; otras hay traducidas de otras lenguas, especialmente de la latina. El leer en metro no lo apruebo en castellano, ni en ninguna otra lengua, para los que son aprendizes en ella [Valdés 163].

¹⁶⁹ Имя Хуана де Мены упоминается 32 раза в грамматике Небрихи и является синонимом для слова «поэт». – Anguita Peragón, J. A. (ed.) Una aproximación a la gramática de Nebrija. Sevilla: Alfar, 2005. P. 20 - 21.

¹⁷⁰ Перевод Э. Чашиной.

¹⁷¹ «Всеобщий песенник» (“Cancionero general”, Н. де Кастилья, impreso en Valensia, 1511).

¹⁷² Garcí Sánchez de Badajoz, 1460-1526.

Бачильера де ла Торре¹⁷³, Антонио де Гевары¹⁷⁴, Маркиза де Асторги¹⁷⁵, Хуана дель Энсины¹⁷⁶.

Больше остальных хвалит Вальдес Хорхе Манрике¹⁷⁷ и за содержание, и за стиль. Торреса Наарро¹⁷⁸ – за простоту стиля (“es muy llano y sin afetación ninguna” [Valdes 164]) и соответствие изображаемым простолюдинам. Но при изображении людей воспитанных и благородных Т. Наарро использует тот же «низкий» язык, который не подходит им, как подходит простонародью (с которым Наарро, по словам Вальдеса, общался гораздо больше)¹⁷⁹. Т.е. Вальдес обвиняет Наарро в неумении менять регистры при изображении различных характеров.

Вальдес не упоминает других поэтов, достойных похвалы, потому как многие из них не изданы и так как их в целом немного. Можно предположить, что это именно современные Вальдесу авторы, которые еще не успели попасть в список классиков, гуманисты близких ему кругов или знакомые, которым сам гуманист не отказывает в «благоразумии».

Поэзия, которая самым фактом своего существования более изысканна и сложна, нежели проза, продолжает Вальдес, – должна, однако, содержать четко улавливаемую мысль, выраженную подходящим количеством подходящих для нее слов (облик которых не меняется из-за нужд метра или произношения), обладать хорошим стилем:

Por buenas [coplas] tengo las que tienen buena y clara sentencia, buenos vocablos, acomodados a ella, buen estilo, sin superfluidad de palabras y sin que haya ni una sílaba superflua por causa del metro, ni un vocablo forzado por causa del consonante; y por malas tengo las que no son de esta manera (Ibid. P. 166).

Изыщество хорошей кастильской поэзии также заключается в том, чтобы она была похожа на прозу, а то, о чем в ней говорится, было бы высказано, как в прозе

¹⁷³ Bachiller de la Torre, ?-1570.

¹⁷⁴ Antonio de Guevara, 1480-1545.

¹⁷⁵ Marqués de Astorga, 1459-1505.

¹⁷⁶ Juan del Encina, 1468-1529.

¹⁷⁷ Jorge Manrique, 1440?-1479.

¹⁷⁸ Bartolomé Torres Naharro, ?-1531.

¹⁷⁹ Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 166.

(мы снова встречаем тезис о соответствии устной и письменной речи):

la gentileza del metro castellano consiste en que de tal manera sea metro que parezca prosa, y que lo que se escribe se dice como se diría en prosa (Ibid. P. 168).

Siendo fuera de propósito que una lengua vulgar se pronuncie de una manera y escriba de otra (Ibid. P. 73).

Такие стилистические предпочтения постепенно становятся популярными, и другие гуманисты также считают, что устная и письменная речь должны соответствовать друг другу и строиться на принципах естественности.

Например, эту же позицию высказывает позже и Б. Кастильоне в «Придворном» (1529 г.), и выражает свое непонимание по поводу того, что неприемлемые для устной речи слова могут быть весьма почитаемы в письме:

Paréceme luego estraña cosa juzgar en el escribir por buenas aquellas palabras que en ninguna suerte de hablar se sufren, y querer que lo que totalmente y siempre paresce mal en lo que se habla, parezca bien en lo que se escribe. Porque sierto, o a lo menos según mi opinión, lo escrito no e otra cosa sino una forma de hablar que queda después que el hombre ha hablado <...> Yo, señor, os confieso, dixo entoncesmiser Federico, que escribires un modo de hablar (Castiglione, B. El cortesano, Libro I, cap. VI. – Castiglione, B. de. El cortesano. Introducción y notas de Rogelio Reyes Cano. Escapa-Calpe, Madrid, 1984. P. 107-108).

У Хуана Луиса Вивеса в сочинении «О природе словесного выражения» (1532 г.) находим схожее утверждение:

Как сказал благородный автор трагедий Филоксен Сицилийский, всего лучше плавание вблизи от берега, путешествие вблизи от воды, поэзия, которая наиболее сходна со свободной речью, и проза, наиболее сходная с поэзией¹⁸⁰.

Простота стиля и выражения мысли становится идеалом гуманистов, они становятся на сторону народного языка и его живого естественного строя в противовес классической часто «перегруженной» латыни.

Переводной прозы Вальдес практически не приемлет и не читает, так как сам владеет латынью и итальянским: “Cuanto a la prosa, digo que de los que han romanizado he leído poco, porque, como entiendo el latín y el italiano, no curo de ir al

¹⁸⁰ Вивес Х. Л. «О природе словесного выражения». С. 315.

romance”¹⁸¹. Следуя этим словам Вальдеса, при его жизни у переводчиков особой любовью пользовались латинские и итальянские авторы, а не, например, греческие.

В этом контексте Хуан де Вальдес называет две работы, которые можно назвать достойным переводом на кастильский язык и с точки зрения смысла, и формы, где кастильский язык не испорчен, а предстает в естественном виде, где проявляется мастерство и умение переводчика. И эти два перевода – чуть ли не единственные, которые Вальдес читал на кастильском, как выясняется из разговора.

Первый из них – «Утешение философией» Боэция¹⁸², автора перевода которого Вальдес не помнит. Вторая работа – “Enquiridion”¹⁸³ Эразма Роттердамского, переведенная гуманистом Арседьяно дель Алькор (el Arcidiano del Alcor, 1475-1559), которая, по мнению Вальдеса, чуть ли не превосходит латинский оригинал по части стиля¹⁸⁴.

Вальдес утверждает, что якобы не читал «Придворного»¹⁸⁵ Б. Кастильоне, “Странника» Я. Кавичео¹⁸⁶ и другие сочинения, переводы которых хвалит общественность.

Подробнее всего гуманист останавливается на памятниках кастильской **прозы**. Мы встречаем критические замечания Вальдес относительно рыцарских романов, философской прозы, исторических хроник.

Рыцарские романы

Из существующих на кастильском произведений самыми лучшими

¹⁸¹ Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 169.

¹⁸² Boethius, “De consolatione philosophiae”. По мнению Р. Лапесы, имеется в виду издание Х. Кромбергера в Севилье, 1518.

¹⁸³ Эразм Роттердамский, «Воспитание христианского государя» («Оружие христианского воина»). Переиздавался в переводе как минимум четыре раза в период 1525-1528.

¹⁸⁴ Valdés, J. de. *Op. cit.* P. 171.

¹⁸⁵ Castiglione D. “Il Cortegiano” (1529), переведен на кастильский языка Хуаном Босканом в 1534 г.

¹⁸⁶ J. Caviceo, “Il Peregrino”. Переведен на испанский язык Эрнандо Диасом в 1527 г.

образцами стиля Вальдес называет «Амадиса Гальского»¹⁸⁷, «Пальмерина»¹⁸⁸ и «Прималеона»¹⁸⁹.

В противоположность им гуманист упоминает целый ряд сочинений, не достойных внимания, которые он называет примерами несносного стиля и лживого содержания (однако на которые сам он «истратил десять лет своей жизни»)¹⁹⁰. Вальдес среди них называет “Esplandián”, “Florisando”, “Lisuarte”¹⁹¹, “Cavallero de la Cruz”¹⁹², а также переводные “Guarino mezquino”¹⁹³, “La linda Melosina”¹⁹⁴, “Reinaldos de Montalván”¹⁹⁵, “La Trapisonda”¹⁹⁶, Oliveras de Castilla.

Вальдес констатирует всеобщую любовь и почитание четырех книг “Amadis de Gaula”¹⁹⁷ как образца хорошего стиля. Однако сам обвиняет автора в неестественности и небрежности, а также в скачках стиля от высокого к низкому.

Гуманист называет некоторые черты, которые отображают плохой стиль этого произведения, чтобы объяснить друзьям, чем ему так неуютен язык «Амадиса Гальского».

Большинство перечисленных явлений относятся к архаичным для 30-х гг. XVI в. и, вероятно, именно поэтому вызывают недовольство Вальдеса. Почти все эти вопросы обсуждаются в сочинении отдельно, помимо упоминаний в связи со стилем романа «Амадис Гальский». Это говорит о значимости этих вопросов для Вальдеса, а также о том, что они остаются спорными и нерешенными в теории

¹⁸⁷ Amadís de Gaula – рыцарский роман, положивший начало серии подобных сочинений. В 1508 г. вышел в составе четырех книг.

¹⁸⁸ Palmerín de Oliva (1511) – первая книга из серии, созданной в противовес похождениям Амадиса Гальского.

¹⁸⁹ Primaleón (1512) – первая книга в продолжение «Пальмерина».

¹⁹⁰ Это в основном “libros de caballerías”, столь модные в Испании в 20-е гг.XVlv., т.е. во времена молодости Вальдеса. По ним, например, практически училась читать Санта Тереса де Хесус. – Подробнее см.: García Blanco M. Op. cit. P. 17.

¹⁹¹ Рыцарские романы, продолжившие серию Амадиса Гальского, вышедшие в 1510, 1510, 1514 гг. соответственно, ставшие пятой, шестой и седьмой книгами после первых четырех, вошедших в издание «Амадиса» 1508 г.

¹⁹² Lepolemo, llamado Caballero de la Cruz (1521).

¹⁹³ Италия, 1512 г.

¹⁹⁴ Франция, 1489 г.

¹⁹⁵ Италия, 1523 г.

¹⁹⁶ Италия, 1526 г.

¹⁹⁷ «Амадис Гальский», рыцарский роман, (“Amadís de Gaula”, publicado por Garci Rodriguez (Ordoñez) de Montalvo, 1508), известный, по словам Лапесы, еще с XIV века.

языка в Испании первой половины XVI в.

К ним относятся:

- Хотя Вальдес и относит «Амадиса» к литературе художественной (“entre los [autores] que an escrito cosas de sus cabeças”), но все равно критикует вымысел и глупости, которых много в сочинении: “dize cosas tan a la clara mentirosas, que de ninguna manera las poséis tener por verdadera”¹⁹⁸.
- Критически отзывается Вальдес и о словаре романа, отмечая многочисленные слова, воспринимаемые в 30-х гг. XVI в. как устаревшие: “estando en aquel *solaz*” вместо “estando en aquel *plazer o regozijo*”, “quando vió ser *sazón*”¹⁹⁹ вместо “quando vió ser *tiempo*”, “en vos dexo toda mi *hazienda*” вместо “todo lo que me toca”, “viniera” вместо “avía venido”, “passara” вместо “avía passado”.

Привлечение такой лексики друзья объясняют возможными попытками автора «Амадиса» привести язык своего произведения в соответствие с узусом своего времени или даже более ранней эпохи. Но Вальдес все равно отрицательно относится к этим архаизмам: автор не справился с данной задачей²⁰⁰.

- Не по душе гуманисту также постановка глагола в конце фразы в подражание латинскому языку: “En el estilo mesmo no me contenta donde de industria pone el verbo a la fin de la cláusula, lo qual haze muchas vezes, como aquí: tiene una puerta que a la huerta sale, por dezir que sale a la huerta”²⁰¹.
- Вальдес критикует случай с анаколуфом, встреченный им в тексте «Амадиса»: “el qual, siendo en la ley de la verdad de mucha devición y buenas

¹⁹⁸ Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 177.

¹⁹⁹ В тексте «Диалога» встречается комментарий Вальдеса: лексема *sazón* уместна лишь в контексте “a la sazón”, но не, например, в случае *sazón será* (вместо *tiempo será*). Образованные от лексемы *sazón* слова *sazonar*, *sazonado* вполне употребительны. – Ibid. P. 121.

²⁰⁰ Ibid. P. 175.

²⁰¹ Ibid. P. 176.

maneras acompañado. Esse rey, etc.”²⁰² [Valdés 176]. Вальдес дополнил бы фразу глаголом *era*, относящимся к *siendo*, либо подставил бы его вместо формы *siendo*.

- Неоправданное употребление соединительного союза “e”, которое узус невежд сделал таким распространенным, – совсем не естественно: “este rey ovo dos hijas en una noble reina, su muger, e la mayor fué casada con etc. por: de las quales la mayor”.
- Неправильная позиция местоимения при глаголе: “*si me vos prometéis por si vos me prometéis*”, “*de lo no descubrir por de no descubrirlo*”²⁰³.

Несмотря на многочисленные недостатки в стиле «Амадиса», Вальдес заключает, что это все-таки весьма достойный образец для чтения теми, кто изучает кастильский язык:

Valdés. – Y vosotros, señores, pensad que, aunque he dicho esto de Amadis, también digo tiene muchas y muy buenas cosas, y que es muy dino de ser leído de los que quieren aprender la lengua; pero entended que no todo lo que en él halláredes lo avéis de tener y usar por bueno.

Вальдес. – А вы, господа, имейте в виду, что, несмотря на все сказанное мною об «Амадисе», в нем есть множество хороших вещей, и он достоин быть прочитанным теми, кто хочет обучиться кастильскому языку. Но будьте внимательны: не всё, что вы там найдете, вы должны использовать и считать правильным (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 179).

По словам Е. Асенцио, в «Диалоге» есть две основные вещи, которые критикует Вальдес, – «Амадис Гальский» и «Грамматика кастильского языка» А. де Небрихи²⁰⁴.

Опираясь на вышеперчисленные недостатки стиля, которые Вальдес выделяет относительно одного произведения, можно в целом сделать вывод о том,

²⁰² Ibid.

²⁰³ Ibid.

²⁰⁴ Подробнее см.: Asensio E. Op. cit.

что для гуманиста существует некое определение «**неправильного стиля**». Его главной характеристикой является излишнее подражание латинскому наследию (на всех уровнях языка), а также надуманность, темный стиль и легкомысленность (неответственность) автора в отношении изображаемого.

Философская проза

Весьма противоречиво оценивает Вальдес такие памятники, как “*Questión de amor*” и “*Cárcel de Amor*”.

В сочинении «Спор любви» (“*Questión de amor*”²⁰⁵) прекрасно содержание и всяческие подробности. С точки зрения прозы стиль хороший, но не идеальный, а с точки зрения поэзии – совсем не подходящий.

Стиль «Темницы любви» (“*Cárcel de Amor*”²⁰⁶) кажется Вальдесу более удачным. Но тут же Вальдес замечает, что такие книги пишутся невнимательно и безответственно, поэтому никак не достойны, чтобы их хвалили так, как хвалят среди греков Демосфена, Ксенофонта, Сократа, Плутарха, Лукиана, а среди латинских авторов Цицерона, Цезаря, Саллюстия и Теренция, которые писали прилежно, и поэтому в их работах прослеживаются особенности и чистота языка:

Valdés. – todos esos librillos, como están escritos sin él cuidado y miramiento necessario, tienen algunas faltas, por donde no se pueden alabar como alabaréis entre los giegos a Demóstenes, a Xenofón, a Isócrates, a Plutarco, a Lucioano, y assí a otros príncipes de la lengua, y en latín a Cicerón, a César, a Salustio, a Terencio, a otros, que como escribieron con cuidado se vee en ellos la natural propiedad y puridad de la lengua (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 183-184).

Такое отношение Вальдеса к «современным классикам» (недоверие, обвинение в недобросовестности, тонкости стиля и проч.) выражает распространенное убеждение того времени, бытовавшее среди гуманистов.

Сравним со словами Фернана Переса де Оливы, который ок. 1586 г. пишет, что кастильский язык хоть несколько не уступает классическим в богатстве,

²⁰⁵ “*Questión de amor de dos enamorados*”. Анонимное сочинение, описывающее итало-испанское общество Неаполя, издано в 1513 г.

²⁰⁶ Diego de San Pedro, “*Cárcel de Amor*”, 1492.

разнообразии, оригинальности и красоте, а даже в чем-то и превосходит их, – но забыт и не поддерживается носителями и авторами, поэтому даже теряет свою ценность:

No hay ahora hombre docto en Italia que no se ocupe en esclarecer su lengua con escrituras graves y de mucha sustancia, y aprenden el griego y el latín para tener llaves con que puedan abrir los tesoros de entrambas, y enriquecer su vulgar con tales despojos. Por esto me delo yo siempre de la mala suerte de nuestra lengua castellana, que, siendo igual con todas las buenas en abundancia, en propiedad, variedad y lindeza, y haciendo en algo de ésto o muchas ventajas, por culpa o negligencia de nuestros naturales está tan olvidada y tenuta en poco, que ha perdido mucho de su valor! (Oliva, Perez de. *Diálogo de la dignidad del hombre* / Perez de Oliva. – Madrid: Compañía Ibero-Americana de publicaciones (S.A.), 1928. P. 11).

Интересно, что критик XVIII в. Антонио Кэмпэни-и-Монпло, рассуждая об испанской литературе XVI в., о Хуане де Вальдесе и Фернанде Пересе де Оливе отзывается с особым уважением за то, что эти авторы обращались именно к родному языку и создавали свои произведения на народном языке²⁰⁷. Кроме того, Кэмпэни и Монпло в этой связи вспоминает и Амбросио Моралеса (племянника П. де Оливы), который в «Речи о кастильском языке» (1546 г.), также как и Вальдес, сетует, что испанцы, в отличие от итальянцев, не заботятся о развитии и поддержке родного языка и что книге достаточно быть написанной на испанском, чтобы кануть в лету и быть забытой²⁰⁸.

Испанские хроники

В испанских хрониках (“*historias de los reyes de España*”), Вальдес не находит ни одного исключительно положительного примера для похвалы.

Известного хрониста Мосена Диего де Валеру Вальдес называет болтуном и лгуном, искажающим историю. Например, де Валера утверждает, что римский акведук в Сеговии построен не кем иным, как Испаном, племянником Геркулеса. И если кто-то будет защищать его, говоря, что он это позаимствовал у других выдумщиков, то самого де Валеру следует назвать легкомысленным за такие

²⁰⁷ Campany y Montpalau A. de. *Teatro historico-critico de la eloquencia española*. T. 1. Madrid: Don A. de Sancha, 1786. – P. cliv-cliv.

²⁰⁸ Ibid.

жесты²⁰⁹.

Стиль его «Краткой хроники Испании»²¹⁰ поначалу кажется привлекательным, но в целом имеет много недостатков (необъективность, плохой слог).

Однако после «Амадиса», «Пальмерина» и «Прималеона» Вальдес ставит именно де Валеру.

На кастильском языке не найдется ни одной книги, написанной таким чистым, натуральным и элегантным языком, как «Селестина»²¹¹, если исправить в ней два недостатка: частое использование неуместных слов (как пример Вальдес приводит *Magnificat* вместо *maitines*), а также латинских слов, плохо понятных в кастильском и к тому же имеющих испанские аналоги. В целом же стиль сочинения хорошо сочетается с изображаемыми персонажами.

Вальдес хвалит автора, начавшего «Селестину» (и умный, и благоразумный), но не автора, закончившего драму. Несомненное достоинство этого сочинения, следуя Вальдесу, – реалистичность в отображении характеров от начала до конца трагикомедии, т. е. связанная с принципом естественности и простоты народная составляющая²¹².

Обращение к естественности языка и стремление к ней, отмечает Гарсия Бланко, – это детище эпохи Возрождения. В то время как, например, Гарсиласо де ла Вега и Луис де Леон находили ее в отборе словаря, Вальдес и Тереса де Хесус прежде всего говорят о простоте и непринужденности языка, о ненаигранности. Принцип писать так, как говоришь, важен для Вальдеса, поэтому он приближает понятие естественности к народной речи (как и Сан Хуан де ла Крус)²¹³.

²⁰⁹ История Испана и акведука Сеговии содержится и во «Всеобщей хронике» Альфонса Мудрого (Alfonso el Sabio, "Crónica General", cap. 9).

²¹⁰ Mosén Diego de Valera (1412-1488?), Crónica abreviada de España, o Valeriana, 1482. Содержит множество легенд.

²¹¹ Celestina, o Comedia de Calisto y Melibea.

²¹² Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 182.

²¹³ García Blanco M. Op. cit. P. 54.

Персонажами, которые изображены лучше и целостнее всего, для Вальдеса являются Селестина, Семпронио и Пармено, образы которых могут, таким образом, считаться литературным образцом.

В определении образцовых с точки зрения сочинений на кастильском языке Вальдес рассматривает все перечисленные сочинения вместе, невзирая на их тематику и жанровые отличия. Это свидетельствует о том, что тенденция к разграничению стилистически различных типов текстов еще не оформилась в XVI в., и теория стиля лишь формируется, во многом именно благодаря Хуану де Вальдесу.

d. Языковая компетентность говорящего (эстетическое чувство)

Самый интересный критерий Вальдеса в вопросе правильного словоупотребления – это факт соответствия единицы вкусу и языковому чутью говорящего. Прежде всего, это сам Вальдес, который приводит множество примеров именно с опорой на собственный опыт языкового употребления.

На узус Вальдеса, как возможно проследить по его рассуждениям, влияет и язык придворных кругов, и народная традиция, и возможные авторитеты, которые гуманистом расцениваются как таковые.

Эту схему логично перенести на любого пользователя кастильского языка того времени. В каждом отдельном случае будут различия лишь в пропорциях таких воздействий (т.е. необходимо учитывать социолингвистические факторы).

Авторитет письменного слова «классических» памятников для Вальдеса неоспорим:

Pacheco. – y por esto los que quieren aprender una lengua de nuevo, devrían mucho mirar en qué libros leen, porque siempre acontece que assí como naturalmente tales son nuestras costumbres quales son las de aquellos con quien conversamos y platicamos, de la mesma manera es tal nuestro estilo quales son los libros en que leemos.

Valdés. – Dezís muy gran verdad.

Пачеко. – поэтому тот, кто хочет изучить язык, должен очень осмотрительно выбирать книги для чтения, ибо если наши привычки и манеры зависят от того, с кем мы

общаемся, то наш стиль зависит от того, какие книги мы читаем.

Вальдес. – Совершенно верно²¹⁴ (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 162).

Но образцовой литературы для Вальдеса в кастильской традиции существует мало. Ибо тех, кто обладает изобретательностью и способностью к суждению (умением этим умом пользоваться) одновременно (*vivo ingenio y claro juicio*), совсем не много:

Valdes. – El ingenio halla qué decir, y el juicio escoge lo mejor de lo que el ingenio halla²¹⁵, y lo pone en el lugar que ha de estar; de manera que de las dos partes del orador, que son invención y disposición, que quiere decir ordenación, la primera se puede atribuir al ingenio y la segunda, al juicio.

Pacheco. – ¿Creéis que pueda haber alguno que tenga buen ingenio y sea falto de juicio; o tenga buen juicio y sea falto de ingenio?

Valdes. – Infinitos hay de esos; y aun de los que vos conocéis y platicáis cada día, os podría señalar algunos.

Pacheco. – ¿Cuál tenéis por mayor falta en un hombre, la del ingenio o la del juicio?

Valdes. – Si yo hubiese de escoger, más querría con mediano ingenio buen juicio, que con razonable juicio buen ingenio.

Pacheco. – ¿Por qué?

Valdes. – Porque hombres de grandes ingenios son los que se pierden en herejías y falsas opiniones por falta de juicio. No hay tal joya en el hombre como el buen juicio.

Вальдес. – Изобретательность находит то, что можно сказать, а суждение выбирает из того, что найдено изобретательностью, и помещает на верное место. Так, например, свойственную ораторам находчивость и способность верного построения речи можно соответственно сравнить с изобретательностью и суждением.

Пачеко. – Как вы думаете, можно ли обладать блестящей изобретательностью и неспособностью к верному суждению, и наоборот?

Вальдес. – Таких людей множество, даже среди тех, с кем вы постоянно общаетесь.

Пачеко. – Что, на ваш взгляд хуже – неспособность к верному суждению или недостаток изобретательности?

Вальдес. – Я бы предпочел иметь среднюю изобретательность при способности верно судить, чем наоборот.

Пачеко. – Почему?

Вальдес. – Потому что при отсутствии способности верно судить люди богатой изобретательности часто погрязают в ереси и ложных учениях. Нет иной ценности у

²¹⁴ Перевод Э. Чашиной. – Вальдес Х. Диалог о языке (фрагмент; пер. Э. Чашиной) // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977. С. 91.

²¹⁵ Ср., например, в “*Libro de Caballero Zifar*” понятиям *ingenio y juicio* у Вальдеса в романе соответствуют *letradura* и *buen seso* соответственно: “bien aventurado es aquel a quien Dios quiere dar buen seso natural, ca más vale que letradura muy grande para saberse ome mantener en este mundo e ganar en otro”. – Цит. по: Gómez Redondo F. La “clerezía” cortesana de Alfonso X: la “letradura” como sistema de saber. *Alcanate VI* (2008-2009) P. 53-79. P. 65.

человека, чем ум, дающий верное суждение²¹⁶ (Ibid. P. 170).

Как мы видим из этих слов, для гуманиста более важным качеством остается именно интуитивная способность избрать из всех возможностей наиболее адекватную и подходящую.

Это благоразумие также должно помогать всякому, кто берется за перо, иметь адекватное представление о предыдущей традиции, о прочитанном:

la prudencia del que escribe consiste en saber aprovecharse de lo que ha leído, de tal manera que tome lo que es de tomar y deje lo que es de dejar; y el que no hace esto muestra que tiene poco juicio, y, en mi opinión tanto, pierde todo el crédito.

Благоразумие того, кто пишет, состоит в том, чтобы уметь воспользоваться прочитанным: брать то, что необходимо взять, и оставить в стороне то, что надо обойти. А тот, кто так не поступает, не обладает способностью к суждению. Это, я думаю, губит все, что написано (Ibid. P. 181).

В литературной деятельности для Вальдеса содержание не меньше важно, чем форма: гуманист критикует тех, кто подстраивает вещи под слова, а не наоборот, как должно, и поэтому в результате они получают не то, что хотели бы высказать, а то, что требуют слова, ими употребляемые:

personas que no van acomodando, como dije se debe hacer, las palabras a las cosas, sino las cosas a las palabras, y así no dicen lo que querrían, sino lo que quieren los vocablos que tienen.

люди, которые согласуют не слова с вещами, что, как я сказал, является верным, а вещи со словами, и тем самым говорят не то, что сами желали сказать, а что желают сказать употребляемые ими слова (Ibid. P. 167).

Формула Вальдеса – твой язык должен, прежде всего, удовлетворять твоему собственному вкусу:

En esso vos haréis como quisiéredes, abasta que os parezca bien.

Поступайте, как пожелаете, главное – чтобы вы сами были довольны (Ibid. P. 58).

Понятие компетентности в пользовании языком связано у Вальдеса непосредственно с узусом, который меньше поддается логическому описанию, чем грамматические правила (по которым учат язык). Поэтому следовать узусу и

²¹⁶ Перевод Э. Чашиной. – Вальдес Х. Диалог о языке, 1977. С. 95.

воспринимать его изменения это задача более сложная, чем выучить грамматические правила (*arte de lengua*).

Б. Кастильоне в сочинении «О придворном» фактически также затрагивает вопрос о компетенции говорящего и подчеркивает, что следование узусу и умение на слух определить, хорошо ли и правильно звучит сказанное, необходимо для придворного²¹⁷. Этому вопросу посвящены две отдельные главы его сочинения (VII, VIII), что показывает, каким ценным для людей придворных кругов видит гуманист умение следовать за узусом и стилистически организовывать свою речь.

Таким образом, у Вальдеса определяющими для нормы выступают четыре фактора: придворный узус, адаптация факта фольклором (простонародная речь), классической литературой и собственное чутье говорящего (компетенция, вкус).

В одном случае Вальдес упоминает, что для иллюстрации задуманного лучше всего подходят устойчивые народные выражения, и что пример из этих старинных выражений обладает большим авторитетом, чем если бы Вальдес сам придумал пример:

porque más autoridad tiene un exemplo destos antiguos que un otro que yo podría componer.

потому что такой старинный пример больше стоит, чем какой-нибудь собственного сочинения (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 46).

Но чуть позже в ходе беседы он объясняет то или иное употребление так: если б я считал это хорошим вариантом, я бы его использовал, но я его потому и не использую, потому как не полагаю его хорошим:

Si lo tuviese por bueno, usaríalo, pero por esso no lo uso, porque no lo tengo por tal, assí bien, que bastan harto para que creáis que lo que digo es verdad²¹⁸.

Несмотря на различную природу этих четырех факторов, в их сочетании отображается отношение Вальдеса ко всему языку как к носителю информации, и, тем не менее, не устаревающему инструменту общения и мысли, как к связующей

²¹⁷ См. главу VII первой книги «О придворном» Б. Кастильоне.

²¹⁸ Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 67.

между носителями и творцами этого языка²¹⁹.

²¹⁹ Ср. слова Реформатского, определяющего язык как форму по отношению к содержанию - национальной культуре, или к мышлению и культуре в целом. – Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 2001. С.257.

Выводы к первой главе

Благодаря изменениям в эпоху Возрождения в понимании языка, развитию сферы образования, появлению книгопечатания для теоретиков языка на первый план выходит вопрос фиксации нормы языка, письменной унификации и создание письменных грамматических трудов о народных языках.

«Диалог о языке» (1535 / 36 г.) Хуана де Вальдеса (1498 / 1500 -1541 гг.) стал вторым по значимости трудом о кастильском языке. Несмотря на высказываемую нелюбовь Вальдеса к Антонио де Небрихе, он – прямой наследник его традиции и ее продолжатель.

В «Диалоге о языке» присутствуют черты текстов различной стилистики и жанровой принадлежности (научной, художественной и философской литературы): это отчасти дидактический философский диалог с элементами трактата, учебное грамматическое пособие, драма.

Однако, несомненно, самой важной характеристикой сочинения выступает его дидактическая практическая направленность.

Теоретические вопросы и проблемы языка, которые затрагивает Х. де Вальдес в «Диалоге о языке», вписываются в общеевропейскую парадигму интересов гуманистического знания. На страницах сочинения отображены представления Вальдеса как представителя испанского языкового сознания о родном и иностранном языке, истории языка, его географической изменчивости (что связано с вопросом нормы и ее выбора), собственно проблеме нормы и узуса.

Сочинение представляет собой диалог Вальдеса (т.е. автора), его соотечественника Пачеко и двух итальянцев из высшего света, Марчо и Кориолана. Нисколько не удивляет, что итальянские друзья Вальдеса интересуются кастильским языком: эпоха повлекла за собой распространение испанского языка по всей Европе и рост его престижа, особенно в Неаполе, где, предположительно, и состоялась в 1533 году беседа, которая легла в основу сочинения.

Общая структура диалога предполагает следующие разделы: происхождение языков Испании (*Orígen de la lengua*), грамматика (*Gramática*), орфография (*Letras*), слог (*Sílabas*), слово (*Vocablos*), стиль (*Estilo*), образцовая литература (*Libros*), кастильский в ряду других романских языков (*Conformidad de las lenguas*).

Важный ракурс «Диалога о языке» – теоретические проблемы языка. Они касаются онтологии языка, бытования форм его существования, ареала его распространения, что связано, например, и с историей Иберийского полуострова, а также соотношением языка и диалектов.

Взгляды Вальдеса на теорию языка обнаруживают зачатки исторического подхода гуманиста к лингвистическому описанию.

Кастильский язык (“*castellano*”, “*la lengua castellana*”), который для Вальдеса является родным (“*lengua propia, natural*” в противовес иностранному “*lengua agena*”) и который наравне с народными живыми языками Вальдес обозначает терминами “*lengua vulgar*” или же наречием романсе “*el romance*”, – противопоставляется мертвым классическим языкам (выученным по книгам, а не употреблению, т.е. узусу). Такое противопоставление демонстрирует, что Вальдес разделяет языки на родные и иностранные, на «мертвые» и «живые», кроме того выделяет общность романских языков – выходцев из латыни.

Вальдес затрагивает вопрос эволюции кастильского языка, определяя его как прямого наследника латыни, которая изменяется в результате «порчи» под готским, а затем арабским влиянием, и которая является главным конституирующим элементом кастильского языка.

Способность языка к эволюции, в глазах гуманиста, – присущее всем языкам свойство. Двигатель и показатель языковых изменений во времени – узус, т.е. речевой обиход (“*uso*”).

Каждый язык в представлении гуманиста, располагает набором присущих лишь ему особенностей (“*propiedades*”), которые определяются географией, культурным и политическим климатом на территории его распространения.

Кроме того, гуманист касается и языкового разнообразия (“*diversidades de lenguas*”) Иберийского полуострова, фактически обозначая диалектальную

раздробленность Испании. Языками Испании в его представлении являются: кастильский (“castellana”), португальский (“portuguesa”), каталанский (“catalana”), баскский (“vizcaína”), валенсийский (“valenciana”). Галисийский Вальдес не упоминает в тексте сочинения, оперируя только наименованием провинции полуострова *Galicia*.

Древнегреческий язык, по мнению Вальдеса, – язык дороманского субстрата территории полуострова. Вальдес разделяет в этом отношении популярное мнение о греческом языке (наряду с баскским и древнееврейским) как средстве коммуникации на территории Испании до прихода римлян.

Вальдес определяет факторы, обуславливающие диалектальное и языковое разнообразие: политический (развитие в закрытых границах одного государства, провинции, марки и т. д.) и лингвистический (наличие языковых контактов, языковой интерференции как следствия).

Не формулируя понятия, Вальдес фактически признает наличие на отдельных территориях Испании билингвизма, обусловленного географически и исторически.

Языковая норма тесно связана у Вальдеса с категорией «грамматической правильности» в античном и средневековом понимании (отделение литературно правильной речи от неправильной) и определяется четырьмя составляющими: языковой обиход придворных кругов²²⁰ и простолюдин, «классическая» литература²²¹, языковая компетенция говорящего (вкус, эстетическое чувство). Так, норма языка связана у Вальдеса во многом с социолингвистическим аспектом.

²²⁰ Выдающийся филолог и романист Амадо Алонсо отмечает, что определяющее значение придворного узуса, закрепленное в XVIII в. Королевской Академией, высказывается именно Вальдесом. – Alonso, A. Castellano, español, idioma nacional. Historia espiritual de tres nombres. Buenos Aires: Editorial Losada, 1968. P. 93.

²²¹ Следуя собственным предписаниям в определении хорошего стиля, Вальдес неоднозначно отзываясь об уже признанной кастильской литературной классике.

Поэзия. Гуманист обвиняет Хуана де Мену в темном и сложном стиле, хвалит прежде всего Х. Манрике и Т. Наарро, а также Г. С. де Бадахоса, Бачильера де ла Торре, А. де Гевару, Маркиза Асторги, Х. дель Энсину.

Проза. Неоспоримые образцы хорошего стиля для Вальдеса – романы «Амадис Гальский», «Пальмерин», «Примелеон» и трагикомедия «Селестина», однако эти сочинения подвергаются резкой критике гуманиста за злоупотребление архаизмами и кальками с латыни.

Глава 2. Вопросы практики языка, обсуждаемые в «Диалоге о языке»

В данной главе анализируются рассматриваемые Вальдесом в «Диалоге о языке» лингвистические вопросы, затрагивающие «практическую» сторону владения языком, в противовес теоретическим размышлениям Вальдеса о языке и его онтологии.

Классификация выполнена по содержательному принципу. Проанализированные вопросы в целом делятся на морфологические, орфографические, стилистические и лексикологические.

Принадлежность некоторых вопросов к конкретному разделу классификации неоднозначна (например, синтаксис Вальдес затрагивает в рамках разговора о стиле).

Здесь же анализируются взгляды Вальдеса на кастильский язык как иностранный и лингводидактику.

I. Вопросы грамматики

Грамматике в «Диалоге о языке» отводится важное место, однако грамматические вопросы не преобладают над другими.

Определение грамматики Вальдес подменяет обозначением ее трех основных правил, знание которых, по его мнению, способствует правильному письму и речи, т. е. является вполне достаточным для подобающего владения языком:

Valdés. – Quanto a la gramática, con dezirlos tres reglas generales que yo guardo, pensaré aver cumplido con vosotros, las quales a mi ver son de alguna importancia para saber hablar y escribir bien y propiamente la lengua castellana.

Вальдес. – Что касается грамматики, то я выполняю нашу договоренность, рассказав

вам о трех основных ее правилах, которые я соблюдаю, и которые весьма ценны для умения красиво и правильно говорить и писать на кастильском языке (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 40).

Первое правило – знать происхождение слова, чтобы правильно его произносить и писать:

Valdés. – La primera regla es que miréis muy atentamente si el vocablo que queréis hablar o escribir es árabe o latino, porque, conocido esto, luego atinaréis cómo lo habéis de pronunciar o escribir.

Вальдес. – Первое правило – смотрите очень внимательно, арабское ли или латинское слово, которые вы хотите сказать или написать. Зная это, вы поймете, как его следует сказать и писать (Ibid. P. 41).

Второе правило состоит в правильном согласовании артикля с именами:

Valdés. – La segunda regla consiste en saber poner en cada vocablo su propio artículo; quiero decir, juntar con el nombre masculino y neutro sus propios artículos, y decir: *El abad de donde canta, de allí yanta* y *Al ruín cuando lo mientan, luego viene*, y juntar con el nombre femenino los artículos femeninos, diciendo así: *La muger y la gallina por andar se pierde aina*, y *El polvo de la oveja alcohol es para el lobo*; de manera que ni al nombre masculino pongáis artículo femenino, ni juntéis con el femenino artículo masculino.

Вальдес. – Второе правило состоит в верной постановке к каждому слову правильного артикля. Я имею в виду, присоединять к именам мужского и среднего рода соответствующие им артикли, и говорить *El abad de donde canta, de allí yanta* [Как потопаешь, так и полопаешь] и *Al ruín cuando lo mientan, luego viene* [Помяни дурака, он и появится; Легок на помине], – а с именами женского рода артикли женского рода, говоря так: *La muger y la gallina por andar se pierde aina* [Белую кобылу надо мыть, за красивой женой надо следить], и *El polvo de la oveja alcohol es para el lobo* [Где б ни летал сокол, везде ему свежий мосол], но никак не ставить к имени мужского рода артикль женского, а к имени женского рода мужской артикль (Ibid. P. 43).

Третье правило грамматики касается умения правильной постановки ударения в слове (таким образом, ударение несет смысловоразличительную функцию, распространяющуюся на разграничение формы и значения слова:

Valdés. – Esta es [la tercera regla] que en la pronunciación de los vocablos miréis bien en qué sílaba ponéis el acento, porque muchas vezes el acento haze variar la sinificación del vocablo, como parece en este refrán que dize: *Dure lo que durare, como cuchara de pan*, adonde, si ponéis el acento en las últimas sílabas del *dure* y *durare*, no diréis nada, porque haréis al uno pretérito y al otro futuro; pero si en el *dure* ponéis el acento en la *u*, y en el *durare* en la *a*, la sentencia estará buena; y si, diciendo: *Quien haze un cesto, hará ciento*, en el *haze* ponéis el acento en la última, haziendo imperativo, gastaréis la sentencia, y por el contrario si diciendo:

Quien sufrió, calló y vido lo que quiso, en el calló ponéis el acento en la a, haziéndolo presente, no diréis nada <...> Y por esta causa, quando yo escrivo alguna cosa con cuidado, en todos los vocablos que tienen el acento en la última, lo señalo con una rayuela. Bien sé que ternán algunos ésta por demasiada y supérflua curiosidad, pero yo no me curo²²², porque la tengo por buena y necessaria.

Вальдес. – Оно [третье правило] состоит в том, чтобы при произнесении слов вы смотрели, куда ставите ударение, потому как часто ударение зименяет смысл слова, как видно в этом рефране: *Dure lo que durare, como cuchara de pan* [Бери, пока дают], где если вы поставите ударение на последних слогах *dure* и *durare*, то вы не скажете ничего, так как сделаете из одного прошедшее время, а из другого будущее. Но если в *dure* вы поставите ударение на *ц*, а в *durare* на *а*, сентенция будет хороша. И если, говоря *Quien haze un cesto, hará ciento* [Начал гулять – так не другой день терять], вы поставите в *haze* ударение на последний слог, сделав императив, то погубите высказывание. И наоборот, если скажете: *Quien sufrió, calló y vido lo que quiso* [Терпенье приносит свои плоды], поставив ударение в *calló* на *а*, то ничего этим не скажете. <...> И по этой причине, когда я пишу какую-либо вещь со вниманием, то во всех словах, имеющих ударение на последнем слоге, я обозначаю его черточкой. Я прекрасно понимаю, что для многих это покажется странностью и излишеством, но мне все равно, потому что я нахожу ее правильной и необходимой (Ibid. P. 47-48).

В кастильском языке постановка ударения на письме – признак хорошего тона и этому правилу должны следовать в первую очередь те, кто берется за серьезную литературу, а также те, кто ведет дружескую переписку с иностранцами:

Marcio. – ¿Y querríais que todos usasen este señalar de acentos en el escribir?

Valdés. – Sí querría, a lo menos los que escriben libros de importancia y los que escriben cartas familiares a personas que no son naturales de Castilla, porque a poca costa les enseñarían cómo han de leer lo que les escriben.

Марчо. – И вы бы хотели, чтобы все использовали это обозначение ударения на письме?

Вальдес. – Да, хотел бы, по крайней мере, те, кто пишет книги серьезные и значительные, а также в дружеской переписке, если такие письма предназначены для кого-либо не из Кастилии, чтобы простым способом показать своим получателям, как должно читать то, что они пишут (Ibid. P. 48).

Грамматика для Вальдеса – это некий набор правил, определяющий языковую норму как залог правильного использования языка. Набор трех перечисленных факторов (правильное осознание этимологии слова, правильное

²²² В таком значении “no me importa” глагол *curar* встречается и у Луиса де Леон. Ср.: “No cura si la fama / canta con voz su nombre pregonera, / ni cura si encaramala / lengua lisoneja / lo que condena la verdad sincera”. – Fr. Luis de León, “Vida retirada” // Kienzle Beverly M., Méndez-Faith T., Vetterling M.-A. (eds.) *Panoramas, literaria: España*. Boston: Heinle, 2013. P. 113.

«грамматическое» оформление имени, правильный «фонетический» облик слова) фактически затрагивает вопрос восприятия слова в устной и письменной форме и выражает важный для Вальдеса принцип пользования языком – простоту и ясность выражения, которые не допускают двусмысленности и путаницы и не осложняют понимание для слушающего, обуславливая коммуникативный успех.

Вальдес ценит использование языка его носителями или его знатоками (кто говорит и пишет правильно (см. далее), применяющими эти правила грамматики обдуманно, с пониманием. В этом случае мы сталкиваемся с понятиями “discreto”, определяющим людей, которые владеют искусством правильной речи и письма, и “discreción”, “industria”, “observancia” как этого стремления и умения. В противопоставление этому Вальдес употребляет обозначение “descuido”, “indiscreción”, “indiscretamente” как невнимательное отношение к своей речи.

Таким образом, в понятие грамматики для Вальдеса входит ее понимание вслед за А. де Небрихой как «свода правил»²²³ кастильского языка, включающее выделение частей речи, их правильное согласование в речи и верное написание, что при участии благоразумия и смекалки говорящего обуславливает и составляет правильный узус.

При этом правила грамматики претендуют на некоторую универсальность для носителей кастильского языка, вследствие чего предполагается прямое их соответствие с правильным узусом, который для Вальдеса ассоциируется, прежде всего, с придворной речью.

Именно поэтому Вальдес с пренебрежением отзывается об Антонио де Небрихе, который, по его словам, закрепляет как универсальную для кастильского языка андалузскую речь, которая в представлении Вальдеса не соотносится с придворным узусом Толедо и Кастилии вообще.

²²³ О понимании «грамматики» А. де Небрихой см.: Раевская М. М. Ук. соч. С. 25-26.

1. Морфология. Части речи

На страницах «Диалога о языке» Х. де Вальдес отдельно останавливается далеко не на всех частях речи. Другими словами, гуманист не выстраивает в сочинении четкой частеречной системы, замечания Вальдеса носят фрагментарный характер. Поэтому определить однозначно количество частей речи, которые входят как отдельный класс в грамматическую систему Вальдеса, весьма сложно. Так или иначе, в сочинении встречаются следующие номинации частей речи и их акциденций: имя, местоимение, артикль, глагол, предлог, наречие, союз и междометие.

Остановимся на частях речи, которые удостоены в «Диалоге о языке» отдельного упоминания.

а. Артикль

Вальдес отводит артиклю значительную роль в испанском языке и считает его неотъемлемой характеристикой нового национального языка.

В тексте сочинения статус артикля не оговаривается четко: остается спорным вопрос, относится ли Вальдес к большинству грамматистов Испании XVI в., считающих артикль некоей «морфемой»²²⁴, указывающей на род имени, к которому артикль относится²²⁵, – или разделяет мнение Антонио де Небрихи (об артикле как самостоятельной части речи²²⁶), которое получает все большее распространение в Европе и окончательно закрепляется в философских грамматиках с различением артиклей по определенности и неопределенности²²⁷.

Наличие в кастильском языке артиклей Вальдес отмечает как свойство, сближающее его с греческим языком. Определение артикля сводится к перечислению форм артикля²²⁸:

²²⁴ Там же. С.30.

²²⁵ Среди них, в частности, Бакалавр Тамара (Bachiller Thámara, *Suma y Erudición de la Gramática en metro Castellano*, изд. 1550), К. Вильялон (C. de Villalón, *Gramática Castellana*).

²²⁶ “Todas las lenguas, quantas he oído, tienen una parte de la oración, la cual no siente ni conoce la lengua latina. Los griegos llámanla “arzrón”; los que la volvieron de griego en latín llamáronle artículo, que en nuestra lengua quiere decir artejo”, – Nebrija A. de. *Gramática de la lengua castellana*, B.: Linkgua, 2006. P. 78 .

²²⁷ Kukenheim L. Op. cit. P. 117-118.

²²⁸ Отсутствуют подробные объяснения артикля, напримр, и у Анонимного автора Грамматики 1559 г. и Х. Патона.

Pacheco. – ¿A qué llamáis artículos?

Valdés. – A *el, la y lo, los y las*.

Пачеко. – Что вы называете артиклями?

Вальдес. – *El, la y lo, los y las* (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 38).

Из приведенной цитаты следует, что Вальдес при обсуждении артиклей обращается только к определенному артиклю, не выделяя неопределенный артикль, что свойственно грамматической испанской мысли вплоть до «Грамматики» Висенте Сальва²²⁹ (1830 г.), который первым из испанских грамматистов закрепил за неопределенным артиклем это наименование²³⁰.

Правильное согласование артикля с главным словом входит в одно из трех основных правил грамматики для Вальдеса (см. выше). Таким образом, артикль обозначает род, число и падеж обозначаемого слова.

Артикль согласуется по роду с существительным (исключение составляют случаи неблагозвучного зияния гласных в существительных женского рода, которые начинаются на гласный *a*):

Valdés. – Si, la ponemos a todos, sacando aquellos que comiençan en *a*, assí como *arca, ama, ala*, con los cuales juntamos *el*, diziendo *el arca, el ama, el ala*. Esto hazemos por evitar el mal sonido que hazen dos *aes* juntas, y de verdad parece mejor dezir: *El mal del milano, el ala quebrada y el papo sano*, que no *la ala*.

Вальдес. – Да, мы ставим *la* ко всем [именам], кроме как к тем, которые начинаются с “*a*”: как в *arca, ama, ala*, к которым мы присоединяем *el*, говоря *el arca, el ama, el ala*. Делаем мы это, чтобы уйти от плохого звучания, которое создают два *a* рядом, и, действительно, лучше сказать *El mal del milano, el ala quebrada y el papo sano* [Делать хорошую мину при плохой игре], чем *la ala* (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 45).

Собеседники Вальдеса предлагают использовать сокращение артикля вместо его замены: “*perder la a del artículo y dezir l’arca, l’alma, l’ala*”. Вальдес был бы не против такого варианта, но он не поддержан в узусе кастильского языка.

Артикль, по мнению Вальдеса, изменяется по падежам. Показателем падежа

²²⁹ V, Salvá. *Gramática de la lengua castellana según ahora se habla* (1830).

²³⁰ Первым испанским грамматистом, признавшим *un* как неопределенный артикль, был П. Бенито. – Подробнее см.: Раевская М. М. Ук. соч. С. 33, 111.

артикля и следующего за ним имени выступает предлог.

Приводится правило образования генитива (с функциями аблатива) артикля путем присоединения соответствующего предлога *de* к форме номинатива.

Дательный и предложный падежи образуются с помощью предлога *a*.

Таким образом, следуя объяснениям Вальдеса, определенный артикль имеет следующую парадигму:

Nom.	el (1)	los (4)	la (2)	las (5)	lo (3)
Gen./ Abl.	del (6) (7)	de los	de la (8)	de las	de lo (11)
Dat.	al (9)	a los	a la (10)	a las	a lo
Ac.	al	los	a la	a la	a lo

- (1) el hombre²³¹
- (2) la muger
- (3) lo bueno
- (4) los hombres
- (5) las mugeres
- (6) del hombre
- (7) Del lobo un pelo u esse de la frente (del lobo –abl.)
- (8) de la muger
- (9) Dixo el asno al mulo: hare allá, orejudo
- (10) Dixo la sartén a la cardera: tira allá, culnegra
- (11) De lo contado come el lobo

В случаях *de el*, *a el* предлог и артикль соответственно теряют гласный *e*, что обусловлено фонетическими причинами.

в. Существительное

Как было отмечено выше, Вальдес в большинстве случаев останавливается лишь на отдельных свойствах той или иной части речи, вызывающих трудности для понимания кастильского языка или наиболее характерных для него.

В случае с существительным Вальдес затрагивает лишь род и падеж.

Падеж существительного

Вальдес, наряду с А. Небрихой и Анонимом 1555 г., оставляет категорию

²³¹ Примеры (1) – (6), (8): с. 38. Примеры (7) – (11): с. 39 в: Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua*, 1946.

падежа в испанском языке, а не упраздняет её, обращая внимание на отсутствие падежных флексий в народном испанском языке (падеж имен выражается внесловно)²³².

Вальдес наделяет артикль способностью к склонению по падежам, но отказывает в этом именам: как и в древнееврейском, в кастильском языке нет изменения имени по падежам: “Con la lengua hebrea se conforma la castellana en no variar los casos, porque en el singular tiene todos ellos una sola terminación y en el plural otra, assí como bueno y buenos, hombre y hombres” (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 39).

Показателем падежа имени выступает предлог и соответствующий имени артикль. Трактовка падежа как категории отсутствует у Вальдеса в «Диалоге о языке», как и у большинства грамматистов Испании Золотого века из-за практической направленности их сочинений²³³.

Род существительного

Теоретические рассуждения о роде существительных Вальдес также оставляет в стороне. Гуманист уделяет внимание практическому определению рода слова: обычно пришедшие из латыни слова, оканчивающиеся на *a*, относятся к женскому роду, на *o* – к мужскому²³⁴.

Но в некоторых случаях этимологическое соответствие не прослеживается: названия деревьев почти всегда в латыни женского рода. В кастильском же наименования деревьев – мужского рода, а названия плодов – женского:

Valdés. – ay muchos [vocablos] que no lo guardan assí, como son los nobmres de árboles, que en latín son casi todos masculinos, y los de la fruta son los más femeninos²³⁵ (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 44).

Употребление в собирательном значении единственного числа

²³² Kukenheim L. Op. cit. 109.

²³³ Колтунова С. В. Категория падежа в испанских грамматиках Золотого века: Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012. С. 68.

²³⁴ По-видимому, это правило Вальдес считает таким понятным и простым, что не иллюстрирует примерами.

²³⁵ Аналогично.

существительных вместо множественного – сходство кастильского языка, по мнению Вальдеса, с [древне]еврейским: “у assí dize mucha naranja, passa o higo por muchas naranjas, passas o higos” (Ibid. P. 39).

В описании рода Вальдес, вероятно, следовал практике Небрихи, который подобным образом выделял несколько видов родов²³⁶.

с. Местоимение

Обсуждение грамматических и других вопросов не носит системный характер в «Диалоге», поэтому о местоимении Вальдес упоминает лишь в некоторых случаях, касаясь отдельных вопросов их осмысления.

Конкретно затрагиваются Вальдесом притяжательные, личные, относительные и указательные местоимения (сама дефиниция разряда встречается только у указательных местоимений, остальные же обсуждаются с позиции написания, на примере конкретных форм, но Вальдес не называет разряд).

Притяжательные местоимения

Вальдес отдельно останавливается на сочетании местоимения с существительным в формулах вежливости. Притяжательные местоимения сохраняют препозицию по отношению к определяемому существительному в номинативе (“*mi señor y mi señora, mi padre y mi madre*”), но в вокативе употребляются в постпозиции “*señor mío y señora mía, padre mío y madre mía*”²³⁷, тогда как обратная постановка их в препозицию говорит о неуважении и понижает “градус» куртуазности.

Особого внимания Вальдеса заслуживает и местоименная форма *vra*. Друзья упрекают гуманиста, что тот не всегда следует своему принципу «пишу, как произношу»: на письме Вальдес якобы использует форму *vuestra*, но в его

²³⁶ “Género en el nombre es aquello por que el macho se distingue de la hembra, τ el neutro de entrambos. τ son siete géneros: masculino, femenino, neutro, común de dos, común de tres, dudoso, mezclado. Masculino <...> se aiunta este artículo el, como el ombre, el libro. Femenino <...> se aiunta este artículo la, como la muger, la carta. Neutro llamamos aquél con que se aiunta este artículo lo, como lo justo, lo bueno. Común de dos <...> se aiuntan estos dos artículos el, la, como el infante, la infante; el testigo, la testigo. Común de tres <...> se aiuntan estos tres artículos el, la, lo, como el fuerte, la fuerte, lo fuerte. Dudoso <...> se puede aiuntar este artículo el o la, como el color, la color; el fin, la fin. Mezclado <...> debaxo deste artículo el o la, significa los animales machos τ hembras, como el ratón, la comadreja, el milano, la paloma”. — Nebrija, A. de. Gramática de la lengua Castellana, 1992. P. 104.

²³⁷ Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 49.

произношении группа *str* упрощается до *ss*. Из объяснений Вальдеса следует, что форма *vra* кастильцами произносится по-разному в зависимости от контекста:

vra. m. [vuessa merced] – произносится с *s* (и это произношение, по его словам, более нейтрально),

vra. s. [vuestra señoría] – по традиции произносится с *r*. Х. М. Лопе Бланч отмечает, что упрощение группы *str* в *ss* в этом случае не было обязательным, как в случае с *vra merced*, однако такое произношение без упрощения было более присуще иностранцам²³⁸.

Личные местоимения

Вальдес останавливается на личных местоимениях в связи с их синтаксисом.

В сложении неударных личных местоимений с глаголами Вальдес следует общей тенденции кастильского языка XVI в.: в начале фразы и после паузы местоимения выступают энклитиками²³⁹, а в подчиненных предложениях, как правило, в качестве проклитик²⁴⁰.

Проблема позиции местоимений с определяемыми словами – одно из немногих мест в тексте Вальдеса, в котором говорится о порядке слов. Важно отметить, что этот раздел синтаксиса (порядок слов в предложении) почти не затрагивается в работах других испанских грамматистов эпохи Возрождения²⁴¹.

Написание местоимения *vos* / *os* в косвенных падежах

Интересно отметить, что Вальдес отзывается о написании формы косвенного падежа местоимения *vos* с согласным как об устаревшей. По его словам, такое написание в хорошей прозе уже не употребляется. Это дает основание полагать, что в поэзии ее все еще можно встретить во времена Вальдеса:

Valdés. – Si lo tuviese por bueno, lo usaría; pero por eso no lo uso, porque no lo tengo por tal; y esa tal *v* nunca la veréis usar a los que ahora escriben bien en prosa, bien que, a la verdad, yo creo que sea manera de hablar antigua.

Вальдес. – Если бы я находил его подходящим, я бы его использовал. Но я его не использую именно потому, что не считаю его таковым. И эту *v* вы нынче не увидите у авторов, которые пишут в прозе, и, признаться, мне сдается, что это устаревший

²³⁸ См. предисловие Х. М. Лопе Бланча к «Диалогу о языке», 1985. Р. 20.

²³⁹ Например, слова М. Сервантеса: “Rindióse Camila, Camila se rindió”. – Lapesa R. Op. cit. Р. 261.

²⁴⁰ “y abrazando a su huésped, le dijo” (Quijote, 1. p, III)”. – Ibid.

²⁴¹ Kukenheim L. Op. cit. Р. 162-163.

вариант произношения (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 67).

Вариант с согласным, *vos*, Вальдес использует в речи в качестве ударной формы местоимения.

Относительные местоимения

Относительное местоимение *qual* упоминается Вальдесом лишь в связи с орфографическими вопросами написания начального *q/c* (см. далее). Номинация данного разряда местоимений также не встретится на страницах сочинения.

Указательные местоимения (*este, esta, esto*)

Este, esta, esto Вальдес относит к указательным местоимениям, *pronombres demostrativos* в его классификации. А. де Небриха, Аноним 1555 и 1559 гг., Корреас также определяют их как местоимения, в то время как, например, К. де Вильялон считает их указательными артиклями (*artículos demostrativos*).

В тексте «Диалога» также встречается вариант *essotro*, который заслужит упоминания в грамматиках Г. Корреаса, Академической Грамматике 1771 г.

d. Глагол

В обсуждениях Вальдеса отсутствуют полные парадигмы глагола, которые, например, приводит А. Небриха в грамматике²⁴². Затрагиваются частные вопросы и лишь отдельные формы глаголов, причем в основном в связи с их орфографией и синтаксисом.

Так как Вальдес не стремится в полной мере описать систему глагольных времен кастильского языка, на страницах сочинения мы встречаем лишь названия отдельных времен (или же наклонений), которые гуманист упоминает: *presente* [indicativo], *futuro* [indicativo], *pretérito* [perfecto simple], а также *imperativo*.

Вальдес останавливается на отдельных глагольных формах (*futuro*,

²⁴² Сравним объяснение системы глагольных форм у Небрихи на одном примере: Los tiempos son cinco: presente, pasado no acabado, pasado acabado, pasado más que acabado, venidero. Presente tiempo se llama aquél en el cual alguna cosa se haze agora, como diciendo *io amo*. Passado no acabado se llama en el cual alguna cosa se hazía, como diciendo *io amava*. Passado acabado es aquél en el cual alguna cosa se hizo, como diciendo *io amé*. Passado más que acabado es aquél en el cual alguna cosa se avía hecho, quando algo se hizo, como *io te avía amado, quando tú me amaste*. Venidero se llama en el cual alguna cosa se a de hazer, como diciendo *io amaré*. (Nebrija, A. de (1992) *Gramática de la lengua Castellana*. P. 114).

pluscuamperfecto, presente de subjuntivo, imperativo), видимо, наиболее интересных, по его мнению, с точки зрения бытования кастильского языка.

Будущее время (futuro)

При образовании форм будущего времени Вальдес не последователен: в некоторых случаях встречаются формы futuro perifrástico romance (*ayudar he*), но в других – Вальдес употребляет форму *ayudaré*. Это позволяет сделать вывод, что в начале XVI в. тенденция к агглютинации формы довольно активна, но она еще не вытеснила окончательно предыдущую, и их сосуществование можно наблюдать в речи самого Вальдеса (и вплоть до XVII в.).

Это сосуществование вариантов относится и к форме с местоимением, например, в речи Вальдеса встречаются одновременно и один, и другой вариант: “Pues, lo os diré agora y *tenerloéis* por dicho para siempre”²⁴³, “dexaré de llamarle parabolano y *llamarlo he* inconsiderado”²⁴⁴.

В будущем времени глагола *sallir* Вальдес оставляет гласный (*salliré*), руководствуясь латинским этимологом:

Marcio. – ¿Por qué escribís *salliré* por *saldré* que escriben otros?

Valdés. – Porque viene de *sallir*.

Марчо. – Почему вы пишете *salliré* вместо *saldré*, как пишут остальные?

Вальдес. – Потому что оно происходит от *sallir* (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 60).

Кроме того, в сочинении встречаются формы *terné*, *verné* (вм. *tendré*, *vendré*), которые встречаются в кастильском языке вплоть до конца XVI в.

Предпрошедшее время (pluscuamperfecto)

Формы плюсквамперфекта на -га (*viniera*, *passara*, *cantara*) Вальдес называет уже устаревшими, вместо которых уже широко употребляются аналитическая форма *avía venido*, *avía pasado* и т. д.

Настоящее время сослагательного наклонения (presente de subjuntivo)

Вальдес критикует автора «Амадиса Гальского» за употребление старой

²⁴³ Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 137.

²⁴⁴ Ibid. P. 181.

формы *vais* вместо уже заменяющей ее *vaiais*: “El que compuso a Amadis de Gaula huelga mucho de dezir *vaiais* por *vais*; a mí no me contenta”²⁴⁵. Такой вариант этимологической формы сохранялся лишь в формах на *nos* и *vos* в разговорном языке (ср. с современным вариантом первого лица *vamos* вместо *vayamos*)²⁴⁶.

Повелительное наклонение (*imperativo*)

Вальдес затрагивает вопрос написания конечного *d* во втором числе множ. числа повелительного наклонения глагола (*tomá/ tomad, comprá/ comprad, comé/ comed*). Сам гуманист, в отличие от многих, не опускает конечный *d* в императиве 2 л. мн. ч., руководствуясь эстетическими соображениями, а также для разграничения грамматических форм ед. и множ. числа (обращений на *tú* и на *vos*):

Valdés. – Póngola por dos respetos: el uno, por henchir más el vocablo, y el otro, por que aya diferencia entre el toma con el acento en la o, que es para quando hablo con un muy inferior, a quien digo tú, y tomad con el acento en la a, que es para quando hablo con un casi igual, a quien digo vos; lo mesmo es en compra y comprad, en corre y corred, etc.

Вальдес. – Я пишу ее по двум причинам: во-первых, чтобы сделать слово цельным, а во-вторых, потому что есть разница между *toma* с ударением на *o*, которое произносится в разговоре с нижестоящим, и *tomad* с ударением на *a*, которое я использую при общении с почти равным, которому говорю *vos*. То же самое в *compra* и *comprad*, *corre* и *corred* и т. д. (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 73).

Это говорит, с одной стороны, о смысловоразличительной функции *d* (показатель обращения на *vos* или на *tú*). С другой стороны, о том, что Вальдес наряду с написанием *tomad, comprad* и т. д. допускает *tomá, comprá*, которые во время написания «Диалога о языке» еще имеют распространение в кастильском языке и окончательно исчезают лишь в XVII в., сохраняясь только в возвратных формах (*marchaos* и т. д.).

2. Вопросы синтаксиса

Частные вопросы синтаксиса, которым Вальдес уделяет внимание во время беседы, в совокупности касаются выработки четких правил синтаксиса кастильского языка без излишних калек и подражания латинским образцам.

²⁴⁵ Ibid. P. 123.

²⁴⁶ Подробнее см.: R. M. Pidal. *Manual de gramática histórica*, §1165.

Среди этих вопросов следующие:

1. Союз *que* в сложноподчиненном предложении

Вальдес признается, что убрал бы из некоторых сочинений половину всех *que*, которые там встречаются. Повторение союза *que* в частях сложноподчиненного предложения, отмечает Р. Лапеса, было весьма распространенным явлением в Испании Золотого века²⁴⁷.

Для иллюстрации этого «лишнего *que*» (“*que superfluo*”) Вальдес не находит ни одной паремии, объясняя это их краткостью, и не помнит примера из литературы, поэтому составляет некий собственный типичный пример: “*creo que será bien hazer esto*”, где союз *que* совершенно не нужен, по мнению гуманиста.

2. Использование излишнего *de* (“*De que se pone demasiado y sin propósito ninguno*”)

Такие излишества в языке появляются, говорит Вальдес, из-за той небрежности, с которой мы пишем на кастильском. Так и в случае с *de*:

Valdés. – Como también en un *de que se pone demasiado y sin propósito ninguno*, diciendo *no os he scritto, esperando de embiar*, adonde staría mejor, sin aquel *de*, dezir *esperando embiar*.

Вальдес. – Так же, как и *de*, которое ставится там, где не следует, и без всякой причины, и пишется *no os he scritto, esperando de embiar*, где было бы лучше написать без этого *de*: *esperando embiar* (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 156).

3. Синтаксис неударных форм местоимений с инфинитивом глагола

Для соблюдения правильной речи, говорит Вальдес, необходимо позаботиться о постпозиции местоимения по отношению к инфинитиву.

Например, Вальдес считает, что *me he de perder* звучит гораздо хуже, чем *he de perderme*, а также что говорить *ponerlos* и *traerlas*, а не крутиться, как некоторые, вокруг да около, говоря *los poner*, *las traer*. Вариант с постпозицией местоимения более благозвучен для Вальдеса в потоке звучащей речи:

Valdés. – Que se deve usar estsa composición de la manera que digo y no andar por las ramas como algunos que, por no hablar como los otros, dizen por *ponerlos*, *los poner* y por *traerlas*,

²⁴⁷ “me pidió las armas; yo le respondí que, si no eran ofensivas contra las narices, que yo no tenía otras” (Quevedo). Цит. по: Lapesa R. Op. cit. P. 263.

las traer, etcétera” (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 156-157).

Такие предпочтения Вальдеса согласуются с четко намеченной тенденцией кастильского языка XVI в. к постановке местоимения в постпозицию к инфинитиву, однако вплоть до XVII в. в прозе на кастильском языке встречаются оба варианта.

4. Несогласованное определение (*tiene razón en / de no contentarse*)

При выборе предлога, присоединяющего несогласованное определение, Вальдес предпочитает вариант *en*, несмотря на то, что многие благоразумные лица выбирают другой,— объясняя свой выбор более подходящей семантикой данного предлога в этом контексте.

5. Постановка предлога *a* перед одушевленным именем

Вальдес согласен с Квинтилианом, что двусмысленность, допущенная вследствие несоблюдения правильного стиля письма, весьма пагубна: многие пропускают предлог *a* в акузативе, где оба существительных оказываются в одном и том же падеже и не понятны их синтаксические связи, что плохо сказывается на смысле сказанного, может привести к каламбуру²⁴⁸:

Valdés. – y así, avendo de dezir *el varón prudente ama a la justicia*, dicen *ama la justicia*, la cual manera de hablar, como véis, puede tener dos entendimientos.

Вальдес. – и так, когда нужно сказать *el varón prudente ama a la justicia* [], говорят *ama la justicia*, что, как вы видите, может иметь два значения (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 157).

Тенденция к постановке предлога *a* перед именами одушевленными укрепляется на протяжении XVI в., хотя и не принимается всеми (например, встречаем у Лопе де Веги: “no disgustemos mi abuela”, Ф. Кеведо: “acusaron los

²⁴⁸ Valdés. – Digo que os devéis guardar siempre de hablar como algunos desta manera: *Siempre te bien quise y nunca te bien hize*, porque es muy mejor dezir: *Siempre te quise bien y nunca te hize bien*

Вальдес. – Я имею в виду, что вы всегда должны воздерживаться от того, чтоб сказать, как некоторые: *Siempre te bien quise y nunca te bien hize*, так как намного лучше произнести: *Siempre te quise bien y nunca te hize bien*. . – Valdes, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 159.

escribas y fariseos la mujer adúltera”²⁴⁹).

Вальдес указывает на также возможный каламбур в следующем примере:

Valdés. – si avéis de dezir *es bien*, no digáis *bien es*, y de otra suerte, si avéis de scrivir *es verdad*, no digáis *verdad es*, y si *es mal*, no digáis *mal es*, porque no parezcan plurales.

Вальдес. – если вам надо сказать *es bien*, не говорите *bien es*, а также, если вам надо написать *es verdad*, не пишите *verdad es*, а если *es mal*, не пишите *mal es*, чтобы не делать множественное число (Ibid. P. 158).

6. Использование гипербатона

Постановку глагола в конце фразы, гипербатон (так характерный для латинского синтаксиса) Вальдес не приветствует как кальку с латыни, чуждую кастильскому языку.

Использование гипербатона было широко распространенной тенденцией в письменном кастильском языке XV в. (еще при Хуане Втором, Католических королях)²⁵⁰. В XVI в. такой синтаксис все еще предпочитали некоторые авторы – любители латинского наследия (например, он встречается в тексте «Амадиса Гальского»). Однако в целом такой синтаксис уже рассматривается как неестественный для кастильского народного языка, и намечается переход к прямому порядку слов.

Следовательно, ко времени написания «Диалога о языке», т.е. к 30-м гг. XVI в., такое синтаксическое явление, как гипербатон, выглядит совершенно архаично. Но, тем не менее, сам факт обсуждения Вальдесом этого явления подтверждает, что оно еще бытует в кастильском языке.

7. Конструкции с отрицанием

Большая ошибка, приводящая к снижению стиля, говорит Вальдес, – при

²⁴⁹ Lapesa R. Op. cit. P. 260.

²⁵⁰ Лапеса отмечает, что в подражание латыни на протяжении 15 в. еще зачастую приносились в романское наречие латинские синтаксические черты без оглядки на то, совместимы ли они с системой кастильского языка или нет: “Resultado de tanta admiracion fue el intento de trasplantar al rmance usos sintacticos latinos sin dilucidar antes si encajaban o no dentro del sistema linguistico del espanol”. – Lapesa R. Historia de la lengua espanola 180.

отрицании следовать латинскому образцу, где двойное отрицание меняет значение предложения, так как в кастильском языке (как в греческом и древнееврейском) это только усиливает отрицание:

Valdés. – gastan algunas vezes el estilo, porque, si an de decir: *No diga ninguno: déstâgua no beberé*, dicen: *No diga alguno*. Esta, como véis, es grande inadvertencia.

Вальдес. – иногда теряют в стиле, потому что если им надо сказать *No diga ninguno: déstâgua no beberé* [Никогда не говори никогда], они говорят: *No diga alguno*. Как видите, это большая оплошность (Ibid. P. 158).

Л. Кукенхейм обращает внимание, что Вальдес был одним из немногих авторов, которые указывают на изменение значения двойного отрицания в новом национальном языке. Другие грамматисты зачастую пытались придать новые оттенки значений отрицательным местоимениям, что только усложняло объяснение, но никак не объясняло разницу в двойном отрицании в латинском и в новом народном языке²⁵¹.

II. Вопросы графики и орфографии

На страницах «Диалога о языке» Х. де Вальдес затрагивает значительное число слов кастильского языка именно в связи с их орфографией. «Диалог» – это, прежде всего, практическое пособие по языку, поэтому внимание Вальдеса к написанию отдельных словоформ вполне объяснимо.

Гуманист касается кастильского алфавита и его «родства» с латинским, отдельных случаев написания гласных и согласных, постановки ударения, сокращения.

Из рассуждений Вальдеса следует, что в целом он опирается на латинскую этимологию слова и ратует за фонетический принцип орфографии, однако в некоторых случаях обнаруживает приверженность к традиционному принципу написания.

²⁵¹ Kukenheim L. P. 166 – 167.

Рассмотрим случаи, к которым обращается гуманист.

1. Алфавит

Алфавит кастильского языка, по подсчетам Вальдеса, имеет на три символа больше, чем латынь (“De manera que, según eso, podremos bien decir que el abc de la lengua castellana tiene tres letras más que el de la latina”²⁵²), а именно j, ç, ñ, – и, таким образом, состоит из 26 букв.

Исходя из этого, следует вывод о том, что Вальдес идет за А. де Небрихой в выделении букв латинского алфавита, который насчитывает 23 символа: a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, x, y, z²⁵³.

Графемы i / j / y

Хуан де Вальдес фактически разграничивает три графемы i, j, y, определяя для каждой собственное фонетическое соответствие.

Это разграничение заимствовано Вальдесом у А. де Небрихи, оно показательно в истории романской орфографии: по воле традиции, символы i / j / y (а также v) стали называться буквами Рамуса, вслед за их упоминанием в его латинской и французской грамматиках (1559 г., 1562 г.²⁵⁴), в то время как задолго до него это нововведение было зафиксировано в трудах Небрихи и его последователей (в нашем случае – Вальдеса)²⁵⁵.

В этом ряду i / j / y буква y выступает как альтернатива i гласному: Небриха ввёл j для обозначения i согласного и считал, таким образом, y излишним. Вальдес, напротив, выступает за сохранение греческой y на письме - в качестве союза (y) и согласного (как в слове *mayor*)²⁵⁶.

1) Долгий j²⁵⁷ используется, как сообщает Вальдес, для обозначения звука, равного в тосканском написании gi, и встречается перед гласными a, o, u:

²⁵² Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 40.

²⁵³ См. в «Грамматике кастильского языка» А. Небрихи: “Y primeramente decimos así: que de veintitrés figuras de letras que están en el uso del latín: a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, x, y, z ...”.- Nebrija A. de. *Gramática de la lengua Castellana*, 2006. P. 26.

²⁵⁴ Petrus Ramus. *Grammaticae libri quattuor* (1559); *Grammaire Française* (1562).

²⁵⁵ Kukenheim L. *Op. cit.* P. 32-35.

²⁵⁶ *Ibid.* P. 42.

²⁵⁷ В устах Вальдеса и Пачеко “la j larga”, Марчо – “i larga” (у Небрихи – “i consonante”).

Valdés. – Quanto a la *j* larga, ya al principio os dixe cómo suena al castellano lo que al toscano *gi*, de manera que stará bien en todos los lugares que uviere de sonar como vuestra *gi*, y mal en los que uviere de sonar de otra manera. Stá bien en *mejor*, *trabajo*, *jugar*, *jamás*, *naranja*, y assí en todos los vocablos que tienen este *ja*, *jo*, *ju*.

Вальдес. – Что касается долгой *j*, в самом начале я вам уже сказал, что она для кастильца звучит как итальянское *gi*, т.е. она подходит в любом месте, где должна звучать, как ваше *gi*, и не подходит там, где должна звучать по-другому. Она прекрасно звучит в случаях *mejor*, *trabajo*, *jugar*, *jamás*, *naranja*, и также во всех словах, в которых есть это *ja*, *jo*, *ju* (Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 61).

Здесь же мы узнаем, что Вальдес часто вместе необходимого *j* использует в кастильском *g*, – если написанное адресовано итальянцу, в целях аккомодации к итальянскому языку для улучшения понимания (*voy siempre acomodando las palabras castellanas con las italianas, y las maneras de dezir de la una lengua con las de la otra, de manera que sin apartarme del castellano sea mejor entendido del italiano*²⁵⁸).

Оправдывают такое написание, по словам самого Вальдеса, две вещи: при таком написании любой соотечественник Вальдеса все равно его поймет, следовательно, это не мешает общению. Кроме того, такое графическое отображение слова показывает универсальность кастильского языка, который, таким образом, понятен как носителю, так и иностранцу:

Valdés. – Vos tenéis razón quando de tal manera la sacase de sus quicios o quiciales que el natural de mi lengua no me entendiese, pero, si me entiende, tanto escribiendo *megior*, como *mejor*, no me parece que es sacar de quicios mi lengua, antes adornarla con el ajena, mostrando que es tan general, que no solamente es entendida de los naturales, pero aun de los estraños.

Вальдес. – Вы правы относительно случаев, если так нарушить правила языка, что урожденный носитель моего языка меня не поймет. Но если он меня понимает, будь то *megior* или *mejor*, мне это кажется не нарушением правил кастильского, а его украшением с помощью другого языка, что говорит о его универсальности и о том, что его понимают не только носители, но и иностранцы (Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 62).

2) «Греческая *y*²⁵⁹» пишется в случаях:

1. если это союз (*Cesar y Pompeo*),
2. если обозначает согласный звук (*ya*, *yo*, *rey* и не *reí*, *ley* и не *lei*),

²⁵⁸ Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 146.

²⁵⁹ “La i griega”.

3. в глагольной форме *au* и в междометии *au* (в противоположность наречию *ai*),
4. в наречии *ou* (в противоположность глагольной форме *oi*),
5. в некоторых случаях на конце слова при обозначении гласного звука (*assy, casy, ally*).

В греческих и латинских заимствованиях, исконно имеющих *u*, Вальдес не закрепляет ее написание, чтобы не обязывать всех и каждого знать латынь и греческий и помнить, где необходимо писать греческий *u* (что противоречит реплике самого Вальдеса: одно из трех основных правил грамматики, по его мнению, – знание этимологии слова, которая предопределяет написание). Здесь же Вальдес высказывает идею о единой для всех норме написания. Однако в некоторых местах текста гуманист противоречит сам себе и противопоставляет собственный узус всему остальному.

3) «Краткая *i*»²⁶⁰ пишется во всех остальных случаях. Слова Вальдеса гласят: если выучить правила написания долгого *j* и греческой *u*, то правильно писать краткую *i* не составит труда.

Графемы *u* / *v*

Вальдес разграничивает случаи употребления графем *u* и *v*, закрепляя за первой из них гласный звук, а за второй – согласный:

Valdés. – usamos de dos maneras de *úes*, una de dos piernas y otra casi redonda, habéis de saber que de estas yo no uso indiferentemente, antes tengo esta advertencia: que nunca pongo la *u* de dos piernas sino donde la *u* es vocal; en todas las otras partes casi siempre uso de la otra, y aun también a principio de parte, pero aquí más por ornamento de la escritura que por otra necesidad ninguna (Ibid. P. 68).

На страницах «Диалога о языке» Вальдес, в общем и целом, следует этому принципу.

Еще у Небрихи, в его грамматике, присутствует противопоставление *u consonante* и *u vocal*, причем обозначение графемой *u* гласного звука выделяется

²⁶⁰ «La *i* pequeña».

как ее основное значение ([oficio] propio), согласного звука – как дополнительное (prestado), записываемое Небрихой и в виде *v* (*valle, vengo*²⁶¹).

Так, и у Небрихи, и у Вальдеса присутствуют аллографы *u* и *v*, дистрибуция которых впоследствии будет закреплена Л. Мерге и П. Рамусом (как и дистрибуция *i/ j*).

Диграфы

Интересно объяснение Вальдеса относительно написания диграфов *sallir / salir, resollar / resolver, llevar / levar*.

Вальдес предпочитает вариант с удвоенным *l*, объясняя бытование двух вариантов невнимательностью:

Valdés. – No, quanto a la sinificación, pero tengo por mejor dezir: *El mal vezino vee lo que entra y no lo que sale*, que *no lo que sale*. Assí como también me contenta más *resollar* que *resolver*. Esta variación de letras en los vocablos creo sea nacida más presto por inadvertencia de los que los hablan y escriven, variando cuándo una letra o cuándo otra, que no por industria.

Вальдес. – Нет, что касается смысла, то мне больше нравится так: *El mal vezino vee lo que entra y no lo que sale* [Не гоняйся с багром за чужим добром], чем *no lo que sale*. Таким же образом мне больше нравится *resollar*, чем *resolver*. Эти расхождения букв в словах происходят, думаю, не специально, а по невнимательности тех, кто говорит и пишет, когда они пишут то одну, то другую букву (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 81).

В случае с глаголом *llevar* Вальдес предпочитает вариант с диграфом, чтобы, в частности, избежать омонимии формы *levar* в значении *llevar* и *levantar*:

Valdés. – Yo por mejor tengo dezir *llevar*, aunque no fuesse sino porque *levar* también sinifica *levantar*.

Вальдес. – Мне больше нравится *llevar*, даже не считая того, что *levar* означает также «поднимать» (Ibid. P. 82).

В целом произношение, соответствующее диграфу *ll*, Вальдес идентифицирует с итальянским *gli* (итал. *gagliardo* и испан. *gallardo*).

В паре *llanto / planto* Вальдесу больше нравится второй вариант, вероятно, так как он ближе к латинскому этимону.

²⁶¹ Nebrija A. de. *Gramática de la lengua castellana*, 2006. P. 30.

2. Диакритики

Вальдес обращается и к графике кастильского языка, главным образом – к ее отличительным особенностям по сравнению с латинской.

К таким вопросам относятся вопросы написания диакритиков и постановки ударения. Вальдес объясняет графическое значение диакритиков седили и тильды, благодаря которым образуются два новых символа кастильского алфавита (по сравнению латинским), – *ç* и *ñ*. Кроме того, разговор касается некоторых случаев постановки апострофа и графического ударения.

Седиль

Графема *ç*, входит в число трех символов (*j*, *ç*, *ñ*), которые Вальдес включает в кастильский алфавит и которые отсутствуют в латинском.

Данная графема создается путем прибавления к символу *c* графического элемента седили (*cerilla*)²⁶², благодаря чему, продолжает Вальдес, буква *c* принимает фонетические функции графемы *z* в сочетаниях *ca*, *co*, *cu*:

Valdés. – Quanto a la cerilla, que es una señaleja que ponemos en algunos vocablos debaxo de la *c*, digo que pienso pudo ser que la *c* con la cerilla antiguamente fuessen una *z* entera. <...> Lo que importa es dezir que la cerilla se ha de poner quando, juntándose la *c* con *a*, con *o*, y con *u*, el sonido ha de ser espesso, diziendo *çapato*, *coraçón*, *açucar*.

Вальдес. – Что касается седили, этого значка, который мы добавляем внизу в букве *c*, скажу, что, возможно, буква *c* с седилю была раньше полной *z*. <...> Нужно запомнить, что седиль пишут, когда *c* присоединяется к *a*, *o*, *u*, а звук должен получиться густой, как в словах *çapato*, *coraçón*, *açucar* (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 94).

Тильда

При объяснении значения тильды²⁶³ в кастильском языке Вальдес также прибегает к сравнению с латынью. В латыни для устранения неблагозвучного сочетания удвоенных согласных *nn* или *mm*, повествует Вальдес, один из них

²⁶² Cerilla, или cedilla использовалась во времена Вальдеса для обозначения межзубного, свистящего *s* перед гласными *a*, *o*, *u*, реже – перед *e*, *i*. Лапеса отмечает, что, в противоположность графемам *c* и *ç*, символ *z* обозначал звонкий согласный (близкий к согласному в современном *juzgar*) (см. комментарий на стр. 53 к «Диалогу»: Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua*, 1964).

²⁶³ “La tilde”.

превращался в *g*:

Pacheco. – por evitar un frio sonido que al parecer hazen dos *enes* juntos, la una se convirtió en *g*, y hizose aquella manera de sonido que sentís.

Вальдес. – во избежание неблагозвучного звука, который создают две *n* рядом, одна из них превратилась в *g*, и звук стал таким, какой вы слышите (Ibid. P. 95-96).

В современном кастильском языке, поясняет Вальдес, согласный *g* не произносится, поэтому на письме отсутствует (по принципу соответствия произношения и письма). Его роль выполняет тильда, передающая назальный звук:

Valdés. – La tilde generalmente sirve en el castellano del mesmo oficio que en el latín, y particularmente, puesta sobre la *n*, vale lo que al latino y toscano la *g* quando stá cabo la *n*, y assí, donde el latino escribe *ignorancia*, el castellano *iñorancia*, y donde el toscano escribe *signor*, el castellano pone *señor*.

Вальдес. – Тильда обычно служит в кастильском тем же целям, что и в латыни. В частности, тильда над *n* обозначает то же самое, что в латинском и тосканском *g*, поставленная после *n*. Так, в латыни пишется *ignorancia*, по-кастильски – *iñorancia*, а где по-тоскански пишется *signor*, кастилец напишет *señor* (Ibid. P. 95).

Следовательно, по заключению гуманиста, тильда в кастильском языке имеет те же функции, что и в латыни.

Вальдес уравнивает функции *n* с тильдой в кастильском языке и *gn* в итальянском. Соответствующий итальянскому сочетанию *gn* звук в кастильском передается тильдой:

Valdés. – de manera que, quando bien yo quisiesse que el castellano pronunciase como vosotros el *manífico* y el *sinífico*, pornía en lugar de vuestra *g* nuestra tilde, como hago en *iñorancia*, y diría *mañífico* y *siñífico*. ¿Qué os parece desto, señor?

Вальдес. – так что если бы я хотел, чтобы по-кастильски произносилось, как ваше *manífico* и *sinífico*, то вместо вашего *g* я ставил бы тильду, как в слове *iñorancia*, и говорил бы *mañífico* и *siñífico*. Что вы на это скажете? (Ibid. P. 78).

Но при письменном общении с итальянцами Вальдес пользуется итальянской графикой и употребляет двойное сочетание *gn* (*significar* вместо кастильского *sinificar*).

Помимо этого тильда также может служить для украшения письма, как в

словах *como, muy* (“por la ornamenta de escritura”²⁶⁴).

Таким образом, тильда в современном Вальдесе кастильском языке, по его мнению, необходима и употребляется, прежде всего, в эстетических целях 1) как украшение графики и 2) для передачи назального звука.

Апостроф

Вальдес касается апострофа, который в его терминологии описывается как «завитушка перед о» (“*rasguillo delante o*”).

Этот надстрочный знак – графическая замена гласного звука²⁶⁵, служит для сохранения благозвучности и ритмики речи. Большинство случаев написания с тильдой в «Диалоге о языке» касается сочетания клитиков с последующим словом, которое начинается с гласного (*s’enmienda, d’un, l’entiende, m’entendéis, que’s* и др.).

Акцентуация

В рамках разговора о графике кастильского языка Вальдес рассматривает и постановку ударения на письме (“*señalando con una rayica el acento*”), влияющего на смысловое различие и поэтому весьма значимого, по мнению самого автора.

В качестве примера гуманист приводит омографы *duro / duró*, представляющие собой форму прилагательного и глагола соответственно:

Valdés. – En eso tanto más os engañáis vos, no haciendo diferencia entre *duro*, con el acento en la *u*, que significa, como habéis dicho, *escasso*, y así decimos: *Más da el duro que el desnudo*, y *duró* con el acento en la última, que significa *durar*. Porque veáis si hace al caso señalar los acentos (Ibid. P. 88).

3. Некоторые вопросы написания гласных

«Диалог о языке» как пособие по языку носит, прежде всего, практический характер, поэтому Вальдес часто останавливается на объяснении написания отдельных слов, представляющих трудности для его друзей-иностранцев.

²⁶⁴ Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 97.

²⁶⁵ И, фактически, – графический показатель апокопы (или реже афрезы).

В общем и целом Вальдес опирается на латинскую этимологию кастильского слова, поэтому часто прибегает к латинским этимонам или параллелям в итальянском языке.

В диалоге встречаются примеры отдельных случаев написания гласных в различных позициях в слове. В большинстве своем это кастильские дериваты латинской лексики, написание которых в XVI в. еще не устоялось и именно поэтому они и становятся предметом обсуждения.

Рассмотрим лексемы, которые в этом контексте приводит Вальдес.

1) Гласные *e* / *a*

Колебание в написании гласных *a/e* в слове характерно для кастильского языка времени Вальдеса.

Выбор одного или другого написания у Вальдеса носит спонтанный, по сути, характер, который скрывается под «стремлением к благозвучности», а также определяется правильным узусом или даже смысловыми оттенками.

В одних случаях гуманист предпочитает гласные *e*:

rencor / *rancor*,
renacuajo / *ranacuajo*,
rebaño / *rabaño*.

Он мотивирует это двумя причинами: ему так кажется благозвучнее, и, кроме того, так пишут в Кастилии те, чье письмо признано образцовым:

Marcio. – Pero dezidme por qué vos escrivís siempre *e* donde muchos ponen *a*.

Valdés. – ¿En qué vocablos?

Marcio. – En éstos: dezís *rencor* por *rancor*, *renacuajo* por *ranacuajo*, *rebaño* por *rabaño*.

Valdés. – A esso no os sabré dar otra razón sino que porque assí me suena mejor y he mirado que assí escriven en Castilla los que se precian de scrivir bien.

Марчо. – Прекрасно, там мы и сделаем. Но скажите мне, почему вы всегда пишете *e* там, где многие ставят *a*.

Вальдес. – В каких словах?

Марчо. В этих: вы говорите *rencor* вместо *rancor*, *renacuajo* вместо *ranacuajo*, *rebaño* вместо *rabaño*.

Вальдес. – На это я вам не могу дать другого объяснения кроме как потому, что так для меня лучше звучит и что я видел, что так пишут в Кастилии те, кто считаются хорошими знатоками письма (Ibid. P. 56).

В этом случае отражено доверие Вальдес одновременно к своему узусу как носителя языка и к образцовым употреблением.

В других случаях более адекватный для Вальдеса вариант с гласным *a*:

taxbique-texbique,
fraila-freila,
trasquilar-tresquilar.

И снова такой выбор оправдан привычкой и узусом тех, кто пишет внимательно и так, как должно:

Valdés. – Yo en esos vocablos y en los semejantes a ellos por mejor tengo usar la *a* que la *e*, y, si avéis mirado en ello, siempre la uso; y creo cierto, hazen lo mesmo los que scriven con cuidado.

Вальдес. – Я нахожу лучшим в этих и в подобных им словах использовать *a*, нежели *e*, и, если вы хорошенько посмотрели, я всегда ее и использую. И я уверен, что так же поступают те, кто пишет со внимательностью (Ibid. P. 60).

2) Гласные *u* /*a* (*truxo* / *traxo*)

В то время как общепризнанное написание использует в корне наследованную из латинского корня *a*, Вальдес на письме заменяет ее на *u* (и предпочитает, таким образом, устаревший вариант), что должно, по его мнению, облагородить звучание слова:

Marcio. – Bien me plaze esso. Pero ¿por qué escrivís *truxo*, escriviendo otros *traxo*?

Valdés. – Porque es, a mi ver, más suave la pronunciación, y porque assí lo pronuncio desde que nací.

Marcio. – ¿Vos no veis que viene de *traxit* latino?

Valdés. – Bien lo veo, pero yo, quando escrivo castellano no curo de mirar cómo escribe el latín.

Pacheco. – En esso tenéis razón, porque yo siempre me acuerdo oír dezir: *Fué la negra al baño y truxo que contar un año*, y no *traxo*.

Marcio. – No oso admitiros este *truxo*.

Valdés. – ¿Por qué?

Marcio. – Porque veo y siento que muchos cortesanos, caballeros y señores dizen y escriven *traxo*.

Valdés. – Por la misma razón que ellos escriven su *traxo* escrivo yo mi *truxo*; vosotros tomad el que quisiéredes.

Марчо. – Меня это вполне устраивает. Но почему вы пишете *truxo*, когда остальные

пишут *traxo*?

Вальдес. – Потому что, на мой взгляд, так произношение становится более мягким, и потому что я произношу так с тех пор, как родился.

Марчо. – Вы не видите, что оно происходит от латинского *traxit*?

Вальдес. – Прекрасно вижу, но я, когда пишу на кастильском, не утруждаюсь смотреть, как пишется в латыни.

Пачеко. – В этом вы правы, потому как я помню, что вы все время говорите: *Fue la negra al baño y truxo que contar un año*, а не *traxo*.

Марчо. – Не могу принять это ваше *truxo*.

Вальдес. – Почему?

Марчо. – Потому что я вижу, что многие придворные, благородные мужи и сеньоры говорят и пишут *traxo*.

Вальдес. – По той же причине, по какой они пишут свое *traxo*, я пишу *truxo*. Выбирайте какое угодно (Ibid. P. 55).

Вальдес в данной цитате не первый раз уже заявляет, что не ориентируется на латынь, когда пишет по-кастильски. И между друзьями происходит любопытный спор: Вальдес обращается к собственному узусу (*truxo*), Пачеко готов объяснить такое написание (следовательно, и звучание) фольклорной адаптацией, а Марчо уповает на придворный узус, который и в письме и в речи предпочитает вариант *traxo*, подкрепленный латинским происхождением слова.

Последняя реплика Вальдеса снимает степень категоричности его выбора и как будто бы соглашается с наличием других вариантов произношения и написания.

3) Гласные *e* / *i*

В следующих парах Вальдес предпочитает первый вариант перешедшему в архаичный пласт второму:

vanidad-vanedad,

envernar-inverbar,

escrevir-escribir,

aleviar-aliviar,

desfamar-disfamar, –

объясняя это своей привычкой и узусом тех, кому возможно довериться в этом вопросе. Любителей второго варианта, с гласным *e*, гуманист обвиняет в

небрежном отношении к тому, как написаны образцовые в орфографическом отношении сочинения:

Marcio. – En algunos vocablos avemos mirado que muchos de vosotros ponéis *i* donde otros ponen *e*.

Valdés. – Dezid algunos.

Marcio. – *Vanedad* o *vanidad*, *envernar* o *invernar*, *escrevir* o *escrivir*, *aleviar* o *aliviar*, *desfamar* o *disfamar* etc.

Valdés. – Si bien avéis mirado en ello, en todos éssos pongo yo siempre *i* y no *e* porque me parece mejor y porque siempre lo he usado assí y veo que los más primos en el *escrivir* hacen lo mesmo. Los que hazen el contrario, por ventura es por descuido.

Марчо. – Мы видели, что в некоторых словах многие из вас пишут *i*, в то время как другие – *e*.

Вальдес. – Назовите какие-нибудь.

Марчо. – *Vanedad* или *vanidad*, *envernar* или *invernar*, *escrevir* или *escrivir*, *aleviar* или *aliviar*, *desfamar* или *disfamar* и т. д.

Вальдес. – Если вы хорошо к этому присмотрелись, во всех этих словах я пишу *i*, но не *e*, потому что так мне кажется лучше и потому что я всегда писал именно так, и потому что вижу, что самые знатоки письма делают то же самое. Те, кто поступает наоборот, – видимо, по невнимательности (Ibid. P. 58).

В этом он расходится с Небрихой, в двуязычном словаре²⁶⁶ которого встречаются оба варианта, и где, кроме того, написания тех же лексем в испано-латинской и латино-испанской частях не всегда совпадают.

Вальдес добавляет, что в кастильском латинский префикс *in* преобразуется в начальное *en*: “y assí por *invidia* dize *embidia*, por *incendere* *encender*, por *incurvare* *encorvar*, por *inimicus* *enemigo*, por *infirmus* *enfermo*, por *inserere* *enxerir*, y assí en otros muchos²⁶⁷”.

Это еще раз доказывает наличие колебаний в написании этих слов в XV-XVI вв., имевших место вплоть до XVII в. (например, написание *i* в лексемах *lición*, *perfición*, *sigún*, *siguro*, *cerimonia*²⁶⁸). В тексте “Диалога о языке» мы встречаем написание *intelegible* (вм. *inteligible*), против которого Вальдес теоретически выступает.

²⁶⁶ A. de Nebrija, Vocabulario latino- español, 1492; Vocabulario español-latino, изданный 1495.

²⁶⁷ Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 102.

²⁶⁸ Lapesa R. Op. cit. P. 244.

4) Гласные *o* /*u* в следующих парах:

abundar-abondar,
 rufián-rofián,
 ruído-roído,
 cubrir-cobrir,
 jaula-jaola,
 tullido-tollido,
 riguroso-riguroso.

Вариант с *u* Вальдес находит правильным, так как другое написание почти никто не практикует:

Valdés. – En todos esos yo siempre scrivo la *u*, porque la tengo por mejor; creo hazen assí los más.

Вальдес. – В них всех я всегда пишу *u*, потому как по мне она лучше. Думаю, остальные делают так же (Ibid. P. 66).

Однако, например, в словаре Небрихи присутствуют оба варианта, из которых тот, казалось бы, отдает предпочтение варианту с *o* (в слове *cobrir* Вальдес во всем сочинении склонен к варианту через *o*, а не *u*, как заявляет друзьям).

Такое колебание гласных характерно для периода кастильского языка конца XV - нач. XVI в., и встречается в более поздний период (*sofrir*, *deferir*, *joventud*, *mochacho*, *cevil*)²⁶⁹.

5) Написание союза *и* (*y*)

Соединительный союз, восходящий к латинскому *et*, Вальдес передает графемами *e* или *y*. В целом, правило совпадает с современным кастильским употреблением: если последующее слово начинается с короткого *i*, обозначающая союз графема меняется на *e*:

Valdés. – Solamente pongo *e* cuando el vocablo que se sigue comienza en *i*, como en lo que vos acabáis de decir ahora: *latino e italiano*.

²⁶⁹ Ibid. P. 189.

Вальдес. – Я ставлю *e* только когда последующее слово начинается с *i*, как в только что сказанном вами: *latino e italiano* (Ibid. P. 65).

В Испании Золотого века написание сочинительного союза через графемы *i*, *u* превалирует над прежним *e*. Вальдес придерживается общей тенденции, оставляя за графемой *e* лишь фонетически обусловленную позицию, указанную выше.

6) Написание разделительного союза: *o* / *u*

Графему *u* Вальдес использует в случаях, если последующее слово начинается с гласного *o*, что совпадает с современными правилами испанского языка. Но это правило гуманист соблюдает только из-за необходимости. В остальных случаях он употребляет графему *o*.

Вальдес констатирует, что якобы многие бискайцы, а также и кастильцы, пишут этот союз, не руководствуясь никакими правилами:

Valdés. – pero habéis de notar que la mayor parte de este error nace de los vizcaínos, porque jamás aciertan cuándo han de poner la una letra o cuándo la otra; pecan también algunas veces los castellanos en el mismo pecado, pero pocas, y una de ellas es cuando la *o* es conjunción disyuntiva, poniendo *u* en lugar de la *o*, lo cual de ninguna manera me contenta; y si habéis mirado en ello, siempre escribo *o*, diciendo: *O rico o pinjado, o muerto o descalabrado*.

Вальдес. – но вы должны обратить внимание, что эта ошибка в основном происходит от бискайцев, потому как они никогда не могут суметь поставить правильно ту или иную букву. Ошибаются в этом иной раз и кастильцы, но не часто. Например, когда *o* это разделительный союз, они ставят вместо *o* *u*, которая мне совсем не нравится. И если вы присмотрелись, я всегда пишу *o*, говоря: *O rico o pinjado, o muerto o descalabrado* [Идти направо] (Ibid. P. 67).

В этой связи Вальдес разъясняет различие между графемами *u* и *v*, первую из которых он ставит только на место гласного звука (см. раздел об алфавите):

Valdés. – Bien es verdad que, cuando el vocablo que se sigue comienza en *o*, yo uso *u*, diciendo: *Esto u otro lo hará*; pero, mientras puedo excusarme de que la necesidad me fuerce a poner *u*, me excuso, porque no me suena bien; y porque usamos de dos maneras de *úes*, una de dos piernas y otra casi redonda, habéis de saber que de estas yo no uso indiferentemente, antes tengo esta advertencia: que nunca pongo la *u* de dos piernas sino donde la *u* es vocal; en todas las otras partes casi siempre uso de la otra, y aun también a principio de parte, pero aquí más por ornamento de la escritura que por otra necesidad ninguna.

Вальдес. – Правда состоит в том, что когда последующее слово начинается с *o*, то я

использую *u*, говоря: *Esto u otro lo hará*. Но лишь эта необходимость заставляет меня поставить *u*, потому что вообще-то мне не нравится ее звучание. А так как мы используем два вида *u*, одну с двумя ножками, а другую почти круглую, вам надо знать, что их я использую не по случаю, а имею на этот счет правило: ставлю *u* с ножками только, когда это гласный. Почти во всех остальных случаях я использую вторую, даже в начале слова, но скорей для украшения письма, чем по необходимости (Ibid. P. 67-68).

Если же гласный *u* предшествует в начале слова гласному *e*, то в этом слове Вальдес добавляет начальный *h*:

Valdés. – Otra cosa observo; que si el vocablo comienza en *u* vocal, y después de la *u* se sigue *e*, yo pongo una *h* antes de la *u*, y así digo *huevo*, *huerto*, *huesso*, etc. Hay algunos que ponen *g* adonde yo pongo *h*, y dicen *güevo*, *güerto*, *güesso*; a mí oféndeme el sonido y por eso tengo por mejor la *h*.

Вальдес. – Замечу еще кое-что. Если слово начинается с гласного *u*, которому следует *e*, то перед *u* я ставлю *h*, и говорю *huevo*, *huerto*, *huesso* и т. д. Некоторые там, где я ставлю *h*, употребляют *g*, и говорят *güevo*, *güerto*, *güesso*. Мне не по вкусу такой звук, и поэтому для меня лучше *h* (Ibid. P. 68).

7) Синкопа

Отдельную проблему составляют для Вальдеса синкопированные слова (*vocablos sincopados*, *entresacados*). Явление синкопы, т. е. сокращения слов, объяснено следующим образом: “Quando de en medio de algún vocablo se quita alguna letra o sílaba, dezimos que el tal vocablo stá sincopado, como, si digo puson por pusieron, diré que aquel puson stá sincopado” .

Под синкопой гуманист объединяет все виды сокращений, независимо от их характера. В речи он употребляет два глагола *sincoramos*, *cortamos* в одном ряду.

Вальдес говорит о двух случаях использования синкопы в кастильском языке, допустимом и недопустимом:

1. сокращение, элиминирующее неблагозвучность:

Valdés. – dezimos: Allá van leyes do quieren reyes, y también: *Do quiera que vayas, de los tuyos ayas* <...> dezimos también *hi por hijo*, *diziendo hi de vezino por hijo de vezino*, *hi de puta, por hijo de puta*, y *hidalgo por hijo dalgo*.

Вальдес. – мы говорим: *Allá van leyes do quieren reyes* [Один закон для богатых, другой для бедных], а также: *Do quiera que vayas, de los tuyos ayas* [Не имей сто рублей, а имей сто друзей] <...> Кроме того, мы говорим *hi* вместо *hijo*, говоря *hi de vezino* вместо *hijo de vezino*, *hi de puta* вместо *hijo de puta*, *hidalgo* вместо *hijo dalgo* (Ibid. P. 68).

2. синкопа в просторечии. Она осуждается теми, кто пишет и говорит пристойно, т. к. такие люди произносят и пишут слова полностью, за исключением случаев, когда положенные слову гласные создают неблагозвучность. Это вполне согласуется с принципом Вальдеса употреблять слова в наиболее полной форме, которая раскрывает богатство и полноту кастильского языка.

Отдельно упоминаются сокращения глаголов, имен (существительных и прилагательных) и предлогов:

1. Синкопа в глаголе.

Как часто встречающиеся отмечены Вальдесом следующие случаи:

haz mal y quarte вм. *guárdate*;

diz que вм. *dize que*;

traxon, dixon, hizon вм. *traxeron, dixerón, hizieron*. Такие синкопированные формы третьего лица глаголов на -он встречались во времена Вальдеса довольно часто в диалектальных зонах Леона и Арагона ;

deshar вм. *deshazer* (только в поэзии);

yo so вм. *yo soy*: дозвоительно в поэзии, но не в прозе. Это свидетельствует, что во времена Вальдеса этимологическая форма *so* уже была характерна лишь для диалектов и поэтических текстов (что касается и форм *vo, do* вм. *voy, doy*).

2. Синкопа в существительных:

en cas del вм. *en casa del*;

honor вм. *honra*.

3. Синкопа в предлогах:

de вм. *desde* (в прозе и поэзии).

4. Синкопа в прилагательных:

Humil вм. *humilde* – допустимо в поэзии, но не в прозе.

Таким образом, сокращение (синкопа), по Вальдесу, характерна как для разговорного языка, так и для поэзии и прозы, и является неотъемлемым явлением языковой практики.

8) Зияние

Вальдес старается избегать (как в речи, так и в письме) зияния, т.е. сочетания нескольких гласных, неблагозвучного по его мнению. Этот вопрос он решает путем перенесения фонетической синкопы на графику, т.е. графического

соединения слов в одно, заимствуя принцип из греческого и итальянского:

Valdés. – huyendo yo cuanto me es posible de la conjunción de muchas vocales, quando la necesidad forzosamente las trae, procuro ensolverlas, y así escribo de esta manera: *En achaque de trama stâca nuestrâma*, donde, poniendo todas las vocales, había de escribir *está acá y nuestra ama*, y de la misma manera: *Ninguno no diga: destâgua no beberé*, por *de esta agua*.

Coriolano. – Eso habéis vos tomado del griego, y aun del italiano.

Valdés. – La pronunciación ni la he tomado del uno ni del otro; la escritura sí; pero ¿no os parece a vos que es prudencia saberse hombre aprovechar de lo que oye, ve y estudia, siendo aquél el verdadero fruto del trabajo?

Вальдес. – стараясь избежать, когда это возможно, скопления нескольких гласных, если по необходимости приходится их сочетать, я их сокращаю, т. е. пишу так: *En achaque de trama stâca nuestrâma*, где, записывая все гласные, надо было бы сказать *está acá* и *nuestra ama*. И так же: *Ninguno no diga: destâgua no beberé* [Никогда не говори никогда] вместо *de esta agua*.

Кориолан. – Это вы позаимствовали из греческого, и даже из итальянского.

Вальдес. – Произношение я не заимствовал ни у того, ни у другого. Написание – да. Но неужели вам не кажется благоразумным умение человека использовать услышанное, увиденное и выученное, если таковое является плодом деятельных раздумий? (Ibid. P. 68-69).

Также Вальдес упоминает о выпадении гласного в артиклях (случая *de el, a el*).

Показателен факт, что Вальдес считает приемлемым заимствование графических средств языка (что относится к более традиционному в языке), но не «живую» фонетику, своеобразную в каждом из языков.

Однако сам гуманист не всегда последователен в соблюдении высказанного принципа: случай написания *ad aquel* с интервокальным *d* Вальдес комментирует следующим образом. Такое латинизированное написание с протетическим *d* характерно только для арагонцев, желающих не потерять в благозвучии, но при этом прибавляющих языку чуждую ему сущность и в благозвучии, между тем, нисколько не выигрывающих:

Valdés. – Esso hazen solamente algunos aragoneses, lo qual, según parece, hazen por huir el mal sonido que causan dos *aes* juntas, pero, a mi ver, por huir de un inconveniente caen en dos: el uno es que dan a la lengua lo que no es suyo, y el otro, que no alcançan lo que pretenden, que es adobar el mal sonido, porque si bien lo consideráis, peor suena dezir *ad aquel* que *a aquel*.

Вальдес. – Так поступают только некоторые арагонцы, и делают они это, видимо, чтобы избежать плохого звучания, которое составляют две *a* рядом. Но, на мой взгляд, исправляя одну ошибку, они совершают две: первая заключается в том, что они привносят в язык что-то ему чуждое, а вторая – в том, что им не удастся добиться желаемого, а именно обойти плохое звучание, потому что, если вы внимательно приглядитесь, *ad aquel* звучит еще хуже, чем *a aquel* (Ibid. P. 72).

Таким образом, то, что Вальдес избегает зияния на графике вслед за свойственным живой речи синкопированием гласных в потоке речи, – это еще одно доказательство его тяготения к фонетическому принципу орфографии.

Из рассмотренных случаев написания гласных становится очевидным, что в языковом сознании Вальдеса еще не совсем четко сложилась система орфографических правил, что отражает действительную ситуацию бытования кастильского языка в XVI в., но говорит о главенствующей роли фонетического принципа орфографии, которому в целом Вальдес и следует.

9) Протеза

Вальдес не использует термина «протеза», но касается самой сути явления. В фокус внимания гуманиста попадают два протетических гласных, *a* и *e* (а также согласный *n*).

Х. де Вальдес выделяет две функции протезы: «эстетическую» и смыслоразличительную.

1. Эстетическая функция протезы

Гласный *a*:

Протетический *a* появляется в слове, если предшествующее слово оканчивается на согласный, либо в начале синтагмы:

Valdés. – Si habéis bien mirado en ello, hallaréis que pongo *a* cuando el vocablo que precede acaba en consonante, y no la pongo cuando acaba en vocal; y así escribiendo este refrán, pongo: *Haz lo que tu amo te manda, y siéntate con él a la mesa* y no *y asiéntate*; como también en este: *El abad de donde canta, de allí yanta*, y no *de adonde*; pero, si no precede vocal, veréis que siempre pongo la *a*, como aquí: *¿Adónde irá el buey que no are?*, y aquí: *Allégate a los buenos y serás uno dellos*.

Вальдес. – Если вы хорошенько на это посмотрели, то увидите, что я ставлю *a*, когда предыдущее слово заканчивается на согласный, и не ставлю ее, когда то слово

оканчивается на гласный. Так, в этой пословице я пишу: *Haz lo que tu amo te manda, y siéntate con él a la mesa*, а не *y asiéntate*, и так же в этой: *El abad de donde canta, de allí yanta* [Как потопаешь, так и полопаешь], но не *de adonde*. Но если предшествующая ей буква не гласная, то, как вы видите, я всегда ставлю *a*, как здесь: *¿Adónde irá el buey que no are?* [Куда бедному крестьянину податься], и здесь: *Allégate a los buenos y serás uno dellos* [С хорошим поведешься, хорошего наймешься] (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 54).

При следовании этому правилу Вальдес руководствуется желанием приукрасить и облагородить родной язык (речь) и как будто бы не требует ото всех беспрекословного исполнения этого правила:

Valdés. – no os digo yo lo que otros hazen, sino lo que yo procuro guardar, desseando ilustrar y adornar mi lengua; el que no quisiere tomar este trabajo, déxelo estar, que no por eso se irá al infierno.

Вальдес. – я не говорю о том, как делают другие, а о том, чему я стараюсь следовать в стремлении приукрасить и обогатить свой язык. А кто не захочет брать на себя такой труд – оставьте его, это не причина посылать его в преисподнюю (Ibid.).

Вальдес, однако, плохо отзывается о тех стихотворцах, которые добавляют протезу в стихотворном тексте, укоряя их за то, что они используют ”а” только из-за нужд стихотворного размера:

Marcio. – A mi, tanto, no me suena bien una a que algunos de vosotros ponéis en ciertas partes, como será diziendo *atan bueno*, y, como dize vuestro Cancionero general: *O qué dichos atan vanos*. Yo no sé cómo os suena a vos esto; sé que nunca os lo veo usar.

Valdés. – Pues esso os deve bastar por respuesta; y sabed que aquella *a* es supérflua y que en las coplas la ponen por henchir el verso los ruines trovadores.

Марчо. – Что до меня, мне не нравится, как звучит иной раз *a*, которую некоторые из вас вставляют в определенных случаях, как, например, *atan bueno*, и как говорится в вашем Cancionero general: *O qué dichos atan vanos*. Не знаю, как вам такое звучание, знаю только, что никогда не встречал, чтобы вы его употребляли.

Вальдес. – Это должно служить вам ответом. И да будет вам известно, что эта *a* излишня и что в коплах ее вставляют для полноты стиха недалекие трубадуры (Ibid. P. 55).

В этом можно заметить некоторое противоречие между высказанным Вальдесом правилом в теории и на практике.

Гласный e:

Гуманист признает необходимость и факт протезы в кастильских словах

латинского происхождения, начинающихся с согласного s-. Это касается как имен, так и глаголов (*esgremidores /sgremidores, Scalona / Escalona, scarmentados / escarmentados, escabullir / escabullir, esperezar / esperezar, star / estar*).

Что касается эстетической функции протетического *e*-, то Вальдес относит себя к середине между крайностями: опущением этого гласного в словах, где в латыни он отсутствует, и постановкой его во всех случаях, часто без надобности:

Marcio. — ¿Por qué en los vocablos que comienzan en s, unas veces ponéis *e* y otras no?, ¿lo hacéis por descuido o por observancia?

Valdés. — Antes ésta es una de las cosas principales en que miro cuando escribo, porque ni apruebo por bueno lo que hacen los que, quiriendo conformar la lengua castellana con la latina, en los semejantes vocablos quitan siempre la *e* donde la latina no la pone, ni tampoco lo que hacen los que siempre la ponen, porque tengo por mejor, para conservar la gentileza de mi lengua, hazer desta manera, que si el vocablo que precede acaba en *e*, no la pongo en el que se sigue; y assí digo: *casa de sgremidores*, y no *de esgremidores*, y *el socorro de Scalona*, y no *de Escalona*; y si el vocablo precedente no acaba en *e*, póngola en el que se sigue, y assí digo: *De los escarmentados se levantan los arteros*.

Марчо. — Почему в словах, начинающихся с s, иной раз вы пишете *e*, а иной — нет? Вы это делаете по невнимательности или умышленно?

Вальдес. — Это как раз одна из главных вещей, на которые я обращаю внимание при письме, так как я не держу за истину ни то, что одни при письме стремятся уподобить кастильский язык латыни и в похожих словах пропускают *e*, где в латыни ее нет, ни то, что другие ставят ее всегда. Потому что я нахожу лучшим, для сохранения мягкости моего языка, поступать так, что если предыдущее слово заканчивается на *e*, я не ставлю ее в последующем, и говорю: *casa de sgremidores*, но не *de esgremidores*, и *el socorro de Scalona*, но не *de Escalona*. А если предыдущее слово заканчивается не на *e*, я ставлю ее в последующем, и говорю: *De los escarmentados se levantan los arteros* (Ibid. P. 56-57).

Таким образом, Вальдес хотя и считается с латинской орфографией, но рассматривает проблему, прежде всего, с точки зрения кастильского языка, и его современной (для Вальдеса) орфографии.

2. Смыслоразличительная функция протезы

Протетический гласный *e* также, по Вальдесу, в некоторых случаях несет на себе функцию смыслоразличения. Это относится к написанию местоимений и глагольных форм *estar*.

Наличие начального *e* в этом случае указывает на принадлежность единицы к указательным местоимениям *esta, este, etso*, где ударение падает собственно на

этот гласный. Отсутствие *e* является для Вальдеса²⁷⁰ показателем глагола, где ударение падает на последний слог, а буква *e* если даже и пишется, почти не произносится (*stá*):

Marcio. – Pero ¿a qué propósito ponéis unas vezes en *esta*, *este*, *esto*, *e* al principio, y otras no, aunque el vocablo precedente no acabe en *e*?

Valdés. – Yo os diré; porque, como sabéis, unas vezes *esta*, *este* y *esto* son verbos y tienen una sinificación, y otras vezes son pronombres demonstrativos y tienen otra sinificación; hame parecido, por no hazer tropeçar al letor, poner la *e* quando son pronombres, porque el acento stá en ella, y quitarla quando son verbos, porque, stando el acento en la última, si miráis en ello, la primera *e* casi no se pronuncia, aunque se escriba.

Coriolano. – Mostradnos esso por algunos exemplos.

Valdés. – Soy contento. Si tengo de scribir: *En salvo stá el que repica* o: *Quien bien stá, no se mude*, no scrivo *está*, pero, si tengo de scribir: *Si tras éste que ando mato, tres me faltan para quatro* o: *Si desta escapo y no muero, nunca más bodas al cielo*, no scrivo *ste* ni *sta*.

Марчо. – Но зачем вы в *esta*, *este*, *esto* в некоторых случаях ставите в начале *e*, а в других – нет, несмотря на то, что предыдущее слово не заканчивается на *e*?

Вальдес. – Я вам скажу. Потом что, как вы знаете, в некоторых случаях *esta*, *este* и *esto* – глаголы и у них одно значение, а в других – указательные местоимения и у них другое значение. Мне пришло в голову (чтобы не запутывать читателя) ставить *e*, когда это местоимение, потому что ударение падает на нее, и пропускать ее, когда это глагол, потому что когда ударение стоит на последней *a*, если вы хорошо приглядитесь, то первая *e* почти не произносится, хотя и пишется.

Кориолан. – Покажите это нам на каких-нибудь примерах.

Вальдес. – Хорошо. Если мне надо написать: *En salvo stá el que repica* или *Quien bien stá, no se mude*, я не пишу *está*, но если мне надо написать: *Si tras éste que ando mato, tres me faltan para quatro* или *Si desta escapo y no muero, nunca más bodas al cielo*, я не пишу ни *ste*, ни *sta* (Ibid. P. 57).

Кроме того, о весьма своеобразном понимании гуманистом орфографии говорит случай с парой *aspirar* / *esperar*, где для Вальдеса написание через *a* соответствует большей уверенности в желаемом, подобно глаголу *aspettar* в итальянской паре *aspettar-sperar*:

Valdés. – y assí digo: *aspero que se haga hora de comer*, y digo: *espero que este año no avrá guerra*.

Вальдес. – я говорю так: *aspero que se haga hora de comer*, и говорю *espero que este año no avrá guerra* (Ibid. P. 86).

²⁷⁰ Так же, как и наличие графического ударения: ср. случай с *duro* / *duró*.

Подобное различие, говорит Вальдес, делают не многие как в итальянском, так и в кастильском языках.

Такая несистемность говорит об отсутствии сформировавшейся у Вальдеса четкой орфографической системы, однако указывает на то, что гуманист ориентируется на латинскую этимологию слова в соединении с фонетическим принципом записи речи.

4. Некоторые вопросы написания согласных

Общей тенденцией написания спорных случаев согласных в слове (равно как и гласных) является для Вальдеса опора на латинскую этимологию, однако с тяготением к более «молодому» варианту, бытующему в живом языке.

Ценность живого языка и живого узуса перевешивает и находит отражение в орфографическом выборе гуманиста в следующих случаях (где прослеживается **фонетический принцип написания**):

1) Начальный *f* / *h* в словах латинского происхождения

На замену латинского начального *f* графическим *h*, по мнению Вальдеса, повлиял арабский адстрат: сначала произношение свелось к нулю звука, а вследствие этого, что вполне логично, изменилось и графическое отображение, придя в соответствие с произношением. Начальный *f* пишут лишь подражатели латыни:

Valdés. – que de la pronunciación árábica le viene a la castellana el convertir la *f* latina en *h*, de manera que, pues la pronunciación es con *h*, yo no sé por qué ha de ser la escritura con *f*, siendo fuera de propósito que en una lengua vulgar se pronuncie de una manera y escriba de otra. Yo siempre he visto que usan la *h* los que se precian de *scrivir* el castellano pura y castamente²⁷¹; los que ponen la *f* son los que, no siendo muy latinos, van trabajando de parecerlo. <...> Y en esos mucho mejor quiero guardar mi regla de *scrivir* como pronuncio.

Pacheco. – No sé yo si osaríades vos dezir esso en la cancellellería de Valladolid.

Вальдес. – что от арабского произношения в кастильский пришла привычка заменять латинский *f* на *h*, а именно: если произносится с *h*, я не понимаю, почему написание должно быть с *f*, так как совершенно нет смысла, если в народном языке что-то

²⁷¹ В манускриптах в данном слове имеется пропуск (cast_____). Л. Усос и Рио в изд. 1860 г. предлагает вариант *castellanamente*. – См. примечание 461 ук. издания.

произносится одним образом, а пишется другим. Я видел, что написание с *h* используют те, кто считаются знатоками правильного и подобающего письма на кастильском. А те, кто пишет *f*, – будучи не такими уж латинянами, стараются быть похожими на таковых. <...> И в этих словах я с большим удовольствием придерживусь своего правила говорить, как произношу.

Пачеко. – Не знаю, что бы было, скажи вы это в канцелярии Вальядолида (Ibid. P. 73-74).

Во времена Вальдеса написание начального *f* входило в общее число правил и формул написания официальных документов, часто тяготеющих к архаичному языку. В разговорной же речи начальный *f* произносился как предыхательный *h* в Толедо, а в Кастилии-ла-Вьеха уже окончательно онемел в XV в.²⁷².

В этой связи вопрос Пачеко вполне закономерен, так как Вальдес по долгу службы²⁷³ часто, казалось бы, должен быть более привычным к «деловому стилю», использовавшему написание с начальным *f* и, следовательно, придерживаться такого написания.

2) Начальный и интервокальный *h*

Вальдес отмечает, что многие пишут этот согласный, там, где не требуется, и пропускают в местах, где он полагается. Касательно написания *h* Вальдес отмечает следующее:

1. подражатели латинянам употребляют начальный *h* на латинский манер: *hera*, *havía*, *han*. К этому «типу» *h*, таким образом, относятся слова латинского происхождения, в которых в XVI в. согласный уже не произносится, но сохраняется в орфографии.

Вальдес не использует *h* в этих случаях, так как его не произносит. Исключение составляет разграничение формы глагола *ha*, *he* от предлога *a* и союза *e* соответственно. В таком случае наличие начального согласного носит смысловозначительную функцию и помогает уберечь слушателя (читателя) от неправильного понимания:

²⁷² См. комментарий: Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua*, 1964. P. 70.

²⁷³ С юных лет Х. де Вальдес был вхож в придворные круги, прислуживал у маркиза Вильены дона Пачеко в Эскалоне, а позднее работал архивариусом в Неаполе, секретарем императора, камергером Папы.

Valdés. – Por hazer diferencia de quando es verbo a quando es preposición, y assí, siempre que es verbo la escribo con *h*, y digo: *Quien ha buen vezino, ha buen maitino*, y también: *Quien asnos ha perdido, cencerros se le antojan*, y quando es preposición escrivola sin *h*, diziendo: *A buen callar llaman sancho*, y también: *A carne de lobo, salsa de perro*, y: *A perro viejo no cuzcuz*. Pero muy mejor veréis la diferencia que ay en el escrivir *a* sin *h* o con ella en este refrán: *Quien lengua ha, a Roma va*; y para que veáis mejor lo que importa escrivir *a* con aspiración o sin ella, mirad este refrán que dize: *Quien no aventura no gana*, el qual algunos no entienden por hallar escrita la primera *a* del *aventura* con aspiración, porque piensan ser razón que quiere dezir: quien no tiene ventura no gana, en lo qual ya vosotros véis el engaño que reciben.

Вальдес. – Чтобы обозначить разницу, когда это глагол и когда предлог. Так, всегда когда это глагол, я пишу эту форму с *h*, и говорю: *Quien ha buen vezino, ha buen maitino* [Не надобен и ржи сусек, коль есть добрый сосед], а также: *Quien asnos ha perdido, cencerros se le antojan* [Кто про что, а вшивый про баню], а когда это предлог, пишу без *h*, говоря: *A buen callar llaman sancho* [Молчание – золото], а также *A carne de lobo, salsa de perro* [Клин клином вышибают], у: *A perro viejo no cuzcuz* [На мякине не проведешь]. Но намного лучше вы увидите разницу в написании *a* с *h* или без нее в этой пословице: *Quien lengua ha, a Roma va* [Язык до Киева доведет]. И чтобы вы еще лучше увидели, как важно написание *a* с придыханием или без него, посмотрите на эту пословицу: *Quien no aventura no gana* [Кто не рискует, тот не пьет шампанское], которую некоторые не понимают, находя перед первой *a* в слове *aventura* придыхание, и думают, что правильный смысл таков: *quien no tiene ventura no gana*, в чем, вы видите, они заблуждаются (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 53).

Того же правила следует придерживаться и в случае с формой *he/ e*.

2. добавлять неэтимологический *h* при сочетании двойного гласного *e* – прихоть арагонцев: *leher, veher*, а кастильский язык этого не приемлет.

3. многие опускают на письме *h* там, где ему пристало быть, и пишут *ostigar, inojos, uérfano, uésped, ueste* вместо *hostigar, hinojos, uhuérfano, huesped, hueste*. Здесь Вальдес имеет в виду этимологический *h* (вышедший из латинского *f*), который замолкнул в речи Кастилии, но сохранился в толедской норме, приверженцем которой выступает сам гуманист.

Поэтому, защищая придыхательный *h* в начале слова, Вальдес обвиняет противников: они неправы вдвойне, опуская *h* на письме: во-первых, отнимают у слова полагающуюся ему букву, а во-вторых, едва ли могут произнести слово сами согласно тому, что хотят (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 79.).

4. часты случаи написания *g* начального вместо *h*: *güerta, güessa, güevo* вместо *huerta, huessa, huevo* (Ibid. P. 80). Вальдес лично не приемлет сочетания *gu* из-за его фонетической неблагозвучности.

5. Вальдес обращает внимание на наличие-отсутствие *h* в заимствованиях.

В латинских корнях почти всегда начальный *h* является наследием согласного *f*: *hierro*, *hava* вместо *ferrum*, *fava*, как в следующих пословицах: *A fuerça de villano, hierro en medio u Da Dios havas a quien no tiene quixadas* (Ibid.) Также пишется на месте латинского *g*: *hermano* вместо *germano*: *Medio hermano, remiendo de mal paño* (Ibid.).

В греческих же словах (*error*) *h* не пишется, что обусловлено другим характером звука и соответствующим наличием греческого *y*: *Quien yerra u s'enmienda, a Dios se encomienda* (Ibid.).

3) Написание латинского *cien* / *cient*

После долгих раздумий Вальдес выбирает более короткий вариант, который совпадает с общей тенденцией в языке:

Valdés. – Muchas vezes he estado en dubda cuál tomaría por mejor, y al fin heme determinado en escribir sin *t*, y dezir: *Un padre para cien hijos, y no cien hijos para un padre*.

Вальдес. – Я неоднократно мучился сомнением, какое лучше, и, в конце концов, выбрал вариант написания с *t*: *Un padre para cien hijos, y no cien hijos para un padre* [Мать кормит детей — сохнет, а они по ней и не охнут.] (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 87).

Случай с *cien/cient*, а также колебания *mil/mill*, *san/sant* были еще распространены в первой половине XVI в.²⁷⁴.

4) Чередование согласных *g*, *j*, *x* / *s*

В парах *quige-quigera* / *quise-quisiera*, *vigitar* / *visitar*, *rígase* / *ríyase* оба варианта встречаются в придворном узусе, утверждают собеседники. Вальдес предпочитает вариант с согласным *s* (т.е. более «молодой» вариант), приписывая его образованным людям, выросшим в королевстве Толедо:

Valdés. – Yo por muy mejor tengo la *s* y creo que la *g* no la avéis oído usar a muchas

²⁷⁴ Lapesa R. Op. cit. P. 244.

personas discretas, nacidas y criadas en el reino de Toledo o en la corte, si ya no fuesse por descuido.

Вальдес. – Для меня намного лучше *s*, и я полагаю, что написание *g* вы встречали не у многих образованных людей, рожденных и выросших в королевстве Толедо или при дворе, если только это было не по невнимательности (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 77).

В первой половине XVI в. в Испании было распространено смешение переднеязычных *g*, *j*, *x* с согласным *s*. Например, А. де Небриха в своей «Орфографии» 1517 г. отмечает существующую путаницу в написании местоимения *ge* в дательном падеже: “Otras vezes escrevimos *s* y pronunciamos *g*; y por el contrario, escrevimos *g* y pronunciamos *s*, como *io gelo dixе*, por *se lo dixе*”²⁷⁵.

Случай с написанием *rígase* / *ríyase* Вальдес никак не может объяснить, кроме как на примере поговорки:

Valdés. – la *g* yo no sé por qué se ha enxerido allí. Siempre diré: *Ande yo caliente y ríyase la gente*.

Вальдес. – я не знаю, откуда здесь появилось *g*. Я всегда скажу: *Ande yo caliente y ríyase la gente* [Оставаться себе на уме] (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 785).

В парах *cascar* / *сахсар*, *cáscara* / *сáхсара*, *cascavel* / *сахсавел*, *ensalmo* / *енхалмо*, *sastre* / *хастре*, *sárcia* / *харсия*, *siringa* / *хиринга*, *tasbique* / *тахбикве* Вальдес употребляет *s* в словах латинского происхождения (*sastre*, *ensalmar*, *siringa*). В арабских, по его мнению, словах – *x* (*сахсавел*, *сáхсара*, *тахбикве*), так как этот звук характерен для арабского языка²⁷⁶.

В латинских *excelencia*, *experiencia* Вальдес заменяет латинский *x* на органичный для кастильского *s*, руководствуясь своим произношением.

5) Написание *esfera* / *esphera* / *espera*

Вальдес следует не греческому написанию лексемы, а собственному произношению, отображая его соответствующей графемой *f*:

Valdés. – yo escrívolo con *f* por conformar mi escritura con la pronunciación.

²⁷⁵ А. де Небриха, *Ortografia*, cap. VII, ed. González Llubera, p 253. – Цит. по: Lapesa R. Op. cit. P. 244.

²⁷⁶ В словаре А. Небрихи в этих случаях – варианты с *s*.

Вальдес. – я пишу его с *f*, чтобы мое письмо соответствовало моему произношению (Ibid. P. 85).

Это правило написания Вальдес применяет ко всем греческим заимствованиям.

Второй и третий варианты встречаются у Небрихи.

6) Написание интервокального s / z (hazer / haser, razón / rasón, resio / rezio)

Вальдес объясняет замену некоторыми испанцами придыхательного z на s особенностями их местного языка:

Valdés. – Esse es vicio particular de las lenguas de los tales, que no les sirven para aquella asperilla pronunciación de la z y ponen en su lugar la s y por hazer dicen haser, y por *razón*, *rasón*, y por *rezio*, *resio*, etc.

Вальдес. – Это недостаток языка, у них не произносится резкий z, и поэтому на его месте они ставят s, и вместо hazer говорят haser, а вместо *razón* – *rasón*, а вместо *rezio* – *resio* и т. д. (Ibid. P. 92-93).

7) Написание сонорных на конце слова (árvor / árvol)

Вариант с сонорным r Вальдес называет более латинским, но предпочитает ему второй вариант:

Valdés. – Aunque *árvor* es más latino, tengo por mejor dezir *árvol*.

Вальдес. – Хотя *árvor* более латинское, я предпочитаю *árvol* (Ibid. P. 81).

Но возможно также выделить случаи написания, в которых Вальдес предпочитает устаревший, латинский, или устаревающий, вариант написания, либо колеблется, используя оба дублета. Другими словами, случаи, где **этимологический принцип написания** может поспорить с фонетическим:

1) c / g в корне слова (rescate / resgate)

Возникновение этого вопроса о выборе того или другого варианта написания свидетельствует о наличии во времена Вальдеса обоих дублетов. Гуманист отдает предпочтение варианту с незвонченным c, т. е. более

латинизированному:

Mario. – Stá bien. Dezídme ahora si *resgate* y *rescate* es todo uno.

Valdés. – Todo, y el propio es *rescate*.

Марчо. – Хорошо. Скажите мне теперь, одно ли и то же *resgate* и *rescate*.

Вальдес. – Да. Но правильное – *rescate* (Ibid.).

Явление озвончения согласного Вальдес относит именно к феномену кастильского (народного) языка, приводя также пример с озвончением *c* в *g* в итальянском заимствовании *sgombrar* (в кастильском варианте – *escombrar*).

В словаре Небрихи присутствуют оба варианта написания.

2) Написание латинского сочетания *bd*

В перечисленных словах *cobdiciar*, *cobdo*, *dubda*, *súbdito* Вальдес пишет латинский *b*, в то время как остальные его опускают, – объясняя это своей привычкой произносить и писать именно так:

Valdés. – Porque a mi ver los vocablos están más llenos y mejores con la *b* que sin ella, y porque toda mi vida los he escrito y pronunciado con *b*.

Вальдес. – Потому что, на мой взгляд, слова звучат полнее и благороднее с *b*, нежели без нее, и потому что всю свою жизнь я писал и произносил их с *b* (Ibid. P. 69).

Что касается *cobdiciar*, *cobdo* и *dubda*, то вариант написания с согласным *d* был уже архаизмом во времена Вальдеса. А в случае с *súbdito* книжное слово, при постоянном его использовании, изменило свое произношение²⁷⁷.

Таким образом, это действительно прихоть Вальдеса сохранять написания с *d*. Интересно сравнить, например, со случаем *significar*, где, при обычном написании упрощенного варианта, Вальдес использует сочетание *gn* при общении с итальянцами, для упрощения коммуникации (см. соответствующий пункт).

²⁷⁷ См. комментарий к «Диалогу»: Valdés, Juan de. *Diálogo de la lengua*, 1964. P. 68.

3) Написание *querido* /*quesido*

Вальдес придерживается написания с *г*, мотивируя это инфинитивной формой глагола: *querer*.

4) Протетический согласный *n* (*invierno* / *ivierno*, *lenxos* / *lexos*)

Вальдес находит написание этого согласного в перечисленных словах излишним и объясняет только неосторожностью и неосмотрительностью говорящих.

Таким образом, в этом вопросе Вальдес следует этимологическому принципу написания и опирается на латинские этимоны.

5) Написание интервокального *ss* / *s*

В то время как остальные придерживаются написания с одним согласным, Вальдес удваивает *s*, в следующих случаях:

1. в суперлативе: *boníssimo*, *prudéntíssimo*²⁷⁸,
2. в существительных на *-essa*: *huessa*, *condessa*, *abadessa*,
3. в существительных и глаголах на *-esse*: *interesse*, *hiziesse*, *truxesse*, *llevasse*,
4. в существительных и глаголах на *-esso*: *huesso*, *professo*, *traviesso*.

6) Написание латинских *mp* / *np*, *mb* / *nb*

С одной стороны, Вальдес знает о латинском написании с согласным *m*, но с другой – произносит *n*, поэтому на письме использует оба варианта по очереди, чтобы «угодить» и тому, и другому. Иными словами, мы не видим четкого правила, которым бы Вальдес руководствовался, несмотря на то, что более часто он употребляет *m*:

Valdés. – Bien sé que el latín quiere la *m*, y que a la verdad parece que stá bien, pero, como no pronuncio sino *n*, huelgo ser descuidado en esto, y assí, por cumplir con la una parte y con la otra, unas vezes escribo *m*, y otras *n*, y assí tanto me da escribir: *Duro es el alcacer para çampoñas*, como *para çampoñas*, y de la mesma manera escribo: *A pan de quinze dias*,

²⁷⁸ Окончание *-ísimo* в превосходной степени укрепляется на протяжении XVI века. – Lapesa R. Op. cit. P. 253.

hanbre de tres semanas, como hambre.

Marcio. – Pero todavía ternéis por mejor la *m* que la *n*.

Valdés. – Assí es verdad.

Вальдес. – Я прекрасно знаю, что латинский язык любит букву *m*, и это кажется вполне нормальным, но так как я произношу *n*, то не могу оставить этот вопрос без внимания: чтобы не обидеть ни одну, ни другую, я в одних случаях пишу *m*, а в других *n*, так, я пишу: *Duro es el alcacer para çатроñас* [Всему свое время], наравне с *para çанроñас*, а также: *A pan de quinze dias, hanbre de tres semanas* [Хорош и лунный свет, как солнца на небе нет] наравне с *hambre*.

Марчо. – Но раньше вы предпочитали скорей *m*, чем *n*.

Вальдес. – Верно (Ibid. P. 83-84).

7) Написание латинских *cu* / *qu* в начале слова

Вальдес определяет выбор графемы характером звука: *q* соответствует более отрывистому согласному (например, в числительных: *quatro, quarenta*, местоимениях: *qual*), *c* обозначает более мягкий (*cuchara, cuero*):

Valdés. – Soy contento, y os digo que en esto no tengo regla ninguna que daros, salvo que, pareciéndome que conviene así, a todos los nombres que significan número, como *quatro, quarenta*, pongo *q*, y también a los pronombres, como *qual*; y de verdad son muy pocos los que me parece se deben escribir con *c*; pero todavía hay algunos, como *cuchara*, que decimos: *Dure lo que durare, como cuchara de pan*, y como *cuero*, que también decimos: *Bolsa sin dinero, dígole cuero*. Y si uno, siendo natural de la lengua, quisiere con diligencia mirar en ello, la misma pronunciación le enseñará cómo ha de escribir el vocablo, porque verá que los que se han de escribir con *q*, tienen la pronunciación más hueca que los que se han de escribir con *c*, los cuales la tienen mucho más blanda; sé que más vehemencia pongo yo cuando digo quaresma, que no cuando cuello.

Вальдес. – Прекрасно, но насчет этого я не могу дать вам никакого правила, мне всего лишь кажется, что больше всего подходит, когда в именах, обозначающих число, таких как *quatro, quarenta*, я пишу *q*, а также в местоимениях, например *qual*. И вообще-то тех, которые, по моему мнению, надо писать через *c*, не много, но все-таки есть, например, *cuchara*, и мы говорим: *Dure lo que durare, como cuchara de pan* [Бери, пока дают]. А также *cuero*: *Bolsa sin dinero, dígole cuero* [Кошелек без денег – кусок кожи]. И если кто-нибудь, будучи носителем языка, захочет внимательно к этому присмотреться, само произношение ему укажет, как надо писать слово, потому что те, кто напишет через *q*, произносят более отрывисто, чем те, кто пишет *c* (и произносит ее более мягко). Я понимаю, что я произношу более сильно слово *quaresma*, чем слово *cuello* (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 70).

В данном вопросе особо важно языковое чувство носителя, которое подскажет необходимый вариант: произношение предопределяет написание,

говорит Вальдес (еще раз озвучивается принцип «пишу, как говорю»).

В предпочтении варианта с графемой *q* Вальдес противопоставляется Небрихе, в словаре которого, по замечанию друзей, преобладает *c*. Такое несовпадение во взглядах Вальдес не комментирует особым образом, а priori отказывая А. де Небрихе в правоте²⁷⁹.

8) Геминаты латинского происхождения *ff* / *f* (*affetto*)

В народном кастильском языке написание пришло к упрощенному варианту с одним согласным, говорит Вальдес, но ему больше по душе латинский вариант, который из-за малой распространенности латыни уже трудно возродить или закрепить:

Marcio. – [querría] que en los vocablos que claramente tomáis del latín, los quales se scriven con dos *efes*, no les quitásedes ninguna, de manera que dixéssedes *affetto* y no *afeto*.

Valdés. – También lo querría yo, pero sería dificultoso de introducir, por la poca plática que ay de la lengua latina entre los más de nosotros.

Марчо. – [хотел бы] чтобы в словах, которые вы определенно заимствовали из латинских (которые пишутся с двумя *ff*), вы не пропускали бы ни одну из них и говорили бы *affetto*, а не *afeto*.

Вальдес. – Я бы тоже этого хотел, но это достаточно трудно ввести в обиход из-за малой распространенности латыни среди большинства из нас (Ibid. P. 76).

9) Написание глаголов с энклитиком (*dezirlo* / *dezillo*, *hazerlo* / *hazello*)

В XVI в. формы *hazello*, *dezillo*, *mostrallo* были в моде, особенно среди мурсийцев, андалузцев, жителей Толедо и придворных, сохраняясь вплоть до XVII в., особенно в поэзии. Такие ассимилированные формы (*tenello*, *pertillo*) М. М. Раевская ставит в один ряд с местоимением *él* (окончательно вытеснившим *ell* в XVI в.) как распространенное в первой половине XVI в. явление, сузившее

²⁷⁹ Ср. у Небрихи:

La primera regla del orthographía castellana: que assí tenemos de escribir como pronunciamos, τ pronunciar como escrivimos; τ que hasta que entrevenga el autoridad de Vuestra Alteza, o el consentimiento de aquellos que pueden hazer uso, escrivamos aquellas pronunciaciones para las cuales no tenemos figuras de letras en la manera que diximos en el capítulo sexto... (Nebrija, A. de. Gramática de la lengua Castellana, 1992. P. 51)

свою сферу употребления до диалектных просторечий и поэзии²⁸⁰.

Вальдес допускает оба варианта, сам лично предпочитает вариант с неизменной инфинитной формой как более благозвучный, но признает, что в поэзии по причине стихотворного размера иногда лучше заменить *r* на *l*:

Valdés. –

¿Quês la cosa que sin ella
más claramente la vemos
y si acaso la tenemos
no sabemos conocella?
Quanto ella es más perfeta
en aquel que la possee,
tanto a él es más secreta,
y todo el mundo la vee.

Вальдес. –

Что за вещь же за такая:
лучше знаем, не имея,
а как только завладеем –
мы живем не замечая?
Чем сильнее она бывает
У того, кто ей владеет,
Тем трудней он замечает
То, что видят все живее²⁸¹

(Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 83).

10) Написание *estonces* / *entonces*, *assí* / *ansí*, *desde* / *dende*

Вальдес выбирает варианты *estonces*, *assí*, *desde* вслед за «теми, кто правильно пишет». *N* в данном случае употребляется по неосторожности, комментирует Вальдес, хотя из самой постановки вопроса мы узнаем, что большинство выбирают вариант с *n*.

Таким образом, в выборе устаревающего произношения и вариантов, закрепившихся в XVI в., Вальдес не придерживается конкретного принципа, а опирается, прежде всего, на собственный вкус. И это также подтверждает существование колебаний в произношении и написании и неоднозначности выбора вариантов во времена Вальдеса.

²⁸⁰ Раевская М. М. С. 88.

²⁸¹ Стихотворный перевод, как и перевод прочих цитат и отрывков, сделан автором диссертации.

Вальдес, конечно, не дает ответа на загадку.

Скорей всего, речь идет о невежестве. – Encalada Vásquez, O. *Lengua y folklor*. Cuenca: Cidap, 2008. P. 73.

11) Чередования в приставках

Следующие приставки не имеют для Вальдеса семантических различий, поэтому вопрос касается лишь их написания.

envergonçar / avergonçar, enhorcar / ahorcar, enriscar / arriscar:

Варианты с начальным en- Вальдес будто бы вообще не встречал, хотя они присутствуют в словаре Небрихи (присутствуют оба варианта). Вальдес опять же отсылает к андалузскому языку Небрихи, не соответствующему для Вальдеса кастильской речи.

encentar / decentar, infamar / difamar/ disfamar:

Вальдесу больше нравится второй вариант, который он и использует:

Valdés. – Esso hago porque me contenta más allí la *de* que la *en*. Y por la mesma causa no me contenta *dezir*, como algunos, *infamar* ni *difamar*, porque me plaze mucho más *escribir*, como otros, *disfamar*.

Вальдес. – Я так делаю, потому что там мне нравится больше *de*, чем *en*. И по той же причине мне не нравится говорить, как некоторые, ни *infamar*, ни *difamar*, а нравится, как пишут другие – *disfamar* (Ibid. P. 99-100).

prestar / enprestar:

Второй вариант Вальдес называет хоть и более благозвучным, но грубым, и отдает предпочтение первому:

Marcio. – Unas vezes siento *dezir prestar*, y otras *enprestar*. ¿Quál tenéis por mejor?

Valdés. – Tengo por grossero el *enprestar*.

MARCIO. – ¿No véis que stá más lleno?

Valdés. – Aunque sté.

Марчо. – Иногда я слышу, как говорят *prestar*, а иногда *enprestar*. Какое вам больше нравится?

Вальдес. – Enprestar это грубо.

Марчо. – Но вы не считаете его более цельным?

Вальдес. – Хоть бы и да (Ibid. P. 101).

Обе формы есть у Небрихи.

mostrar / demostrar:

Префикс *de* Вальдес считает лишним и грубым и предпочитает короткий вариант

Обе формы у Небрихи.

descabullir / escabullir, desperezar / esperezar:

Использование варианта с начальным *d* Вальдесу больше по нраву, что он поясняет следующим образом: изящество кастильского языка состоит в его полноте и богатстве букв, которые бы отображались на письме. Поэтому он лично и употребляет больше букв, насколько возможно, чтобы раскрыть богатство родного языка:

Valdés. – Y sabed que la gentileza de la lengua castellana, entre las otras cosas, consiste en que los vocablos sean llenos y enteros, y por esto siempre me veréis escribir los vocablos con las más letras que puedo, si ya no son algunas letras que indiscretamente se an mezclado en algunos vocablos, de los cuales por ventura, antes que de aquí vamos, nos toparemos con algunos. Pero esto no cabe en ninguno de los que avéis dicho agora, ni tampoco soy de vuestra opinión en quanto a las añadiduras que dezís, antes pienso que el primero que començó a usar estos vocablos en la lengua castellana, los usó assí enteros como yo los escrivo.

Вальдес. – И да будет вам известно, что изящество кастильского языка, среди прочего, состоит в том, что слова в нем полные и цельные, поэтому вы всегда заметите, что я записываю слова наибольшим возможным количество букв, если это не буквы, попавшие в эти слова по ошибке (о некоторых из которых, возможно, мы еще упомянем перед тем, как разойтись). Но это не касается ни одного, которые вы перечислили сейчас, а кроме того, я никак не разделяю ваше мнение об этих добавлениях, про которые вы сказали, и даже полагаю, что первый, кто начал использовать эти слова в кастильском языке, употреблял их в таком полном виде, как пишу я (Ibid. P. 71).

приставка des:

Кастильская морфема *des* в целом является аналогом греческой *dis* и меняет значение слова на противоположное:

Valdés. – Muchas vezes he mirado en ello y hallo entrêllos muy gran conformidad, porque dezimos *amparar* y *desamparar*: *No haze Dios a quien desampara*; tambien dezimos *esperar* y *desesperar*: *Quien espera, desespera*; y de la mesma manera *amar* y *desamar*: *Quien bien ama, bien desama*; y *atar* y *desatar*: *Quien bien ata, desata*; dezimos tambien *desgraciado*,

desvergonçado, desamorado, descuidado y desordenado, etc.; que todos ellos sinifican en mala parte.

Вальдес. – Я много размышлял над этим и нахожу между ними соответствие, потому что мы говорим *amparar* и *desamparar*: *No haze Dios a quien desampara*. Мы также говорим *esperar* и *desesperar*: *Quien espera, desespera*, и таким же образом *amar* и *desamar*: *Quien bien ama, bien desama*; и *atar* и *desatar*: *Quien bien ata, desata*; кроме того, мы говорим *desgraciado, desvergonçado, desamorado, descuidado y desordenado* и т. д., и все они обозначают что-то с дурной стороны (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 100-101).

tresquilar / desquilar:

В случае с глаголом *tresquilar / desquilar* Вальдес связывает различное написание с оттенками смысла: вариант *tresquilar* имеет значение «подстричь кому-либо волосы» (*Trasquilenme en concejo, y no lo sepan en mi casa* и *Ir por lana y bolver trasquilado*), вариант *desquilar* относится только к стрижке скота.

В целом, опираясь на рассмотренные примеры, можно делать вывод о том, что Вальдес не выработал четкой однозначной системы орфографических правил для кастильского языка, т. к. он наравне с фонетическим принципом орфографии (в большинстве случаев) руководствуется и традиционным.

III. Вопросы лексикологии

Несмотря на то, что «Диалог о языке» как пособие по языку отличается практической направленностью, а вследствие чего спорадичностью и неполнотой описания всей системы языка, Хуан де Вальдес, однако, уделяет достаточно внимания лексическому уровню языка.

На страницах диалога мы находим представления гуманиста о лексическом составе кастильского языка, словообразовании, о таких явлениях языковой практики, как заимствования и архаизация. Кроме того, Вальдес - теоретик языка раскрывает перед нами свою теорию стиля и достойной, или нет, уважения литературы.

1. Лексический состав кастильского языка

Наибольшая часть словарного запаса кастильского языка, рассказывает Вальдес, унаследована из латыни, в исконном или «романизованном» виде. Это в основном базовая лексика, относящаяся к повседневной жизни (в противовес научным понятиям или, например, экзотизмам в современном понимании).

Арабский адстрат проявился в заимствовании реалий и вещей арабского мира, поэтому Вальдес соотносит его лишь с тем, что сегодня мы бы определили как экзотизмы.

Греческую часть лексики кастильского языка составляют слова, относящиеся к религии или наукам.

Обозначены также итальянизмы, слова древнееврейского происхождения и собственно кастильская лексика.

Такое деление Вальдес совершает согласно своей теории об истоках и истории родного языка, основой которого послужила латынь, но который имеет в себе элементы и других языков (см. подробнее в 1 главе).

Такие единицы из других языков, которые Вальдес выделяет в составе кастильского языка, уже приняты и полностью ассимилированы кастильским и входят в активный словарь пользователей языка. Некоторые лексемы дошли до времен Вальдеса уже в «романизованном» (несколько измененном) виде (*romanizados*²⁸²). Этот процесс можно считать частью долгого процесса «порчи» латыни, перешедшей в наречие романсе (*romance*) и далее в кастильский язык, во время которого были приняты многие лексемы из других языков.

а. Слова латинского происхождения

Вальдес обвиняет испанских авторов в небрежности, из-за чего все латинские слова, которые есть в кастильском, предстают всегда в неузнаваемом виде вследствие их порчи. Они передаются из уст в уста, видоизменяются до такой степени, что некоторые нельзя распознать, а некоторые ты видишь, но не

²⁸² Д. Фриас называет такие лексемы «испанизированными»: “de pocos años acá se han también españolado en Castilla muchas voces italianas, francesas, y flamencas, que están ya adoptados por naturales y propias nuestras, aprobándolas el uso”. – D. de Frías. Op. cit. P. 236.

понимаешь, что это за слова, настолько они переделаны.

Если бы латинские слова, который перенял кастильский язык, писались и произносились полностью, то не нашелся бы, говорит Вальдес, ни один латинянин, который бы не понимал написанные на кастильском книги, и не было бы кастильца, который бы не понимал любую латинскую книгу. Порча латинского языка в кастильском варианте так сильна, что только за это многие говорят, что в тосканском языке больше от латыни, чем в кастильском.

В доказательство того, что почти каждое кастильское слово пришло из латыни, Вальдес приводит несколько примеров:

1. пословицы с их латинским переводом:

Valdés. – <...> Uno dize: *Esse es rey, el que no vee rey*, en el qual el latín, tomando palabra por palabra, dirá: *Ipsa est rex qui non videt regem* <...> ¿Qué os parece?

Marcio. – Que es casi lo mesmo.

Вальдес. – В одной говорится: *Esse es rey, el que no vee rey*, что на латыни, переводя слово за словом, будет звучать так: *Ipsa est rex qui non videt regem*. <...> Что скажете?

Марчо. – Что это почти одно и то же (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 187).

2. латинская поэзия:

Valdés. – <...> Y porque mejor os satisfagáis en esta parte tomad algunos versos latinos y mirad cómo, palabra por palabra, os los mostraré casi todos castellanos.

Marcio. Tomo el principio del Arte poética, de Horacio.

Valdés. – Bien stá.

Humano capiti cervicem pictor equinam

iungere si velit et varias inducere plumas.

Marcio. Abastan esos.

Valdés. – Hora escuchadlos palabra por palabra: “Humana cabeça cerviz pintor de yegua ayuntar si querrá y varias poner plumas”.

Вальдес. – <...> И чтобы вы еще больше удостоверились в этом, возьмите какие-нибудь латинские стихи, и вы увидите, как я вам слово за словом воспроизведу кастильские.

Марчо. – Я выбираю начало «Искусства поэзии» Горация.

Вальдес. – Прекрасно.

Humano capiti cervicem pictor equinam

iungere si velit et varias inducere plumas.

Марчо. – Этого хватит.

Вальдес. – А теперь слушаете слово за словом: “Humana cabeça cerviz pintor de yegua ayuntar si querrá y varias poner plumas” (Ibid.).

Стоит Вальдесу изменить синтаксис фразы на кастильский – и итальянцы смолкают в изумлении.

Вальдес приводит примеры самых что ни на есть латинских слов, про которые бы никто не подумал, что они таковые:

ogaño, от лат. hoc anno,
 agora, от лат. hac hora.

Другие, напротив, весьма узнаваемы:

agua, por aqua,
 leño, por lignum,
 tabla por tabula,
 lecho por lectus,
 hazer por faxere,
 traer por trahere,
 pedir por petere.

Некоторые поменяли значение, а не только внешний облик:

habla от лат. fabula, de donde viene hablar,
 endurar от лат. indurare, que significa guardar como escasso,
 finado, от лат. finis, por muerto,
 fuero от лат. forum,
 morar, от лат. mora, que quiere decir habitare,
 tañer de tangere,
 civil – en contraria significación que lo usa el latín,
 regular, del cual, como sabéis, en latín usan por gloria, y ellos en castellano usan por vituperio.

в. Слова арабского происхождения

Арабские слова, следуя Вальдесу, легко опознать по следующим характеристикам:

1. они часто содержат буквы *h*, *x*, *z*. В данном “правиле» Вальдес смешивает разные явления. Он объясняет латинский переход начального *f* в *h* влиянием

арабской фонетики: *hava* вместо латинского *faba*²⁸³. Подобно этому, во многих частях Кастилии изменяют латинский *s* на *x*: *xastre* вместо *sastre*; а латинский *c* в *z*: *hazen* вместо *faciunt*;

2. начальный элемент *al*: *almohada*, *alhombra*, *almoñaça*, *alhareme*²⁸⁴;
3. начальный элемент *az*: *azaguán*, *azar*, *azagaya*;
4. начальный элемент *col*: *colcha*, *colgajo*, *cohecho*;
5. начальный элемент *ça*: *çaherir*, *çaquiçamí*, *çafio*;
6. начальный элемент *ha*: *haxa*, *haragán*, *harón*;
7. начальный элемент *cha*, *chi*, *chu*, *gua*: *chapín*, *chinela*, *choça*, *chueca*;
8. начальный элемент *en*: *enhelgado*, *enhaziado*, *endechas*;
9. начальный элемент *gua* (в основном в названиях рек и мест, поясняет Вальдес): *Guadalalherza*, *Guadalquivir*, *Guadarrama*;
10. начальный элемент *ха*, *хе*: *xáquima*, *xerga*²⁸⁵.

Многие арабские слова, которые имеют в кастильском аналоги латинского происхождения, по мнению Вальдеса, выиграли у них в силу узуса, который выбрал именно арабские корни:

alhombra вместо *tapete*

alcrevite вместо *piedra sufre*

azeite вместо *olio*

Среди заимствований также наименования, которым нет аналогов в кастильском, поэтому они перешли из арабского:

guadamecil

almaizar

almirez

²⁸³ Р. Лапеса в данном случае объясняет переход не арабским влиянием, но иберо-баскским неприятием губно-зубного звука (См. комментарий: Valdés, Juan de (1946). *Diálogo de la lengua* / Montesinos, José F. (ed.). P. 54).

²⁸⁴ Вальдес также говорит об арабском артикле, добавленном в некоторые латинские слова, которые, вследствие этого, не воспринимаются носителями «родными» словами: “Y si queréis ir avisados, hallaréis que un al, que los moros tienen por artículo, el qual ellos ponen al principio de los más nombres que tienen, nosotros lo tenemos mezclado en algunos vocablos latinos, el qual es causa que no los conozcamos por nuestros.” – Valdés, Juan de (1946). *Diálogo de la lengua* / Montesinos, José F. (ed.). P. 30.

Вальдес не дает примеры таких слов, Р. Лапеса относит к ним *almadeña*, *almendra*, *almeja*, наравне с чем упоминает латинские слова, пришедшие в кастильский через арабский: *albérchigo*, *albaricoque*, *alpiste*. (Подробнее см.: Valdés, Juan de (1964). *Diálogo de la lengua* / Montesinos, José F. (ed.). P. 47.

²⁸⁵ Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 30, 42.

с. Слова [древне]греческого происхождения²⁸⁶

К этим лексемам Вальдес относит:

1. слова из священного писания (escandalizar, atesorar, evangelio, apóstol, их использует сам Вальдес в своих сочинениях) и связанные с ними (ciminterio, martilojo)
2. медицинские термины: cristal, paroxismo, efímera, gargarismo
3. слова с элементом pan: pantuflos, pandero, panfarrón
4. некоторые другие лексемы:

apeldar por huir,	cara,	masa,	tramar,
malatía por enfermedad,	carátula,	moço,	truhán,
cillero por lugar a donde ponen	cadira por silla,	mesta,	mandra,
harina,	trévedes,	cañada,	celemín,
fantasía por presunción,	chimenea,	barrio,	glotón,
gaçafatón por cosa mal dicha,	brasa,	cisne,	tragón,
tio,	abrasar,	pinjado,	tragar
rávano,	açomar,	artesa,	

Из приведенного списка слов следует, что представления Вальдеса об этимологии были весьма оригинальны и часто не соотносятся с действительной этимологией.

Греческие слова, пришедшие, по мнению Вальдеса, в кастильский из латыни:

dexemplar в знач. disfamar,
 tener buena passada в м. tener bien de bivar, подобно словам Лукиана se diarci ton poron,
 lo nuestro, lo suyo в м. su hacienda, подобно Лукиану ta imetera,
 Pues si yo te empieço в м. costigaremos, подобно Лукиану mu catirxato

d. Слова итальянского происхождения

По мнению Вальдеса, от итальянского giorno образованы следующие кастильские лексемы:

jornal,

²⁸⁶ М. Батайон отмечает, что почти все греческие слова, приводимые Вальдесом в «Диалоге», взяты им из Лукиана. — Bataillon M. Erasmo y España, estudios sobre la historia espiritual del siglo XVI. 5 reimpr. México: FCE, 1995. P. 374.

jornalero,
jornada

Вальдес также допускает, что их можно отнести к каталанскому.

е. Слова [древне]еврейского происхождения

К этому разряду гуманист относит следующие:

abad²⁸⁷,

abadessa,

abadía,

abadengo, образованное по модели real-realengo вследствие известной скромности клира и их желания быть похожими на королей,

saco²⁸⁸ (вм. costal, talega).

ф. Собственно кастильские слова

Несмотря на большое количество заимствований из других языков, продолжает Вальдес, кастильский, несомненно, имеет собственные лексемы, которым нет соответствия в других языках, что относится к набору оригинальных свойств, которыми обладает каждый язык (propiedades).

Вальдес приводит слова кастильского языка, не имеющие прямых этимонов в латыни, что составляет собственно кастильскую лексику (“vocablos españoles que no tengan latinos que les correspondan”):

aventurar,
escaramuçar,
escarpia,
madrugar,
acuchillar,
amagar,
grangear,
acaudalar,
aislar,

trasnochar,
esquilmo,
fulano,
axuar,
peonada,
requiebro,
desaguadero,
retoçar,
maherir,

çaherir,
trafagar,
amanecer,
jornada,
ospitalero,
carcelero,
temprano,
mesonero,
postremería,

desenhadamiento,
desmayar,
albricias,
engolfar,
escuderear,
amortecer,
sazonar,
alcahuetar

(Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 142).

Не совсем определенными остаются рамки понятия «собственно, исконно кастильские слова». Сам же гуманист утверждает, что кастильский язык – это

²⁸⁷ Действительное происхождение: < лат. abbas, -ātis.

²⁸⁸ Действительное происхождение: < лат. saccus.

потомок латыни, с примесями других языков. Поэтому «собственно кастильскими» в понимании Вальдеса становятся лексемы, образованные, в частности, от корней заимствованных слов, а также некоторые заимствования (варваризмы), которые были адаптированы кастильским языком и поэтому воспринимаются лично Вальдесом (и, как считает Вальдес, большинством его современников) как собственно кастильские.

Вальдес не использует термин «варваризм» в своем сочинении, но, например, Х. Л. Вивес объединяет слова, приходящие в язык из других языков и впоследствии постепенно ассимилируемые им, именно под этим понятием (см. ниже).

g. Заимствования

Вальдес довольно лояльно относится к расширению словарного запаса языка через заимствования и образование новых лексем²⁸⁹.

Друзья, ссылаясь на Цицерона (который, по их словам, с великой осторожностью относился к неологизмам в латыни и коих у него немного (*qualitas, visum, comprehensibile*)) упрекают Вальдеса, что тот с такой легкостью допускает привнесение в кастильский язык чуждых ему слов, ведь без них можно выразить свою мысль, и без них обходились предшественники Вальдеса.

На это Вальдес возражает, что эти слова о Цицероне правдивы только относительно сочиненных им лично лексем, но что тот совсем не так педантичен в использовании греческих слов, которые он даже записывает как греческими, так и латинскими буквами (*asotus, idea, atomus*).

В случае с заимствованием итальянского *sgombrar*, которое приобрело в кастильском форму *escombrar*, итальянцы говорят о «воровстве» слов испанцами, на что Вальдес браво парирует пословицей: где дают, там и берут:

Coriolano. – Según esso, hurtado nos avéis esse vocablo.

²⁸⁹ В чем, наравне с принятием принципа «пишу, как говорю», он следует Квинтилиану, по мнению Кальво Переса. – Calvo Pérez J. *Juan de Valdés y la fuerza de la contradicción*. Diputación Provincial de Cuenca, 1991. P. 66.

Marcio. – Sí por cierto, hallado os avéis la gente que se anda a hurtar vocablos.

Coriolano. – Tenéis razón, no supe lo que me dixe.

Valdés. – Siempre vosotros estáis armados de spada y capa para herirnos quando nos véis algo descubierto; pues ya sabéis que donde las dan, allí las toman.

Кориолан. – Исходя из этого, это словечко вы у нас украли.

Марчо. – Вот именно. Вот и народ: прибирает к рукам слова.

Кориолан. – Вы правы. Я раньше и не знал, что вы мне рассказали.

Вальдес. – Все время вы хватаетесь за меч как бы нас поранить, стоит вам узнать о нас что-нибудь новое. Так знайте: где дают, там и берут (Ibid. P. 77).

Таким образом, для возможности факта заимствования, следуя Вальдесу, необходимы два условия:

1. оно происходит из «сходного», близкого языка (см. цитату далее)
2. эта лексема не имеет односложного (т.е. краткого) аналога в родном

языке: заимствованное слово работает на принцип экономии:

Valdés. – De manera que, pues yo no compongo vocablos nuevos, sino me quiero aprovechar de los que hallo en las otras lenguas con las quales la mia tiene alguna semejança, no sé por qué no os ha de contentar.

Вальдес. – То есть я не составляю новые слова, но хочу воспользоваться тем, что нахожу в других языках, которые с моим языком имеют некоторое сходство. Не знаю, чем вам не нравится такое объяснение (Ibid. P. 140).

А предпосылками к заимствованию становятся:

1. стремление к обогащению и украшению кастильского языка

К этому Пачеко, как носитель языка, добавляет, что он принимает заимствования, хотя к ним надо приобрести привычку, чтобы использовать, так как они поначалу весьма непривычны.

2. необходимость: отсутствие аналога данной лексемы в принимающем языке либо предмета и лексемы, его обозначающей²⁹⁰ (перекликается со второй предпосылкой к заимствованию)²⁹¹. В защиту заимствований Вальдес озвучивает

²⁹⁰ Случаи с экзотизмами в современном понимании.

²⁹¹ Сходно объясняют предпосылки к заимствованию Дамасио Фриас в «Диалоге о языках» (1), Хуан Луис Вивес в «О природе словесного выражения» (1532) (2).

(1) “los nombres extranjeros significativos de lo que pretendemos, traídos con modestia, con novedad y gracia, o si esto no, con alguna necesidad”. – D. de Frías. Op. cit. P. 230.

В сочинении Д. Фриаса вопросу варваризмов, их определения и места в языке отведена значительная часть диалога.

(2) «Иностранных, так называемых варварских слов не терпит ни поэзия, ни проза, разве что они проникли в страну вместе с обозначаемыми вещами или введены государством; но после изменения прибавками,

тезис о том, что в кастильском языке есть тоже такие «аутентичные» лексемы, соответствий которым нет в тосканском. То же касается и латинского (приводит слова кастильского, не имеющие аналогов в латыни (см. выше)).

Авторские заимствования, которые Вальдес привнес бы в кастильский язык

Вальдес высказывает желание привнести в кастильский некоторые слова из других языков, которые якобы не имеют подходящей замены в его родном:

Marcio. – me acuerdo, algunas vezes oiros dezir que desseáis introducir ciertos vocablos en la lengua castellana, antes que pasemos adelante, nos dezid qué vocablos son éstos.

Valdés. – De buena voluntad os diré todos los que me vernán a la memoria.

Марчо. – Помнится, когда-то вы говорили, что вы бы хотели привнести в кастильский язык некоторые слова. Прежде чем мы продолжим, скажите, что это за слова.

Вальдес. – С удовольствием перечислю все, которые припомню (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 136).

Таким образом, в языковом сознании Х. де Вальдеса фигурирует некоторое количество слов, которые бы он хотел видеть общеупотребительной освоенной частью словаря говорящих на кастильском языке.

Это слова:

из греческого языка:

paradoxa: cosa que vien sin pensarla,

idiota: hombre privado y sin letras,

tiranzar: значение не объясняется, т.к. понятно,

ortografía: аналогично

из латинского языка:

ambición,

esepción,

dócil,

superstición,

decoro,

obiecto: пример из «Селестины», где, если бы не это слово, пропала бы вся фраза:

изъятиями, вставками ради благозвучия они становятся терпимыми». – Вивес Х. Л. «О природе словесного выражения». Книга III: о поэзии / Пер. В. Библихина // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2-х т. Т. 2 / Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. – М.: Искусство, 1980. – С. 310-316. С. 315.

Valdés. – Del qual vocablo usó bien el autor de Celestina: *la vista a quien obiecto no se pone*; y digo que lo usó bien, porque, quiriendo dezir aquella sentencia, no hallara vocablo castellano con que dezirla, y assí fue mejor usar de aquel vocablo latino que dexar de dezir la sentencia, o para dezirla avía de buscar rodeo de palabras.

Вальдес. – Это слово хорошо использовал автор «Селестины»: *la vista a quien obiecto no se pone*. И я говорю, что использовал хорошо, потому что он желал высказать этот смысл, но не находил кастильского слова, чтобы его выразить, и лучше было употребить латинское слово, чем вообще не говорить этой фразы, или думать, как бы переиначить другими словами (Ibid. P. 137).

Paréntesis,

insolencia,

jubilar,

temeridad,

profesión не в значении пострига и обета (благодаря чему, как говорит Вальдес, уже многие священники неплохо заработали), а в другом значении: *hazer profesión de loco/ de sabio*.

Persuadir, persuasión,

estilo,

observar, observación,

obnoxius,

abutere. Два последних слова Вальдес ввел бы в кастильский язык, но побоялся бы их использовать, пока другие не начали бы это, так как они слишком чужды кастильскому языку.

из итальянского языка:

facilitar,

fantasía,

aspirar,

dinar,

entretener,

discurrir,

discurso,

manear,

manejo,

deseñar,

deseño,

ingeniar,

servitud,

novela,

novelar,

cómodo,

incómodo,

comodidad,

solacio,

martelo,

pedante,

assassinar

из арабского языка:

Helgado (в знач. *hombre de raros dientes*): встречается у Небрихи, но не употребляется в кастильском. Вальдес одобрил бы его, несмотря на арабское происхождение, так как в кастильском нет эквивалента.

h. Архаизмы

Языки изменяются, подвергаются порче и взаимовлиянию, рассказывает Вальдес.

В свою очередь, некоторые слова выходят из употребления по двум причинам:

1. так как они состариваются,
2. так как они не совсем красивы для использования, и поэтому образованная публика заменяет их другими:

Marcio. – en la lengua castellana ay muchos vocablos, de los quales algunos no se usan, porque con el tiempo se an envejecido...

Coriolano. – ¿Qué dezís? ¿Los vocablos s'envejecen?

Marcio. – Sí que s'envejecen, y si no me creéis a mí preguntadlo a Horacio en su Arte poética.

Coriolano. – Tenéis razón.

Marcio. – y porque otros vocablos no se usan por ser algo feos, en lugar de los quales los hombres bien hablados an introduzido otros

Марчо. – в кастильском языке есть множество слов, которые не используются, потому как со временем они состарились...

Кориолан. – Что вы говорите? Слова состариваются?

Марчо. – Именно что состариваются. А если вы мне не верите, обратитесь к Горацию и его «Искусству поэзии».

Кориолан. – Вы правы.

Марчо. – а другие слова не используются, будучи некрасивыми, и взамен их образованные люди добавили другие (Ibid. P. 104).

Т. е. Вальдес имеет в виду устаревшую лексику, уже вышедшую из употребления или находящуюся на стадии «состаривания», взамен которой в большинстве из приводимых гуманистом случаев появляются современные аналоги.

Вальдес приводит некоторое количество лексем, которые, по его мнению, вышли из употребления и считаются устаревшей лексикой.

При этом во многих случаях приводится устаревшая лексема и сменивший или сменяющий ее лексический дублет.

1) Имена (существительное, прилагательное)

Aleve, alevoso y alevosía – устаревающее (A un traidor dos alevosos)

Ambos y ambas –устар. Более адекватный вариант: entramos y entramas.

Artero: устар. (о чем Вальдес сожалеет) (A escasso señor, artero servidor; De los escarmentados se levantan los arteros)

Balandrán – устар.

Buelto – устар. Более адекватный вариант: turvio.

Can, но не perro: El can congosto a su amo buelve el rostro; Quien bien quiere a Beltrán, bien quiere a su can)

Cara (в знач. hazia): многие используют, но Вальдес никогда.

Cocho – устар. Более адекватный вариант: cozido.

Confiança, но не fiuzia ni huzia.

Cormano (в знач. primo hermano) – устар. Если бы мог, Вальдес с радостью вернул бы лексему в употребление.

Cuchillo, но не gavinete.

Cuello, но не rescueço.

Cuita – устар. Более адекватный вариант: fatiga.

Cuvil – устар. Но осталось в поговорках: A los años mil torna el agua a su cuvil).

Ducho – устар. Более адекватный вариант: vezado o acostumbrado (A quien de mucho mal es ducho, poco bien se le haze mucho)

Duelo y duelos (в знач. fatiga y fatigas) – feos vocablos/ Несмотря на поговорку: Duelo ageno de pelo cuelga)

Era – устар. Более адекватный вариант: año.

Falta, faltar, но не falla, fallecer. Несмотря на поговорку: Duelo ageno de pelo cuelga).

Favorecido, но не privado. No asaz, sino harto. No acucia, sino diligençia.

Fenestra, но не ventana – когда возможно, letra, но не carta, hinojos, но не rodillas, lecho, но не cama, malencónico, но не mohino, planto, но не lloro, enfermo, но не doliente, candela, но не vela, tapete, но не alhombra, máxcara, но не carátula

Garçón (в знач. mancebo) – устаревающее (Несмотря на посл.: Prendas de garçón dineros son).

Garrido (в знач. gallardo) – устар/ Употр. в поговорках: Pan y vino anda camino, que no moço garrido).

Gaván – устар.

Guisa (в знач. 1. hombre de alta guisa, por de alto linage, 2. cavalgar a la guisa, por lo que agora dezimos a la brida, 3. manera) – устар.

Hemencia (в знач. ansia) - малоупотр.

Higas, но не puges.

Hiniestra, вм. fenestra или ventana – встречал только у Небрихи.

Hito (в знач. importuno) – малоупотр.

Hueste (в знач. ejército) – устар (¡Si supiesse la huste lo que haze la hueste!).

Jardín, но не vergel. Vegada (в знач. vez) – встречается в книгах и у некоторых в употреблении, но Вальдес так бы ни говорил, ни писал.

Ledo (в знач. alegre) – еще употребляют только в поэзии²⁹², в прозе недопустимо.

²⁹² Например: Juan Rodríguez del Padrón:

“Bive leda, si podrás,

Luengo, но не largo, несмотря на то, что большинство употребляет второй вариант.

Mi dueño (от лат. dominus) устар., несмотря на то, что встречается в пословицах (Adonde no stá su dueño, allí stá su duelo). Вместо нее должно говорить “mi amo” или “mi señor”.

Minglana (в знач. granada) – устар.

Mur, но не ratón: Lo que as de dar al mur, dalo al gato; Al mur que no sabe sino un agujero, presto lo toma el gato/

Muro, но не adarve: No passa seguro quien corre por el muro.

No adufre, sino pandero Лучше embaraçado, чем embaçado.

Odre, odrero (в знач. cuero, botero) – устар., хотя odre однозначное слово, в отличие от cuero, и нравится Вальдесу больше.

Omezillo (в знач. enemistad) – устаревающее, но Вальдес допускает его употребление в подходящих случаях.

Pescuda, pescudar в знач. pregunta, preguntar никогда не нравилось Вальдесу.

Raez в знач. fácil: встречается в старинных коплах, уже не употребляется, но есть его дериват rece того же значения (“Huésped que se combida, rece es de hartar”).

Roña, но не sarna. Лучше mecha, чем torcida (“Yo por mejor tengo mecha, y el refrán dize: *Candil sin mecha, ¿Qué aprovecha?*”).

Sage (в знач. cruel) – более сильное значение, чем cruel, но Вальдесу не нравится, и он бы его никогда не использовал.

Sandio (в знач. loco): португальское слово, не употребляется в кастильском, но Вальдес допускает, что раньше употреблялось.

Sayón (в знач. verdugo, палач) – почти не употребляется, второй вариант предпочтительнее.

Zaque как синоним. odre, cuero de vino или в знач. выпившего слишком много человека, а также особого рода кожаный мешок для зачерпывания воды из колодца в арагонской Кастилии-Ла-Манча. Малоупотр.

2) Некоторые союзы и наречия (ранее повсеместно использовавшиеся), по словам Вальдеса, уже устарели и им на замену пришли другие:

Abonda, но не устар. basta.

Ahe (в знач. ессе): устар., хоть и не имеет достойной замены.

Ayuso, но не устар. abaxo.

союз времени cada que также сохранился только в просторечном употреблении²⁹³, а ему на смену пришла лексема siempre.

на замену союзу ca пришел porque,

De buen talante вм. de buena voluntad или de buena gana: осталось только в устной речи.

De buena voluntad, но не устар. de buen talante.

e non penes atendiendo,
que segund peno partiendo,
non espero que jamás
te veré nin me verás <...>”.

²⁹³ Кроме того, он укоренился в испанском языке Латинской Америки.

De cada canto, но не устар. de cada parte.

Dende (в знач. de aí): только в поэзии (La dama que no mata ni prende, tálala dende).

Союз времени *desque* (в знач. *quando*) остался только в просторечии (*diziendo desde vais, por dezir quando vais*).

Вместо союза уступки *maguera* используются *aunque*, несмотря на употребление первого в сборнике “*Cancionero general*”.

Mañana, но не устар. *cras* (несмотря на поговорку: *Ou por mí y cars por tí*).

Наречие *mientras* устаревает и уступает наречию *entre tanto*, оставаясь лишь в поговорках (*Mientras descansas, maja essas granças*).

Otra cosa, но не устар. *ál* (несмотря на поговорку: *So el sayal ay ál, y En ál va el engaño*).

Presto, но не устар. *aína*.

Quillotro (итал. *cotal*): устар.

So (в знач. *debaixo*): малоупотр., в основном, в пословицах (*So la color stá el engaño*).

Suso (в знач. *arriba*): устар.

3) Глаголы

Arregostar: устар. (*Arregostóse la vieja a los bredos y ni dexó verdes ni secos*).

Atender: устар. Более адекватный вариант: *esperar* (*Quien tiempo tiene y tiempo atiende, tiempo viene que se arrepiente*).

Aya y ayas: устар. Более адекватный вариант: *tenga y tengas* (*Bien aya quien a los suyos se parece, Adonde quiera que vayas, de los tuyos ayas*).

Azer (в знач. *estar hechado*): устар., встречается только в эпитафиях.

Barajar: устар. Более адекватный вариант: *contender* (*Quando uno no quiere, dos no barajan*).

Cobijar: устар. Более адекватный его дублет *cobrir* (*Quien a buen arvol se arrima, buena sombra lo cobija*).

Cohonder: устар. Более адекватный вариант: *gastar* o *corromper* (Но встречается в паремиях: *Muchos maestros cohonden la novia*).

Condesar: устар. Более адекватный вариант: *guardar*.

Costribar: устар. Более адекватный вариант: *trabajar* (*Quien no come, no costriba*).

Deshonrar: устар. Более адекватный вариант: *denostar*.

Encentar: устар. Более адекватный вариант: *partir*.

Engorrar: устар. Более адекватный: *tardar*.

Huve mucho placer: устар. Более адекватный вариант: *fué muy agradable*.

Lislar (в знач. *cortar*): устаревющее.

Loar: устаревющее (несмотря на поговорку: *Cierra tu puerta y loa tus vezinos*. Более адекватный вариант: *alabar*).

Me purgo: устар. Более адекватный вариант: *tomo medicina*.

Membrar (в знач. *acordar*): еще употр. в поэзии, недопустимо для прозы.

Mentar (в знач. *nombrar, hazer mención*): устаревющее, несмотря на употр. в пословицах: *Al buey viejo no le cates abrigo; Haz bien y no cates a quien*.

No cates: устар. Более адекватный вариант: *no busques* (несмотря на поговорку: *Quien a su enemigo roba, a sus manos muere*).

Popar (в знач. *despreciar*): устар.²⁹⁴

Puñar (в знач. *subir*): устар., употребляется лишь в деревнях.

Quemar: устар. Более адекватный вариант: *abrasar*.

Sobrar (в знач. *sobrepasar*): устар. дозволительно в поэзии, но не в прозе.

Tener que dar ni que tomar con vos: устар. Более адекватный вариант: *no me quiero empachar con vos*²⁹⁵.

Trómposelas: Вальдес знает из рефрана “*Castígame mi madre, y yo trómposelas*”, и ему не понятна природа и значение этого слова. Судя по всему, отмечает Монтесинос, оно не было известно в его время и, возможно, это измененное *trampeoselas*²⁹⁶.

Véis aquí: устар. Более адекватный вариант: *he aquí*.

Verter (в знач. *derramar*): устар., осталось только в рефранах (*Agua vertida, no toda cogida*).

В большинстве случаев Вальдес предпочитает не использовать архаизмы, которые уже выглядят «неестественно» в современном ему языке. Например, именно за употребление устаревших лексем и конструкций порицает Вальдес и автора «Амадиса Гальского».

В этом его взгляды сходны, например, с Б. Кастильоне, который высказывался против употребления слов, уже устаревших (в частности, Кастильоне упоминает про встречающиеся у Боккаччо, но не употребляемые в современном языке вокабулы)²⁹⁷.

Кроме того, Вальдес выделяет список слов, которые являются архаизмами с точки зрения придворного узуса, но бытуют на уровне просторечия и фольклора.

Список таких слов, свойственных более низкому стилю, следуя Вальдесу, составляют во многом слова, вышедшие из обихода образованной публики, но оставшиеся в речи простолюдинов, деревнях и отчасти в поэзии, пословицах и поговорках:

Cabero, çaguero (в знач. *último, postrero*): простореч.

²⁹⁴ Фактически лексема *popar* еще бытовала в начале XVI века, в частности, в значениях *ahorrar, resguardar*: “y después, no parando a su vida hacer lo que cumple a sus honras”. — Carta del Duque de Alba, 1528 // Doc. inéd. para la hist. de España, I, Madrid, 1870. P. 119.

²⁹⁵ Это выражение Вальдеса встречается в некоторых его сочинениях: “*Trataditos*”, “*Evangelio de San Mateo*”.

²⁹⁶ См. комментарий на ст. 122: Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946.

²⁹⁷ Castiglione, Baltasar de. *El Cortesano. Introducción y notas de Rogelio Reyes Cano*. Escapa-Calpe, Madrid, 1984. P. 41.

Cadira (в знач. silla): простореч.

Durmiente (в знач. el que duerme mucho): простореч. (Al raposo durmiente no le amaneca la gallina en el vientre).

Erguir (в знач. levantar): простореч., а в итальянском общеупотребит. и встречается у Петрарки.

Galduda (в знач. perdida) – простореч. (Sardina que gato lleva, galduda va).

Hablar (в знач. dezir) – груб.

Henchir – груб., но иногда Вальдес использует его за неимением эквивалента в кастильском (синоним llenar подходит не для всех случаев) (De servidores leales se hinchen los ospitales).

Lóbrego, lobregura вм. triste, tristeza – простореч.

Platel (в знач. plato) – простореч.

Posar (в знач. asentar) – простореч.

Potage, cozina, caldo: среди образованной публики: cozina – кухня как помещение, caldo – бульон (итал. brodo), potage – первое блюдо (итал. menestra). В просторечии же cozina – бульон.

Poyal (в знач. vancal) – простореч., деревенское.

Raudo (в знач. rezio): груб., малоупотребит.

Vezo, vezado в знач. costumbre, acostumbrado: простореч. (Vezo pon que vezo quites). Vezo имеет отрицательную коннотацию, несмотря на употребительность образованного от vezo vezar (в знач. enseñar).

Yantar (в знач. comer) – простореч. (El abad d e donde canta, de allí yanta).

2. Проблема полисемии

Многозначные слова (vocablos equívocos) – один из лингвистических вопросов, которые заслуживают отдельного внимания Вальдеса (“Assí llaman los latinos a los vocablos que tienen más de una sinificación”²⁹⁸).

В кастильском языке большое количество многозначных слов, признается Вальдес.

Причем для кастильского языка такие слова являются украшением и показателем богатства языка, в то время как в других языках это недостаток (“porque con ellos se dizen muchas cosas ingeniosas muy sutiles y galanas”²⁹⁹): использование многозначных слов в большей степени приятно для тех, кто их понимает, тогда как несведующие таковыми и остаются. Это суждение Вальдеса

²⁹⁸ Ibid. P. 126.

²⁹⁹ Ibid.

еще раз раскрывает патриотизм и национализм гуманиста по отношению к родному языку и стремление возвысить его среди других.

Но между тем Вальдес формулирует универсальное правило избегать неоднозначности в речи и письме (“Hablar o escribir de suerte que vuestra razón pueda tener dos entendimientos, en todas lenguas es muy gran falta del que habla o escribe”³⁰⁰).

Вальдес приводит в пример некоторые многозначные лексемы кастильского языка и объясняет их значения:

Arriscar: 1. apriscar, устар. (pastoril) (Quien no arrisca, no aprisca [Valdes 106]). 2. aventurar, малоупотр.

Carón: 1. каплун, 2. евнух.

Cardenal: 1. vibex (синяк), по цвету cárdeno³⁰¹ (Встречается в «Комментариях к первому посланию Павла коринфлянам» Вальдеса: “a los quales golpes o ronchas, porque son cárdenos, llamamamos cardenales”), 2. преподобный, кардинал.

Corredor: 1. бегун, 2. в знач. итал. loggia (лоджия), 3. sensale (посредник).

Correr: 1. currere (бежать), 2. разозлиться, выйти из себя: Correr, demás de su propia sinificación, que es currere, tiene otra y es ésta, que dezimos que se corre uno quando, burlando con él y motejándolo, se enoja [Valdés 126].

Cuento: 1. lança, 2. maravedí, 3. novela.

Cuerda: 1. prudente (сдержанный), 2. funis (веревка, канат), иллюстрирует коплой А. де Веласко³⁰².

Falta: 1. игра с мячом, 2. от гл. отсутствовать.

Feligrés: 1. прихожанин, 2. кавалер (ухажер) какой-либо дамы.

Fiel: 1. преданный, 2. гвоздь на ножницах.

Hacha: 1. antorcha (факел), 2. segur (топор).

Lonja: 1. algún cierto lugar diputado para passear (лоджия), 2. tozino (шпиг).

Manceba: 1. девушка, 2. любовница, наложница.

Moço, moça: 1. раб, прислуга, 2. обозначение возраста, отсюда mocedad, mocedades.

³⁰⁰ Ibid. P. 157.

³⁰¹ Встречается у Вальдеса в «Комментариях к Первому посланию к Коринфянам святого Апостола Павла»: “a los quales golpes o ronchas, porque son cárdenos, llamamamos cardenales”.

³⁰² Don Diego de Bovadilla
no se spante, aunque pierda;
siendo su amiga la cuerda,
ganar fuera maravilla.
El sabe tan bien servilla
y sacar tan mal de dentro,
que stá seguro Sarmiento.
(Ibid. P. 130).

Mohino: 1. malencónico, 2. desgraciado o desdichado en el juego³⁰³.

Ostia: 1. облатка. 2. устрица. В пример Вальдес приводит коплу дона Антонио де Веласко, который играет на многозначности слова³⁰⁴.

Pecho: 1. pectus, 2. подушная подать.

Pensar: 1. cogitare, 2. gobernar las bestias (управляться с лошадью).

Rendir: 1. rentar. 2. “venciendo forçar a alguno que se dé por vencido” (rendido зовут этих побежденных).

Servidor: 1. слуга, прислуга, 2. общ. знач.

Tacha: как в итал. недостаток, грех, 2. гвоздь на кожаном сундуке.

Tocar: 1. tangere (трогать, щупать), 2. pertinere (тянуться, касаться, принадлежать), 3. ataviarse la cabeza.

Yervas: 1. кастильское: в знач. итал. tossico (ядовитый), 2. пастбище (травы), 3. ervaje, ervajar (луг, пастбище, пасти).

Такое внимание к полисемии говорит о том, что Вальдес начинал развивать определенную теорию о лексической стилистике кастильского языка и его возможностях.

IV. Вопросы стиля и перевода

1. Стиль и лингвопрагматика

а. Понятие и свойства стиля

Вальдес уклоняется от точных формулировок того, что же принадлежит хорошему стилю и что есть стиль.

Но его понимание стиля вырисовывается из некоторых замечаний, разлитых по всему диалогу.

Вальдес говорит о стиле любой языковой личности как постоянной ее характеристике (1), но одновременно затрагивает вопрос о стиле воссоздаваемом

³⁰³ Это слово во втором значении Вальдес употребляет применительно к себе выше в диалоге: “¿A qué propósito me queréis obligar tan estrechamente? ¿Avéis por ventura concertado todos tres para el mohino?” (Ibid. P. 4).

³⁰⁴ Ostias pudiera embiar
d'un pipote que hora llega,
pero pensará el de Vega
que era[n] para consagrar.
Vuesa merced no las coma,
de licencia y'os despido,
porque nunca dará Roma
lo que niega su marido.
(Ibid. P. 129).

(стиль произведения или определенного текста) (2):

(1)

- Стиль это манера говорить и писать (хорошая или плохая, несовершенная или точная): “Estilo llamamos a la manera de dezir buena o mala, áspera o dura”³⁰⁵.

Т.е. это отличительная особенность носителя языка, которая прослеживается в любой языковой деятельности оного.

- Стиль это нечто индивидуальное, врожденное и естественное:

Valdés. – el estilo que tengo me es natural, y sin afetación ninguna escribo como hablo, solamente tengo cuidado de usar de vocablos que sinifiquen bien lo que quiero dezir, y lo dígo lo quanto más llanamente³⁰⁶ me es possible, porque a mi parecer en ninguna lengua stá bien el afetación³⁰⁷.

Вальдес. – стиль, мне присущий, для меня естественен, и я безо всякой надуманности пишу так, как говорю. Я только лишь обращаю внимание на то, чтобы слова, которые я использую, обозначали именно то, что я хочу сказать (а говорю я это настолько полно, насколько это возможно), так как мне сдается, что вычурность не красит ни один язык (Valdés, J. de. Diálogo de la lengua, 1946. P. 155).

- Простота и естественность являются a priori характеристиками стиля речи у носителя языка. Вальдес отмечает, что говорит всегда «насколько полно, насколько это возможно», чтобы раскрыть богатства кастильского языка, однако наравне с этим Вальдес ценит краткость выражения без излишеств:

todo el bien hablar castellano consiste en que digáis lo que queréis con las menos palabras que pudiereis, de tal manera que, explicando bien el concepto de vuestro ánimo, y dando a entender lo que queréis decir, de las palabras que pusiereis en una cláusula o razón no se pueda quitar ninguna sin ofender a la sentencia de ella o al encarecimiento o a la elegancia.

³⁰⁵ Ibid. P. 138.

³⁰⁶ Ср. слова Д. Фриаса: “soneto donde yo quise seguir una llaneza de decit, la mayor q[ue] pude, con los mayores encarecimientos que en t[an] llanas palabras fueron posibles a mi poco saber”. – Цит. по: Salazar Ramírez María S.. Las cartas de controversia literaria en el MS 570 BPM y Damasio de Frías (Teoría literaria y praxis retórico-epistolar). Tesis doctoral de la Universidad Complutense de Madrid, Facultad de Filología, Departamento de Filología Románica, leída el 13-06-1997. P. 253.

³⁰⁷ Для Вальдеса вообще очень важна категория естественного по отношению не только к языку, но и к миропознанию, религиозному самоопределению. Например, в «Ста десяти божественных суждениях» Вальдес высказывает понятие естественного религиозного познания, которое строится на эмпирическом наблюдении за природой и является основой для правил естественного закона и религии. – Подробнее см.: Nieto José C. Juan de Valdés and the origins of the Spanish and Italian Reformation. Genève: Librairie Droz, 1970. P. 206.

умение правильно говорить на кастильском состоит в том, чтобы вы сумели сказать, что хотите, наименьшим возможным количеством слов так, что вы выразите ваши душевные переживания, которые станут понятны в словах, и что из слов, которые вы поставите в высказывание или сентенцию, невозможно будет отнять ни одного без потери смысла или элегантности высказанного (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 160).

Из этого следует, что главное для Вальдеса, как и для многих других гуманистов, это простота и понятность выражения мыслей, лаконичность без излишеств (“sin afetación ninguna”), следует говорить наиболее ясно, просто и полно (“más casta, más clara y más llanamente”)³⁰⁸.

(2)

Кроме того, Вальдес фактически обозначает необходимость разграничения функциональных стилей речи. На это указывают следующие его замечания:

- Гуманист говорит не только о стиле (манере говорить и писать) отдельного человека, но и о стиле конкретного текста (например, личное письмо, художественный текст, хроника, документ и т. д.).
- Стиль в речи и письме, согласно Вальдесу, должен быть выдержан соответственно адресату и содержанию высказываемого:

Valdés. – Quanto al hazer diferencia en el alçar o abaxar el estilo, según lo que scrivo, o a quien escrivo, guardo lo mesmo que guardáis vosotros en el latín.

Вальдес. – Что касается того, чтобы сделать стиль более высоким или низким соответственно тому, что и кому я пишу, я поступаю так же, как вы в латыни (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 155).

В данном примере отражено представление Вальдес о некоей шкале функциональных стилей разных коммуникативных контекстов, которые

³⁰⁸ Еще в XIV в. мы встречаем: “et poniendo declaradamente et conplida la rrazón que quiere dezir, pónelo en las menos palabras que pueden seer”. – Juan Manuel. *Libro de los Estados*, 1330. Edición según el manuscrito de la Biblioteca Nacional por J. M. Castro Calvo, Barcelona, 1968. P. 157.

Например, интересно также вспомнить «Диалог о достоинстве человеческой личности» (1546) Переса де Оливы, где встречаются следующие слова: “y el principal ornamento con que el hombre sabio ha de arrear su persona y en que debe señalarse entre los otros, es en el hablar ordinario que todos entienden, y todos se sirven dél para manifestar lo que sienten, gozando asimismo todo lo que en él se les comunica”. – Oliva, Perez de. *Diálogo de la dignidad del hombre*. Madrid: Compañía Ibero-Americana de publicaciones (S.A.), 1928. P. 5.

отличаются различными «нормами» языкового изъяснения.

Например, сам гуманист, по его словам, в переписке на кастильском языке с итальянцами в некоторых случаях пренебрегает правильным написанием на кастильском и пишет на итальянский манер, облегчая собеседнику понимание:

Cuando escribo alguna carta particular en castellano para algún italiano, pongo la *g* por la misma causa que en lugar de la *j* larga pongo *gi*; pero, cuando escribo para castellanos, y entre castellanos, siempre quito la *g*, y digo *sinificar* y no *significar*...

Когда я пишу какое-нибудь частное письмо итальянцу на кастильском, то пишу *g* по той же причине, по которой пишу *gi* вместо *j*. Но когда я пишу кастильцам, то всегда убираю *g* и говорю *sinificar*, а не *significar* (Ibid. P. 78).

- Стиль любого сочинения должен быть выдержан и соблюден автором в полной мере и соответствовать жанровой специфике.

Так, Вальдес критикует некоторых испанских авторов (будь то хроника или художественное произведение) в непоследовательности и несоблюдении стилистических требований в рамках сочинения (см. ниже).

- В связи с вопросами стиля Вальдесом обозначена проблема письменной и устной речи.

Понятие **el hablar**³⁰⁹ противопоставляет устную речь письменной. Письменная речь и умение излагать свои мысли на бумаге входит в понятие **el escribir**.

Кроме того, Вальдес вводит термин **el conversar**³¹⁰, обозначающий языковое взаимодействие социально детерминированных коммуникантов, некую ситуацию общения, в которой реализуются навыки и умение языковой личности. Иными словами, при использовании данного термина Вальдес подчеркивает важность проявления языковых личностей при языковом взаимодействии – можно сделать вывод, что Вальдес начинает разрабатывать концепцию коммуникативной парадигмы.

³⁰⁹ О других значениях этого понятия см. раздел о языке первой главы.

³¹⁰ См. цитату на стр. 48.

Вальдес вводит полярное обозначение правильного и неправильного выражения мысли и изъяснения. В тексте «Диалога» встречаются следующие обозначения:

правильная речь (bien hablar, el hablar bien)	плохая, неподобающая речь (mal hablar, no sé qué dezir baxo y plebeyo)
те, кто правильно говорит (bien hablados, los que hablan bien, amigo de hablar)	те, кто говорит плохо (desterrados del bien hablar)
правильное письмо (el escribir bien)	
кто пишет правильно и красиво (los que se precian de escribir bien, principios de la lengua)	кто пишет неподобающе (los que escriben descuidadamente)

Умение хорошо изъясняться в устной речи отнюдь не означает для Вальдеса автоматически умение и писать. Например, он отзывается о М. Диего де Валера, «официальном летописце» католических королей, как о мастере устного слова, но сетует на его письменный язык (наравне с чем и упрекает в необъективности)³¹¹.

Писменная и устная речь в понимании Вальдеса соотносятся следующим образом:

- 1) Высказывая приверженность этой формуле «пишу, как произношу», Вальдес становится продолжателем А. де Небрихи, который в «Грамматике кастильского языка» (1492 г.) и «Правилах орфографии кастильского языка» (1517 г.) уже высказывается за фонетический принцип испанской орфографии, развивая идею Квинтилиана³¹², в чем прослеживается, таким образом, «осознанная нормализация» норм письменной речи³¹³.

В некоторых случаях произношение само подскажет, какое написание правильное, говорит Вальдес о вопросе написания, например, *q* и *c* в латинских словах. В этом случае он отмечает различия в произношении слов с одной и

³¹¹ “por ser amigo de hablar, en lo que escribe pone algunas cosas fuera de propósito y que pudiera pasar sin ellas” – Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 181.

³¹² Calvo Pérez J. *Op. cit.* P. 66.

³¹³ Об осознанной нормализации см.: Конурбаева А. М. Нормализация и кодификация испанской орфографии в XVI-XVII вв. : дисс. ... канд. фил. наук. М., 2013. С. 8.

другой графемами, что свидетельствует о еще не устоявшейся графической норме кастильского.

- 2) Кроме того, в терминологии Вальдеса устная и письменная речь соответственно представляют отражение бытового языка и книжного, более строгого, т. е. устного и письменного литературного языков в современной формулировке.

Во времена Возрождения просыпается большой интерес именно к разговорной форме выражения мысли, в то время как письменный язык считается более престижным, закреплённым традицией.

Вальдес жалуется, что кастильский язык (по сравнению, например, с тосканским, т.е. итальянским) еще не имеет долгой традиции письменных классических памятников и не настолько обогащен, будучи более народным, разговорным³¹⁴.

То есть в данном контексте Вальдес выступает за соответствие устной и письменной речи по формуле «пишу, как говорю», что означает для гуманиста следующее: на письме ясность, понятность и простота изложения должны оставаться в такой же мере, как и в устном общении:

quando me pongo a escribir en castellano no es mi intento conformarme con el latín, sino explicar el conceto de mi ánimo de tal manera que, si fuere posible, qualquier persona que entienda el castellano alcance bien lo que quiero dezir. <...> ¿Qué más autoridad queréis que el uso de la pronunciación?³¹⁵

когда я берусь писать на кастильском, в мои намерения входит не считаться с латынью, а выразить собственное суждение таким образом, чтобы, по возможности, любой человек, понимающий кастильский язык, понял и меня. <...> Что более доказательное вы предложите, если не действительное произношение? (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 90-91).

Таким образом, идеал Вальдеса – это соответствие письменной и устной

³¹⁴ “Sí que la tengo [la lengua castellana por elegante y gentil], también la tengo por más vulgar, porque veo que la toscana está ilustrada y enriquecida por un Boccaccio y un Petrarca, los cuales, siendo buenos letrados, no solamente se preciaron de escribir buenas cosas, pero procuraron escribirlas con estilo muy propio y muy elegante; y, como sabéis, la lengua castellana nunca ha tenido quien escriba en ella con tanto cuidado y miramiento cuanto sería menester para que hombre, queriendo o dar cuenta de lo que escribe diferente de los otros, o reformar los abusos que hay hoy en ella, se pudiese aprovechar de su autoridad”. – Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 10.

³¹⁵ В тексте также встречаем неоднократно: “Y en esos [vocablos] mucho mejor quiero guardar mi regla de escribir como pronuncio”.

речи по формулам «пишу, как произношу» (т.е. следование фонетическому принципу орфографии) и «пишу, как говорю», т.е. отказ от вычурности и надуманности письменной речи по отношению к устной.

Такое видение письменной речи как отражение на бумаге речи устной (в купе с еще не устоявшейся орфографической нормой) делает неизбежным для Вальдеса частое их соединение и взаимозаменяемость. В тексте «Диалога» встречается большое число контекстов, где лексема «говорить» (*decir*) и «писать» (*escribir*) выступают как полные контекстные синонимы, например: “y así, siempre que es verbo la *escribo* con h, y *digo*: Quien ha buen vezino, ha buen maitino, y también: Quien asnos ha perdido, cencerros se le antojan, y quando es preposición *escrívola* sin h, *diziendo*: A buen callar llaman sancho, y también: A carne de lobo, salsa de perro, y: A perro viejo no cuzcuz”³¹⁶.

Это говорит о том, что все-таки гуманист не до конца разграничивал данные понятия и сферы их употребления.

б. Употребление дискурсивных слов

В контексте стилистики речи Вальдес приводит некий список грамматически избыточных слов, помогающих говорящему сгладить свою речь³¹⁷.

В современной Вальдесу терминологии еще отсутствует обозначение для подобных слов, поэтому гуманист всего лишь называет их опорой глупцов:

Valdes. – Pero essotras partezillas son bordones de necios. <...> [Son] esas palabrillas y otras tales que algunos toman a que arrimarse cuando, estando hablando, no les viene a la memoria el vocablo tan presto como sería menester.

Вальдес. – Но эти словечки – спасенье для глупцов. <...> эти словечки и другие похожие, с помощью которых некоторые люди спасаются, когда говорят и никак не могут вспомнить нужное, подходящее слово (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 153).

Сходного мнения придерживается и Д. Фриас и отзывается о таких словах, как о костыле для хромого: “los que mucho usan de superlativos es por ser faltos y

³¹⁶ Полный текст цитаты см. на стр. 123.

³¹⁷ Мы не останавливаемся на вопросе терминологического обозначения данных единиц в современной лингвистике, т.к. это является отдельным серьезным вопросом для дискуссии.

pobres de copia, y así se acogen luego a ellos como a bordón de cojos»³¹⁸.

В таком контексте, несмотря на отсутствие у гуманистов термина для обозначения подобной лексики, однозначно можно судить, каково мнение теоретиков языка об этом языковом явлении: использование таких словечек – признак недалекого ума и отсутствия смекалки.

Среди таких слов Вальдес называет следующие:

- *entendéisme?*

os lo dicen muchas vezes, sin aver cosa que importe entenderla o que sea menester mucha atención para alcançarla, por donde conocéis que no os preguntan si los entendéis por dubda que tengan dello, sino porque, mientras os preguntan aquello, les venga a la memoria lo otro.

вам это часто говорят, когда нет самой вещи, которую нужно понять, или она не требует такого большого внимания, чтобы ее постигнуть. Из этого становится ясно, что вам задают этот вопрос не из-за действительных сомнений, а потому, что пока вас спрашивают это, им на ум приходит что-нибудь другое (Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 153-154).

- *no sé si m'entendéis* (хотя прекрасно понятно, что их поняли)
- *¿estáis conmigo?*, синоним для *entendéisme?*
- *pues* или *tal* (и повторяют их столько раз, что раздражают вас донельзя)
- *aqueste* (используют больше, чем верховую лошадь)
- *allí* (многие вставляют через каждое слово)
- *tomé/tomamos: tomamos y venimos* (а если спросишь у них, что они взяли, не могут и ответить)

Итальянцы отмечают, что ни разу не слышали их от самого гуманиста, в то время как остальные их широко используют. Однако почти все из них Вальдес использует в «Диалоге», а, например, выражение *no sé qué* до этого места диалога было произнесено около десяти раз. Возможно, это следствие невнимательной редакции автора.

³¹⁸ "Carta de Damasio, para el secretario Palomino y Jerónimo de los Ríos y el bachiller Rivera", f. 24v. – Цит. по: María S. Salazar Ramírez. *Las cartas de controversia literaria en el MS 570 BPM y Damasio de Frías* (Teoría literaria y praxis retórico-epistolar). Tesis de la Universidad Complutense de Madrid, Facultad de Filología, Departamento de Filología Románica, leída el 13-06-1997. P. 105.

2. Проблема перевода

Параллельно с этими рассуждениями Вальдес заявляет, что почти невозможен адекватный перевод с одного языка на другой, и всегда происходит потеря либо смысла, либо формы.

При переводе главным для Вальдеса предстает умение произвести транспозицию смысла, адекватно перекладывая его на другой язык согласно особенностям данного языка (языка перевода)³¹⁹. То есть задачей переводчика становится не калькировать конструкции и форму языка, но передать мысль³²⁰. Главное для переводчика – не привнести нечто новое, чего не имел в виду автор. Сходное замечание встретится, например, и у Ж. Дю Белле в его сочинении 1549 г.: «И я никогда не поверю, что можно все это хорошо усвоить с помощью переводов, потому что невозможно передать все это с той же грацией, с какой сделал это сам автор; тем более, что каждый язык имеет нечто свойственное только ему, и, если вы попытаете передать это на другом языке, соблюдая законы перевода, которые заключаются в том, чтобы не выходить за рамки, установленные автором, ваш перевод будет принужденным, холодным и лишенным грации»³²¹.

Такое понимание перевода является характерным для эпохи Возрождения, когда «переводчики, многие из которых были известными писателями, поэтами и учеными, перестают ощущать себя скромными копиистами оригинальных текстов и в своих переводах более или менее осознанно нарушают правила, установленные непререкаемыми прежде авторами античности – Цицероном и

³¹⁹ Marcio. – Si el estilo castellano no es mejor para castellano que el latino para latino, poco hizo el que romançó – Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua*, 1946. P. 171.

³²⁰ Porque si uno traduze aquello de Terencio: *Idne estis auctores mihi?* no queriendo apartarse de la letra, avrá de dezir *¿Desto me sois autores?* y assí no s'entenderá lo que el poeta quiso dezir, pero, si, escribiendo de su cabeça, querrá dezir aquella mesma sentencia, dirá: *¿Esto me aconsejáis a mí?*, y es lo mesmo que sintió el poeta, aunque se dize por otras palabras – *Ibid.* P. 172.

³²¹ Дю Белле Ж. Защита и прославление французского языка. Вступ. ст. И. Подгаецкой. ч. 1. Перевод А. Михайлова; ч. 2. Перевод М. Толмачева // *Эстетика Ренессанса: Антология*. В 2-х т. Т. 2 / Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1980. С. 242.

св. Иеронимом»³²².

Кроме того, перевод на кастильский язык особенно сложен, уверен Вальдес, по причине обилия в нем метафор, которые придают языку такое изящество. И переводчик, стараясь не употреблять в кастильском переводе больше метафор, чем он находит в оригинале, сталкивается с большими трудностями: придать изящество и блеск другими средствами.

V. Проблемы лингводидактики в «Диалоге о языке»

1. «Диалог о языке» – пособие по кастильскому как иностранному

Фактически кастильский язык как иностранный язык – это основной объект разговора в диалоге. А все пассажи и рассуждения Вальдеса направлены на объяснение и иллюстрацию какого-либо факта кастильского языка (а иногда и его истории).

Благодаря дидактической направленности сочинения как помощи иностранцам в изучении кастильского языка, «Диалог о языке», с одной стороны, продолжает линию, начатую А. де Небрихой в пятой части его «Грамматики», а с другой стороны, предвосхищает другие грамматические труды, посвященные кастильскому как иностранному: анонимные грамматик 1550 и 1555 гг., изданные в Нидерландах, работы Хименеса Патона и Гонсало Корреаса.

В связи с тем, что «Диалог о языке» предназначен для иностранцев, можно отметить несколько особенностей этого сочинения, которые указывают на обучающий характер последнего.

Как отмечено выше, текст сочинения – это запись диалога, который представляет собой обсуждение, пояснение и комментирование неких топиков и

³²² Оболенская Ю. Л. Хуан Луис Вивес и европейская переводческая традиция // Ломоносовские чтения 1994 / Под общ. ред. М. Л. Ремнёвой. – М.: Филология, 1994. С. 55.

Это представление Вальдеса о наиболее адекватном и должном переводе, соответствует выделенному Л. Вивесом типу перевода (L. Vives, De recte Ratione Dicendi (1532)), где важным остается, как передать содержание, так и не утерять форму переводимого текста. – Там же.

вопросов о языке, что напоминает современные коммуникативные методы преподавания языка, основа которых – непосредственное коммуникативное взаимодействие учителя и ученика в процессе обучения. «Диалог о языке» фактически оформлен в форме вопроса-ответа, что отсылает читателя к средневековой традиции катехизиса. ДЯ можно сравнить со средневековым трактатом, т.к. основное место занимают ответы Вальдеса на частные вопросы об употреблении языка, а также вопросы языковой теории. В целом, в труде Вальдеса формулируются и филологические воззрения ученого.

Морено Вилья называет «Диалог» первым трактатом об испанском языке, отмечая его ценность с литературной и филологической точек зрения³²³.

Общая цель беседы – обучающая, объясняющая, т.е. дидактическая предпосылка, казалось бы, превалирует над остальными.

Обе стороны по мере протекания «занятия» формируют «план урока» в современном понимании, адекватный данным обстоятельствам и речевой ситуации. В этом контексте можно рассматривать «Диалог» как письменно оформленное практическое занятие по языку, где рассматривается определенный набор топиков и тем. А Вальдес ведет себя, как учитель, выбирая способы выражения и повествования, наиболее подходящие собеседникам и облегчающие понимание³²⁴.

Кроме того, из характера сочинения следует, что самый действенный для Вальдеса способ изучения иностранного языка (в данном случае обсуждаемого кастильского) – это прямое общение с носителями этого языка, в чем мнение Х. де Вальдеса совпадает с предпочтениями Луиса Вивеса, который признавал необходимость практического овладения языком³²⁵.

³²³ Морено Вилья, пролог к: Valdés, Juan de (1919). *Diálogo de la lengua* / Prólogo de J. Moreno Villa. P. 18.

³²⁴ Слова Б. Виффена. – Valdés, Juan de. *Alfabeto Christiano which teaches us the true way to acquire the light of the Holy Spirit. From the Italian of 1546; with a notice of Juan de Valdés and Giulia Gonzaga* / Benjamin W. Wiffen (ed.). London: Bosworth & Harrison, 1861. P. 198.

³²⁵ "Nec mihi sane nimia illa praeceptorum observatio, ut exposui, placet, et si populum haberemus vel Latine loquentem, vel Graece, mallet cum eo annum unum ad linguam illam percipiendam versari, quam sub eruditissimis ludimagistris

2. Экземплификация в «Диалоге о языке»

Для облегчения понимания Вальдес использует как просто словесные иллюстрации (различные примеры), так и приводит доводы и пространные рассуждения, указывающие на логику и природу явления (см., например, выше, случай с арабскими словами в разделе об истории кастильского языка).

Грамматический пример играет важную роль в построении авторского дискурса. Это словесные иллюстрации авторского положения, приводимые в тексте сочинения, т.е. любой словесный пример, используемый в качестве такового кем-либо из участников диалога, имеющий место в корпусе «Диалога». Примеры разнообразны по объему и составу, наделены определенными функциями³²⁶.

С одной стороны, примеры в «Диалоге о языке» дополняют теорию «живым» материалом. Фактически корпус примеров по объему достигает чуть ли не половины всего текста. Не стоит забывать, что даже если какой-либо пример звучит из уст собеседников Вальдеса (т.е. Вальдеса-персонажа), то это тоже подчинено прагматической установке Вальдеса-автора «Диалога». Несмотря на то, что Вальдес правил свой текст, подходя к его написанию как к написанию, в частности, литературного произведения, т.е. отображая характеры и черты персонажей и добавляя ремарки сюжетного характера, «Диалог» по построению оставляет впечатление живо текущего разговора. Поэтому Вальдес-персонаж, вслед за Вальдесом-автором, позволяет себе недосказывать мысль там, где он этого не хочет, или ограничиваться примером, не очень понятным его собеседникам, но зато вполне удовлетворяющим самого гуманиста.

С другой стороны, имея в виду именно смысловую наполненность разговора, можно рассматривать «Диалог» как непосредственно корпус примеров к определенному числу языковых явлений, расширенный некоторым количеством

annos decem; nunc vero quum sub civitatem nullam habeamus vel Graecae linguae, vel Latinae, vel Hebraicae, quorum tandem usu discemus linguas has" – De Causis Corruptarum Artium // Joannis Ludovici Vivis Valentini. Opera omnia, distributa et ordinata in argumentorum classes praecipuas a Gregorio Majansio... ; item Vita Vivis scripta ab eodem Majansio... T. VI, 1785. P. 82-83.

³²⁶ О функциях грамматических примеров в первых грамматиках романских языков см.: Кистерева М. Э. Указ. соч.

комментариев-связок и пояснений к использованию данных конкретных примеров-иллюстраций.

В этом отношении «Диалог о языке» Вальдеса сходен с современными пособиями типа «Трудные случаи употребления глагола в испанском языке», «Словарь трудностей русского языка», «Беседы о русском языке» и проч. Интересно упомянуть в данном контексте, что некоторые исследователи не включают «Диалог» в число грамматик испанского языка для иностранцев именно из-за такой формы изложения и построения: “porque, aunque contenga algunas reglas y preceptos prácticos, éstos están diluídos a lo largo de un texto conversacional que se aleja de lo que pudiera ser considerado útil como manual sistematizado de pautas y normas lingüísticas claras y directas”³²⁷. Но, как замечает М. М. Раевская, начиная с грамматики Небрихи латинский термин *grammatica* вместо «средневекового» значения «*conocimiento de latín*» приобретает новое: «свод правил»³²⁸. «Диалог» Вальдеса вполне можно назвать сводом правил по определенным языковым вопросам.

При анализе терминологического аппарата грамматических примеров первых грамматик романских языков М. Э. Кистерева отмечает, что в некоторых случаях грамматисты «при рассмотрении термина сознательно не указывают на его происхождение», и приводит реплику из «Грамматики португальского языка» Ж. Барруша³²⁹, в которой он объясняет понятие числа через конкретный пример³³⁰. В случае с Вальдесом необходимо отметить, что большинство ответов на языковые вопросы гуманист преподносит в виде примеров употребления. Этот факт можно причислить к сознательным приемам автора: упростить и облегчить восприятие факта.

Согласно объекту иллюстрации или, другими словами, предмету иллюстрации, можно разделить приводимые Вальдесом примеры следующим образом:

³²⁷ Sánchez Pérez A. Op. cit. P. 24.

³²⁸ Раевская М. М. Указ. соч. С. 26.

³²⁹ Barros J. de. Gramática da lingua portuguesa, 1540.

³³⁰ Кистерева М. Э. Указ. соч. С.131.

1. Собственно грамматические:
 - а. Частеречные.
 - б. Синтаксические.
2. Орфографические.
3. Лексикологические:
 - а. Лексические.
 - б. Стилистические.

Эта классификация отражает «практическую» сторону содержания сочинения, которая рассмотрена нами во второй главе настоящей диссертации.

Многие из примеров могут быть отнесены одновременно к нескольким подпунктам данной классификации, т.к. объяснение одного положения зачастую вовлекает собеседников в разговор о других языковых явлениях, так или иначе с ним связанных.

Все примеры-иллюстрации в «Диалоге о языке» представляют собой разные по объему и характеру образования. Среди них присутствуют отдельные бесконтекстные слова или формы слов, словосочетания и фразы (т.е. уже объясняющие контекстное сочетание единиц синтагмы), отдельные синтаксические отрывки, представляющие собой полные паремии, строки или строфы из песенных стихотворных жанров или цитаты из прозаических произведений.

Большинство словесных иллюстраций – это единицы фольклорного происхождения, а именно пословицы и поговорки, а также немного менее частотные коплы и баллады. В этом прослеживается ориентировка Вальдеса на языковой авторитет этих единиц, а также на облегчение устного восприятия примера как такового собеседниками.

При рассмотрении этого сочинения как некоего пособия по иностранному языку (кастильскому) можно отметить следующее.

С одной стороны, исходя из контекста формирования испанской грамматической традиции путем определения языковых норм, их фиксации и определения классического фонда литературы на языке, «Диалог» следует в этом

направлении, отображая и фиксируя идеи Вальдеса по поводу языковой нормы и статуса языка (“intento de buscarle al castellano una noble cuna”³³¹).

С другой же стороны, «Диалог» можно рассматривать как первое в своем роде учебное пособие по кастильскому языку для иностранцев, если не считать за таковое отдельный раздел «Грамматики» Антонио де Небрихи (“Libro quinto. De las introducciones de la lengua castellana para los que de estraña lengua querrán deprender”).

³³¹ Girón Alconchel José L.. Nebrija y las gramáticas del español en el siglo de oro // History of Linguistics in Spain/Historiade la Lingüística en España, Vol.II, ed. by E.F.K.Koerner, Hans-Josef Niederehe, Amsterdam/Philadelphia, 2000. – P. 69.

Выводы ко второй главе

В результате анализа, посвященного вопросам прикладного характера, в противоположность теоретическим воззрениям Вальдеса, которым посвящена предыдущая глава, – они были нами разделены по содержательному принципу на грамматические (морфологические и синтаксические), орфографические, лексикологические и стилистические.

Несмотря на то, что отличительной особенностью построения «Диалога о языке» Х. де Вальдеса является неточность структуры и некоторая спорадичность расположения вопросов, в обсуждениях персонажей затрагиваются почти все уровни языка: грамматика (морфология частей речи и элементы синтаксиса), лексика и орфография, стилистика.

Х. де Вальдес понимает *грамматику* как некий свод правил, знание которых необходимо для правильного использования языка. Последнее, по Вальдесу, обуславливает коммуникативный успех говорящего.

Вальдес формулирует три основных правила грамматики: знание этимологии слова, правильное согласование артикля с именами, правильная постановка ударения в слове.

Такая формулировка свидетельствует о том, что у Вальдеса отсутствует философское осмысление грамматики как строгой системы, но гуманист рассматривает грамматику лишь с прикладной точки зрения как свод правил для приобретения «правильного» стиля речи и, следовательно, успешной коммуникации.

Количество выделяемых Вальдесом частей речи весьма трудно определить однозначно, так как гуманист касается отдельно не всех частей речи конкретно. В целом, среди частей речи и их акциденций у Вальдеса фигурируют следующие наименования: имя (в частности, имя, обозначающее число), местоимение, артикль, глагол, предлог, наречие, союз, междометие (*nombre* (*nombres que significan número*), *pronombre*, *artículo*, *verbo*, *preposición*, *adverbio*, *conjunción*,

interjección).

На *синтаксическом уровне* Вальдес, также как и в других вопросах, следует линии упрощения и делатинизации, отказа от калек, чуждых его родному языку и отрицательно влияющих на смысловое содержание речи и письма (в частности, гуманист неоднократно обращается к синтаксису местоимений и предлогов при глаголе и именах, оспаривает уже неоправданное использование, в подражание латыни, конструкций отрицания и гипербатона, не свойственных живому кастильскому языку).

На страницах сочинения гуманист довольно подробно останавливается на *графике* родного кастильского языка.

Кастильский алфавит, по Вальдесу, насчитывает 26 символов, три из которых (j, ç, ñ) отсутствуют в латыни, а также в «Грамматике кастильского языка» А. де Небрихи.

Интересно отметить отношение Вальдеса к «буквам Рамуса». Что касается гласных *i / j*, Вальдес четко разграничивает их дистрибуцию, причем добавляет в этот ряд *u* («греческую и»), которой придает большое значение, в чем расходится с Небрихой (который находил ее ненужной). В случае с графемами *u / v* Вальдес закрепляет за первой из них гласный звук, а за второй – согласный (окончательно их дистрибуция впоследствии будет закреплена Л. Мегре и П. Рамусом во второй половине XVI в.).

Вальдес также уделяет внимание диакритикам и акцентуации, но в целом терминология гуманиста не представляет собой системно разработанного аппарата.

Главным *орфографическим* принципом для Вальдеса, вслед за Небрихой, является фонетический: «пишу, как произношу» (“*escribo como hablo*”). Данный принцип подчеркивает главным образом самостоятельность кастильского языка по отношению к латинскому и его право на собственное развитие и нормы.

Однако в некоторых случаях наравне с принципом «пишу, как произношу», Вальдес руководствуется этимологией слова (как правило, латинской), то есть традиционным принципом, вследствие чего его «личная орфография» может

расходиться с принятым узусом.

Таким образом, при определении орфографической нормы Вальдес руководствуется традиционным и фонетическим принципами, с опорой, главным образом, на последний. Это – факт отсутствия четких однозначных критериев в сознании гуманиста относительно орфографической нормы современного ему кастильского языка.

Лексический состав кастильского языка, в понимании Вальдеса, неоднороден и содержит следующие элементы: латинский (основной словарь кастильского языка), арабский (Вальдес определяет четкие правила опознания таких слов), древнегреческий, итальянский, древнееврейский, а также пласт собственно кастильских слов, не имеющих аналогов в латыни и др. языках.

В грамматическом описании Вальдеса нами выявлена стилистическая классификация лексики кастильского языка: в терминологическом инструментарии гуманиста присутствуют заимствования, архаизмы, обсуждается полисемия как феномен языковой практики.

Кроме того, словарный запас кастильского языка разделен фактически на активный и пассивный (включая экзотизмы), обсуждаются лексические дублиеты с точки зрения их стилистического использования.

Большое значение Вальдес придает *стилю* речи, особенно письменной.

Стиль, в понимании Вальдеса, с одной стороны, представляет собой манеру говорить и писать, которую характеризуют индивидуальность, врожденность и естественность по отношению к ее обладателю.

С другой стороны, стиль можно воссоздать или сформировать, согласно адресату и содержанию сообщения. Таким образом, Вальдес намечает возможность и необходимость разграничения функциональных стилей речи.

Наряду с терминами устной и письменной речи (“el hablar”, “el escribir”) Вальдес оперирует понятием “el conversar”, которое применимо к языковому взаимодействию социально детерминированных коммуникантов в определенном коммуникативном контексте. Таким образом, Вальдес намечает разграничение регистров речи и лингвопрагматический аспект языковой практики.

Вальдес выступает за соответствие устной и письменной речи, которое заключается в том, чтобы письменная речь (будь то проза или поэзия) походила на устную и воспринималась так же легко и просто, то есть обладала таким же «правильным» стилем.

На страницах «Диалога о языке» Вальдес фактически противопоставляет просторечие и язык образованных кругов (которые, очевидно, Вальдес ассоциирует с придворными кругами) с точки зрения стиля.

Показатели хорошего стиля – это правильное использование лексических, стилистических и других средств выразительности языка, которое Вальдес ограничивает прагматически и эстетически: понятность, краткость и простота в изложении, раскрывающие, тем не менее, богатство и полноту языка.

В критических замечаниях Вальдеса обрисовано и его понимание «неправильного стиля», главными характеристиками которого выступают излишняя латинизированность, перегруженность, безответственность автора по отношению к изображаемому.

Несмотря на то, что применительно к некоторым языковым категориям идеи Вальдеса несут в себе зерно «универсализма», Х. де Вальдес считает важным, что каждый язык располагает набором присущих лишь ему характерных черт (“*propiedades*”), которые определяются географией, культурным и политическим климатом на территории его распространения.

Этот факт, в частности, делает невозможным, по мнению гуманиста, *перевод* с одного языка на другой без некоторых уступок. Задача переводчика сводится к переносу содержания из одного языка в другой без привнесения лишних оттенков в соответствующей языку-приемнику форме.

Основной объект разговора в диалоге – *кастильский язык как иностранный*, что определяет фокус его «изображения» в сочинении и дидактическую окрашенность общего дискурса. Это ставит «Диалог о языке» Х. де Вальдеса в один ряд с работами, посвященными кастильскому языку как иностранному (пятая

книга «Грамматики» А. де Небрихи, анонимные грамматики кастильского языка для иностранцев 1550 г. и 1555 г., изданные в Нидерландах³³²).

Текст сочинения, как было сказано выше, – это запись диалога, который представляет собой обсуждение, пояснение и комментирование неких топиков и вопросов о языке, что напоминает современные коммуникативные методы преподавания языка, основа которых – непосредственное коммуникативное взаимодействие учителя и ученика в процессе обучения. «Диалог о языке» фактически оформлен в форме вопроса-ответа, что отсылает читателя к средневековой традиции катехизиса.

Кроме того, из характера сочинения следует, что самый действенный для Вальдеса способ изучения иностранного языка (в данном случае обсуждаемого кастильского) – это прямое общение с носителями этого языка.

Анализ текста диалога показал, что основной инструмент объяснения и иллюстрации Вальдеса – *пример* (словесная иллюстрация авторского положения, приводимая в тексте «Диалога»), который наделен, в частности, иллюстративной и стилистической функциями.

В качестве примеров Вальдес использует различные по объему и характеру образования: отдельные бесконтекстные слова или формы слов, словосочетания и фразы, отдельные синтаксические отрывки, представляющие собой полные паремии, строки или строфы из песенных стихотворных жанров или цитаты из прозаических произведений.

Большинство словесных иллюстраций – это единицы фольклорного происхождения, а именно пословицы и поговорки, а также немного менее частотные коплы и баллады. В этом прослеживается ориентировка Вальдеса на языковой авторитет этих единиц, а также на облегчение устного восприятия собеседниками примера как такового.

³³² A. de Nebrija, “Gramática de la lengua castellana”, 1492. “Libro quinto. De las introducciones de la lengua castellana para los que de estraña lengua querrán aprender”.

F. Laurentius a Villavicentio (?), “Vtil y breve institution para aprender los principios de la lengua hespañola”, 1550.

Anónimo de Lovaina, “Util y breve institución para aprender los principios y fundamentos de la lengua Hespañola”, 1555.

Согласно объекту иллюстрации примеры были разделены нами на собственно грамматические (частеречные, синтаксические), орфографические, и лексикологические (лексические, стилистические).

С одной стороны, примеры в «Диалоге о языке» дополняют теорию «живым» материалом.

С другой стороны, имея в виду именно смысловую наполненность разговора, можно рассматривать «Диалог» как непосредственно корпус примеров к определенному числу языковых явлений, расширенный некоторым количеством комментариев-связок и пояснений к использованию данных конкретных примеров-иллюстраций.

Кроме того, возможно говорить о «Диалоге о языке» как о своде правил по определенным языковым вопросам, а также классифицировать «Диалог» как первое в своем роде учебное пособие по кастильскому языку для иностранцев, если не считать за таковое пятую главу «Грамматики кастильского языка» Антонио де Небрихи).

Таким образом, Вальдес смог в своем сочинении обозначить некоторые аспекты теории языка и его преподавания (коммуникативная парадигма, практический подход), ставшие лишь спустя длительное время частью филологических исследований и использующиеся в сфере преподавания языка вплоть до сегодняшнего дня.

Заключение

В ходе проведенного исследования были рассмотрены характерные для языкового сознания Хуана де Вальдеса особенности, лежащие в основе понимания испанским гуманистом языка, его онтологии, использования языка носителями и иностранцами, т. е. соображения гуманиста в области теории и практики языка, а также выделены закономерности, которые могут быть полезны при изучении других авторов диалогов о языке и грамматических работ эпохи Ренессанса.

1. Хуан де Вальдес стоит в одном ряду с авторами апологий народных языков в Европе и становится прямым наследником Антонио де Небрихи на поприще прославления народного кастильского языка и нормализации его употребления. А в «Диалоге о языке» раскрывается собственное лингвистическое учение Х. де Вальдеса.

Общий круг вопросов, удостоенных внимания гуманиста, совпадает с интересами теоретиков языка Возрождения.

2. Однако изменившийся исторический контекст, социальный и культурный климат обуславливают оригинальность и своеобразие лингвистического учения Вальдеса, связанного и непосредственно с характером автора.

В лингвистическом учении Вальдеса, применимо к различным категориям и понятиям грамматического описания, прослеживаются черты «универсализма» (в частности, в теории стиля), а также некоторые идеи, присущие историческому подходу в описании языков (в частности, рассмотрение языкового родства и эволюции).

Вальдес более свободно относится к выбору формы и жанровых рамок написания. «Диалог о языке» не имеет четкой структуры, однако в целом выделяются разделы: происхождение языков Испании (*Orígen de la lengua*), грамматика (*Gramática*), орфография (*Letras*), слог (*Sílabas*), слово (*Vocablos*), стиль (*Estilo*), образцовая литература (*Libros*), кастильский в ряду других

романских языков (*Conformidad de las lenguas*). Сочинение обнаруживает признаки текстов различной стилистики и жанровой принадлежности: научной, художественной и философской литературы.

Кроме того, нам представляется особо важным выделить следующие черты языковой личности и характера Х. де Вальдеса, главным образом определяющие его отношение к языку:

- склонность к иронии и сарказму в сочетании со скепсисом

В «Диалоге о языке» прослеживается линия «недоверия» к латыни и тем, кто до сих пор руководствуется ее идеалами; приоритет собственного мнения Вальдеса в выборе средств языка оспаривается только узусом и лишь частично; в разговоре Вальдес постоянно проявляет свое чувство юмора в адрес как друзей, так и классических авторов или того же А. де Небрихи, причем собеседники почти не уступают ему.

- особый интерес и любовь к разговорному языку и фольклорной традиции как кладезю народной мудрости и показателю традиционной преемственности языка

Большинство словесных иллюстраций, использованных гуманистом в тексте «Диалога», относятся к фольклорным жанрам (паремии, песенные жанры).

Кроме того, в тексте прослеживается личностное отношение к таким единицам, выраженное в способах подачи этих примеров и в обсуждении таковых.

- отсюда вытекает и неоднозначное отношение Х. де Вальдеса к определению языковой нормы

С одной стороны, гуманист не может не опираться на речь придворных кругов и образованной публики как минимум из-за того, что сам является частью их общности.

С другой стороны, он опирается также на узус более «народный» (в противовес придворному), т. е. речь простонародья, выходцев из более низких классов.

Поэтому языковая норма складывается из этого соединения одновременно речевого обихода, идущего «сверху» и «снизу», с литературным началом и

компетенцией говорящего (его вкусом и чутьем).

- Вальдес был мастером художественного слова и смотрел на окружающую жизнь как драматург. Поэтому в «Диалоге о языке», а также в своих сочинениях этико-философского и религиозного характера, гуманист часто допускает игру смыслов и неоднозначность понимания того или иного факта

Примером этому в «Диалоге о языке» может служить, во-первых, вопрос о реальности прототипов (который, скорее всего, объясняется общей тенденцией гуманистов к вымышленной правдоподобности, однако, невозможно совсем исключить факт того, что в характере персонажей и их взглядах на язык Вальдес действительно передал особенности мышления своих друзей-прототипов).

Во-вторых, постоянное принижение Вальдесом роли Небрихи в развитии языковой теории, основанное якобы лишь на андалузском происхождении Небрихи (который выбрал именно этот диалект полуострова объектом своего описания и восхваления), предполагает некоторое знакомство с наследием гуманиста из университета Саламанки. Но Вальдес уверяет собеседников, что даже не читал его «Грамматики».

Вопрос отображения реального авторского «я» в «диалоге о языке» остается открытым и требует дальнейшей тщательной проработки.

3. Языковая норма для Вальдеса связана с понятием «грамматической правильности» и определяется придворным узусом (т. е. речевым обиходом), народным узусом (речью простонародья), адаптацией классической литературой, собственным чутьем и языковой компетенцией говорящего его (эстетическим чувством). Так, норма рассматривается Вальдесом во многом с социолингвистической позиции.

4. Понятию грамматики Вальдес отказывает в точной формулировке. Однако анализ «Диалога» показал, что грамматика представляет собой для гуманиста некий свод правил, которые обуславливают норму пользования языком и обеспечивают обладание «правильным» стилем речи и, следовательно, коммуникативный успех говорящего.

5. Особое внимание Вальдес уделяет разработке теории стиля: гуманист

устанавливает корреспонденцию между устной и письменной речью (“el hablar”, “el escribir”, “el conversar”); не только разграничивает понятия хорошего и «неправильного» стиля речи, но и фактически закладывает основы разделения функциональных стилей и регистров речи с опорой на коммуникативный и лингвопрагматический аспекты языковой деятельности.

6. Делатинизация языка на всех уровнях становится определяющим для Вальдеса фактором использования народного языка.

В стремлении очистить кастильский язык от уже чуждых ему латинизированных конструкций и избегать ненужных калек Вальдес, с одной стороны, разделяет распространенную среди гуманистов позицию и оказывается в одном лагере с Эразмом Роттердамским, Гуарино Гуарини, Лоренцо Валлой. С другой стороны, гуманист выступает в этом вопросе против Антонио де Небрихи (в творчестве которого прослеживается неукоснительный авторитет латыни) и лагеря цицеронианцев, преданных классическим латинским идеалам.

7. Основным объектом обсуждения в «Диалоге» становится кастильский язык как иностранный, что определяет практический, прикладной характер «Диалога о языке».

Словесные иллюстрации, т. е. примеры, играют роль основного дидактического инструмента автора.

Согласно объекту экзemplификации примеры были нами классифицированы следующим образом: собственно грамматические (частеречные, синтаксические), орфографические, лексикологические (лексические, стилистические).

Большинство примеров имеет фольклорное происхождение (паремии, народные песенные жанры), что доказывает особую значимость для Вальдеса народной традиции в языке и языковой практике.

Такие дидактические особенности «Диалога» позволяют назвать его 1) сборником примеров к определенному числу языковых явлений, а также 2) первым пособием по кастильскому языку как иностранному, если не считать

таковым пятую книгу «Грамматики кастильского языка» (1492 г.) А. де Небрихи³³³.

Хуан де Вальдес в «Диалоге о языке» обозначает и внедряет некоторые идеи в области как теории, так и преподавания языка, получившие развитие лишь в последующие эпохи, и продолжением которых стали современные методы преподавания иностранных языков (практический коммуникативный подход, лингвопрагматика).

Наследие Хуана де Вальдеса повлияло не только на развитие этико-философских кружков Европы, но и, конечно же, на лингвистическую традицию. Вальдес стал одним из первых мыслителей в теории испанского языка, а также его преподавания как иностранного. Х. М. Лопе Бланч называет Х. де Вальдеса одной из самых выдающихся и повлиявших на гуманизм личностей эпохи.

По словам Рафаэля Лапесы, именно с Хуана де Вальдеса и Гарсиласо де ла Веги начинается складываться кастильский язык классического периода³³⁴.

Проведенное исследование показывает, что языковая личность Вальдеса весьма своеобразна и самобытна. А сочинение Х. де Вальдеса «Диалог о языке» стало важным шагом в определении курса нормализации кастильского языка и обозначенные в лингвистическом учении Вальдеса идеи и принципы явились фундаментом для плодотворного развития в дальнейшей лингвистической традиции.

Полученные выводы и методика анализа могут представлять интерес для изучения других трудов Хуана де Вальдеса как памятников кастильского языка XVI в., а кроме того, работ других грамматистов эпохи Ренессанса, которые внесли вклад в разработку теории языка и грамматического описания.

³³³ "Libro quinto. De las introducciones de la lengua castellana para los que de estraña lengua querrán deprender".

³³⁴ Lapesa R. Historia de la lengua española. Madrid: Escelicer, 1959. P. 205.

Библиография

1. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики / В. Г. Адмони. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 104 с.
2. Алпатов, В. М. История лингвистических учений / В. М. Алпатов – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 368 с.
3. Андреев, М. Л. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения / М. Л. Андреев, Р. И. Хлодовский. – М.: Наука, 1988. – 293 с.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – 571 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С.Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
6. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Худож. Лит., 1975. – 504 с.
7. Будагов, Р. А. Писатели о языке и язык писателей / Р. А. Будагов. – М.: Изд. Московского Университета, 1984. – 299 с.
8. Будагов, Р. А. Язык, история и современность / Р. А. Будагов. – М.: изд. Моск. ун-та, 1971. – 300 с.
9. Будагов, Р. А. История слов в истории общества / Р. А. Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
10. Бурсье, Э. Основы романского языкознания / Э. Бурсье. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 680 с.
11. Введение в романскую филологию: Учеб. / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2007. – 453 с.
12. Виноградов, В. С. Курс лексикологии испанского языка: Учеб. для университетов / В. С. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1994. – 192 с.
13. Виноградов, В. В. История лингвистических учений: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / В. В. Виноградов. – Сост. Ю. А. Бельчиков; Предисл. Ю. В. Рождественского. – М.: Высш. школа, 1978. – 367 с.

14. Волков, А. А. Язык и мышление. Мировая загадка / А. А. Волков. – М.: URSS, 2007. – 240 с.
15. Вольф, Е. М. Формирование романских литературных языков. Португальский язык / Е. М. Вольф. – М., 1983. – 211 с.
16. Вольф, Е. М. История португальского языка: учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. Яз. / Е. М. Вольф. – М.: УРСС, 2002. – 264 с.
17. Всеобщая история искусств. Т. 3. Искусство Возрождения / Под общ. ред. Ю. Д. Колпинского и Е. И. Ротенберга. – М., 1962. – 530 с.
18. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
19. Гой еси вы, добры молодцы: Русское народно-поэтическое творчество / Сост. П. С. Выходцев и Е. П. Холодова. – М., 1979. – 400 с.
20. Горлов, Б. В. Два хронотопа испанской культуры: эстетические доминанты: "Золотой век" и "Авангард" первой трети XX в.: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Горлов Борис Викторович. – М., 2006. – 201 с.
21. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой; предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 528 с.
22. Григорьев, В. П. История испанского языка / В. П. Григорьев. – М.: КомКнига, 2006. – 176 с.
23. Гринев-Гриневич, С. В. Основы семиотики: учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.
24. Грошева, А. В. Грамматические учения западноевропейского средневековья / А. В. Грошева // История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л., 1985. – С. 208-242.
25. Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / Сост., авт. вступ. ст., отв. ред. Л. М. Брагина. Науч. совет «История мировой культуры» . – М.: Наука, 2004. . – 356 с.

26. Гуревич, Д. Л. Отношение к языковой норме и критерии нормализации португальского языка Бразилии / Д. Л. Гуревич // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 149–154.
27. Гурьянова, Т. Н. «Новое благочестие» и его роль в становлении гуманистического движения Германии / Т. Н. Гурьянова // Вестник Казанского Технологического Университета. – Казань, 2010. – № 3. – С. 182–185.
28. Даниленко, В. П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций / В. П. Даниленко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 272 с.
29. Дефурно, М. Повседневная жизнь Испании Золотого века / М. Дефурно. – М.: «Молодая гвардия» Палимпсест, 2004. – 313 с.
30. Иванова, Ю. К истории европейского классицизма: классика как эффект и как стратегия [Электронный ресурс] / Ю. Иванова, П. Лещенко // НЛО. – 2008. – № 94. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/>
31. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения: Учебник для вузов / Под ред. Л.М.Брагиной. – М.: Высшая школа, 1999. – 479 с.
32. История языкознания: учеб. пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский; под ред. С. Ф. Гончаренко. – М.: изд. центр «Академия», 2006. – 672 с.
33. Кистерева, М. Э. Западноевропейские грамматики XV-XVI веков. Роль грамматического примера в становлении новой науки о языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.03.19 / Кистерева Мария Эдуардовна. – М., 2010. – 258 с.
34. Кодухов, В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1974. – 303 с.
35. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
36. Конурбаева, А. М. Нормализация и кодификация испанской орфографии в XVI-XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Конурбаева Азалия Маркленовна. – М., 2013. – 188 с.

37. Колтунова, С. В. Категория падежа в испанских грамматиках Золотого века: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Колтунова Светлана Викторовна. – Белгород, 2012. – 204 с.
38. Косарик, М. А. Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке / М. А. Косарик. – М.: Макс-Пресс, 2013. – 208 с.
39. Косарик, М. А. Португалия: страна, народ, язык. Учебное пособие по лингвострановедению. Тексты, комментарии, упражнения: Учеб. пособие по лингвострановедению / М. Косарик, Д. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высш. школа, 2005. – 255 с.
40. Косарик, М. А. Значение эпохи Возрождения в становлении языкознания как самостоятельной науки / М. А. Косарик // Ломоносовские чтения 1994 / Под общ. ред. М. Л. Ремнёвой. – М.: Филология, 1994. – С. 38-53.
41. Косиков, Г. К. Средние века и Ренессанс. Теоретические проблемы / Г. К. Косиков // Методологические проблемы филологических наук. – М.: МГУ, 1987. – С. 222-252.
42. Левинтова, Э. И. Хуан де Вальдес и его "Диалог о языках": из истории лингвистических воззрений Испании XVI века: дисс. ... канд. филол. наук / Левинтова Эрнестина Иосифовна. – М., 1947. – 279 с.
43. Левинтова, Э. И. Лебриха и Вальдес (из истории литературной нормы) / Э. И. Левинтова // Общее и романское языкознание. – М., 1972. – С. 167-176.
44. Лозинский, С. Г. История папства / С. Г. Лозинский. – М., 1961. – 592 с.
45. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М., 1970. – 383 с.
46. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / А. Ф. Лосев – Сост. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1998. – 750 с.
47. Малявина, Л. А. Франсиско Санчес и его грамматика «Минерва»: автореф. дис... канд. филол. наук / Малявина Людмила Александровна. – М., 1981. – 24 с.

48. Мед, Н. Г. Аксиологический аспект языковой картины мира / Н. Г. Мёд // *Res Philologica II. Филологические исследования*. – СПб.: Петрополис, 2001. – С. 214-223.
49. Мельчакова, Ю. С. Испанская национальная картина мира: взаимодействие искусства и религии: дисс. ... канд. культурол.: 24.00.01 / Юлия Сергеевна Мельчакова – Екатеринбург, 2007. – 156 с.
50. Михайлова, Е. Н. Принцип языкового релятивизма в системе методов ренессансного знания о языке / Е. М. Михайлова // *Актуальные проблемы истории и теории романских языков*. – М., 2008. – С. 68-71.
51. Оболенская, Ю. Л. Переводческая мысль в Испании XII – XVIII веков / Ю. Л. Оболенская // *Вопросы иберо-романской филологии: Сборник статей* – Под ред. В. С. Виноградова, Ю. Л. Оболенской, Д. Л. Гуревича. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Выпуск 4 (юбилейный). – С.132-153.
52. Оболенская, Ю. Л. Диалог культур и диалектика перевода: судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке / Ю. Л. Оболенская. – М., 1998. – 316 с.
53. Оболенская, Ю. Л. Переводческая мысль в Испании XII – XIII веков / Ю. Л. Оболенская // *Вопросы иберо-романской филологии*. – М., 2001. – Выпуск 4. – С. 133- 154.
54. Оболенская, Ю. Л. Этапы развития Школ переводчиков и Испании и результаты их деятельности / Ю. Л. Оболенская // *Романские языки и культуры: от античности до современности: V международная научная конференция романистов: Москва 27-28 ноября 2009 г.: Сб. материалов; сост. М.А. Косарик, Л.И. Жолудева*. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 223-228.
55. Ольховиков, Б. А. Общая теория языка. Античность – XX век. М.: Академия, 2007. – 304 с.
56. Ольховиков, Б. А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. Становление и эволюция канона грамматического описания в Европе / Б. А. Ольховиков. – М., 1985. – 279 с.

57. Олышки, Л. История научной литературы на новых языках. Литература техники и прикладных наук от средних веков до эпохи возрождения / Л. Олышки – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 344 с.
58. Пескова, Т. Н. Испанская грамматическая мысль от Небрихи до Бельо / Т. Н. Пескова // Ученые записки МГПИИЯ. – 1976. – Выпуск 94. – С. 301-320.
59. Петрунина, С. П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты / С. П. Петрунина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – №3. – С. 101-106.
60. Плавский, З. И. Литература Возрождения в Испании. СПб.: изд-во СПбГУ, 1994. – 236 с.
61. Платон. Сочинения в четырех томах. Т.1 / Платон. – Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. – 632 с.
62. Попов, А. А. Влияние устно-разговорной речи на формирование испанского литературного языка XVI-XVII вв. / А. А. Попов // Сервантовские чтения. – Л., «Наука», 1988. – С. 164-172.
63. Попова, Т. Г. Изучение языка в различных сферах общения / Т. Г. Попова. – М.: Издательство РУДН, 2010. – 150 с.
64. Пospelов, Г. Н. Теория литературы / Г. Н. Пospelов. – М.: Высшая школа, 1978. – 351 с.
65. Раевская, М. М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI-XVII вв.) / М. М. Раевская. – М., 2006. – 304 с.
66. Раевская, М. М. Испанский язык XVI - XVII вв. и испанское языковое сознание: взаимосвязь и взаимодействие: Дисс... док. филол. наук: 10.02.05 / Раевская Марина Михайловна. – Москва, 2007. – 484 с.
67. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М., 2001. – 536 с.
68. Рождественский, Ю. В. Введение в языкознание: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Ю. В. Рождественский, А. В. Блинов; под ред. А. А. Волкова. – М.: «Академия», 2005. – 336 с.

69. Садиков, А. В. Хуан Луис Вивес – теоретик перевода / А. В. Садиков // Вопросы филологии. - Москва, 2007 (3). – С.51-55.
70. Сапрыкина, О. А. К характеристике языка португальской художественной прозы / О. А. Сапрыкина // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – № 4. – 1994. – С. 85-92.
71. Сапрыкина, О. А. Язык и словесное творчество средневековой Португалии / О. А. Сапрыкина. – М.: Крассанд, 2010. – 288 с.
72. Современная грамматика испанского языка. В 2-х частях (Esbozo de una nueva gramática de la lengua española, Madrid. – Спб.: Лань, 1997. – Т. 1. 352 с., Т. 2. 256 с.
73. Соколова, В. М. История становления и развития испанской орфографии: Дисс. ... канд .филол. наук: 10.02.05 / Соколова Вероника Михайловна. – М., 2001. – 155 с.
74. Степанова, Л. Г. Из истории первых итальянских грамматик: неизданные заметки современника на полях трактата Пьетро Бембо «Беседы о народном языке» / Л. Г. Степанова. – СПб.: Наука, 2005. – 277 с.
75. Степанова, Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до Позднего Возрождения) / Л. Г. Степанова. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 504 с.
76. Сулимова Н. Г. Обучающие грамматики испанского языка XVI-XVII веков / Н. Г. Сулимова // Вопросы иберо-романского языкознания. – Выпуск 5. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 103-110.
77. Сулимова, Н. Г. История развития испанской грамматической мысли (XV-XIX вв.): Материалы к курсу лекций: Уч.пособие / Н. Г. Сулимова. – М., 2005. – 332 с.
78. Типология и периодизация культуры Возрождения / Под ред. В. И. Рутенбурга. М., 1978. – 358 с.
79. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М., Политиздат, 1991. – 559 с.

80. Фирсова, Н. М. Испанский язык в аспекте межвариантной национально-культурной специфики: Уч. пособие / Н. М. Фирсова. – М., 2003. – 130 с.
81. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого "Я" / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2005. – 188 с.
82. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сад, 1994. – 408 с.
83. Хейзинга, Й. Осень средневековья / Й. Хейзинга. – М.: «Наука», 1988. – 418 с.
84. Цвиллинг, М. Я.. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок / М. Я. Цвиллинг. – М., 2006. – 215 с.
85. Чельшева, И. И. Роль релатинизации в формировании романских литературных языков / И. И. Чельшева // Формирование романских литературных языков. – М.: Наука, 1984. – С. 309-335.
86. Широков, О. С. Языковедение: введение в науку о языках / О С. Широков. – М., 2003. – 734 с.
87. Шишмарев, В. Ф. Очерки по истории языков Испании / В. Ф. Шишмарев. – Изд. 4-е. – а М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 344 с.
88. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.
89. Эстетика Ренессанса: Антология. В 2-х т. Т. 1 / Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981. – 495 с.; Т. 2. – М.: Искусство, 1980. – 639 с.
90. Языки мира: Романские языки: сб. статей / Под ред. И. И. Чельшевой, Б. П. Нарумова, О. И. Романовой. – М.: Academia, 2001. – 720 с.
91. Abad Nebot, F. Las ideas lingüísticas en la modernidad española: Juan de Valdés, Bernardo de Aldrete, la Academia / F. Abad Nebot // Homenaje a Pedro Sáinz Rodríguez / Tomo II. Alcalá, Estudios de lengua y literatura. – Madrid: Fundación Universitaria Española, 1986. – P. 1-17.
92. Abrahams, D. The Literary Use of Proverbs / D. Abrahams, B. Babcock // The Journal of American Folklore. – Vol. 90, N. 358, Oct.-Dec. 1977. American Folklore Society. – P. 414-429.

93. Alonso, A. Castellano, español, idioma nacional. Historia espiritual de tres nombres / A. Alonso. – Buenos Aires: Editorial Losada, 1968. –159 p.
94. Alvarez Rodríguez, A. Español antiguo frente a castellano antiguo. Reflexiones dialectológicas / A. Alvarez Rodríguez // *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*. – № 2. – 2000. – P. 3-12.
95. Anipa, K. The grammatical Thought and Linguistic Behaviour of Juan de Valdés / K. Anipa. – München: LINCOM EUROPA, 2007. – 243 S.
96. Antología de la poesía amorosa española e hispanoamericana / V. de Lama (ed.). – Madrid: EDAF. – 14 ed., 2007. – 495 p.
97. Arellano, F. Historia de la lingüística. Tomo I. Desde sus orígenes hasta el siglo XIX inclusive / S. J. Fernando Arellano. – Caracas: Universidad Católica Andrés Bello, 1979. – 320 p.
98. Arens, H. Sprachwissenschaft. Der Gang Ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart / H. Arens. – Freiburg/Muenchen: Verlag Karl Alber, 1969. – xvi+816 S.
99. Arteaga y Pereira, F. de. Spanisches Lesenbuch / F. de Arteaga y Pereira. – Heidelberg: Julius Groos, 1922. – xii+432 P.
100. Asensio, E. Juan Valdés contra Delicado / E. Asensio // *Studia Philológica*. Homenaje ofrecido a Dámaso Alonso por sus amigos y discípulos con ocasión de su 60º aniversario. – Madrid: Gredos, 1960. – P.101-113.
101. Ashworth, E. J. Language and Logic in the Post-Medieval Period / E. J. Aschworth. Dordrecht – Holland / Boston – U.S.A., 1974. – 304 p.
102. Women in Hispanic Literature: Icons and Fallen Idols / B. Miller (ed.). Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983. – 597 p.
103. Bakhuizen van den Brink, J. N. Juan de Valdés réformateur en Espagne et en Italie / J. N. Bakhuizen van den Brink // *Études de Philologie et d'histoire*. – 11. – Genève: Librairie Droz, 1969. – X+119 p.
104. Barros, João de. Diálogo em louvor da nossa linguagem / João de Barros // *Lettura critica dell'edizione del 1540 con una introduzione su La questione della lingua in*

- Portogallo a cura di Luciana Stegagno Picchio. – Modena: Società tipografica modenese, 1959. – 127 S.
105. Bataillon, M. Erasmo y España, estudios sobre la historia espiritual del siglo XVI / M. Bataillon. – 5 reimpr. – México: FCE, 1995. – CXVI+921 p.
106. Bembo, Pietro. Prose della vulgar lingua / Pietro Bembo. – A cura di Mario Marti. – Padova, 1955. – 221 p.
107. Berg, M. -C. Zur Wortbildung bei Antonio de Nebrija / M. - C. Berg. – Tuebingen, 1997. – ix+365 S.
108. Bobes Naves, Mª de C. El diálogo. Estudio pragmático, lingüístico y literario / Mª de C. Bobes Naves. – Madrid: Gredos, 1992. – 354 p.
109. Boehmer, E. Zu Juan de Valdés / E. Boehmer // Romanische Studien. – Band III, 1878. –Heft X. –London: Trübner & Comp., 1879. – S. 168.
110. Boehmer, E. Zu Juan de Valdés / E. Boehmer // Romanische Studien. – Band IV, 1879-80. – Heft XIV. – Bonn: Eduard Weber's Verlag, 1880. – S. 334-335.
111. Bosque, I. Las categorías gramaticales. Relaciones y deferencias / I. Bosque. – Madrid: Sintesis, 1989. – 231 p.
112. Bossong, G. Sprachwissenschaft und Sprachphilosophie in der Romania. Von den Anfängen bis August Wilhelm Schlegel / G. Bossong. – Tübingen: Narr., 1990. – xii+389 S.
113. Briz Gómez, A. El español coloquial en la conversación. Esbozo de pragmagramática / A. Briz Gómez. – Barcelona: Editorial Ariel, 2001. – 257 p.
114. Brozas, Francisco Sánchez de las. El arte de hablar (1556) / Francisco Sánchez de las Brozas. – Madrid, 2007. – 316 p.
115. Burke, P. Die europäische Renaissance. Zentren und Peripherien / P. Burke. – München: Beck, 1998. – 334 S.
116. Cacho Palomar, Mª T. Cuentecillo tradicional y diálogo renacentista // I.-R. Fonquerne, Egido, A. (eds.) Formas breves del relato: coloquio Casa de Velázquez-Departamento de literatura española de la Universidad de Zaragoza: Madrid febrero de 1985. – Madrid: Casa de Velázquez, 1986. – P. 115-136.

117. Calvi, M. V. Dialogo reale e dialogo letterario: prospettive didattiche / M. V. Calvi // L'Associazione Ispanisti Italiani, Lo spagnolo d'oggi: forme della comunicazione, Atti del convegno di Roma (XV-XVI marzo 1995). – Roma: Bulzoni, 1996. – P. 107-117.
118. Calvo Pérez J. Juan de Valdés y la fuerza de la contradicción / J. Calvo Pérez. – Diputación Provincial de Cuenca, 1991. – 185 p.
119. Campany y de Montpalau, D. A. Teatro historico-critico de la eloquencia española / D. Antonio de Capmany y de Montpalau. – Individuo del numero de la Real Academia de la Historia, y supernumerario de las de Buenas Letras de Sevilla y Barcelona, 1586. – Madrid: Don A. de Sancha, 1786. – XV+447 p.
120. Cano Aguilar, R. El español a través de los tiempos / R. Cano Aguilar. – Madrid, 2005. – 326 p.
121. Cano Aguilar, R. Pragmática lingüística e historia de la lengua / R. Cano Aguilar // CAUCE. – N.18-19. – 1995-96. – P. 703-717.
122. Castiglione, Baltasar de. El Cortesano / Baltasar de Castiglione. – Introducción y notas de Rogelio Reyes Cano. Escapa-Calpe, Madrid, 1984. – 357 p.
123. Castro, A. La realidad histórica de España / A. Castro. – México: ed. Porrúa, 1954. – 684 p.
124. Cincuenta y cuatro canciones españolas del siglo XVI cancionero de Uppsala ahora de nuevo publicadas, acompañadas de notas y comentarios por D. Rafael Mitjana / D. Rafael Mitjana (ed.). – Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1909. – 60 p.
125. Cione, E. Juan De Valdés. La sua vita e il suo pensiero religioso / E. Cione. – Napoli, 1963. – 224 p.
126. Copenhaver, Brian P. Renaissance philosophy, A history of Western philosophy / Brian P. Copenhaver, Charles B. Schmitt. – Oxford: Oxford Univ. Pr., 1992. – xiv+450 p.
127. Corducho, V. Dialogos de la pintura: su defensa, origen, ess[n]cia, definicion, modos y diferencias / V. Corducho. – Floremcia: Impresso por Frco. Martinez, 1633. – 458 p.

128. Coseriu, E. Estudios de linguística romanica / E. Coseriu. – Madrid: Editorial Gredos, 1977. – 331 p.
129. Coseriu, E. Lingüística del texto. Introducción a la hermenéutica del sentido / E. Coseriu. – Ed., anot. y estudio pr. de Óscar Loureda Lamas. – Madrid: ARCO-LIBROS, S.L., 2007. – 350 p.
130. Coseriu, E. Teoría del lenguaje y lingüística general / E. Coseriu. – Madrid, Editorial Gredos, 1962. – 327 p.
131. Coseriu, E. Tradición y novedad en la ciencia del lenguaje. Estudios de historia de la lingüística / E. Coseriu. – Madrid: Editorial Gredos, 1977. – 390 p.
132. Cotarelo, E. Una opinión nueva acerca del autor del Diálogo de la lengua / E. Cotarelo // Boletín de la Real Academia Española. – V. – 1918. – P. 121-150.
133. Covarrubias Horozco, S. de. Tesoro de la lengua castellana o española / S. de Covarrubias Horozco. – Madrid: Luis Sanchez, 1611. – 1403 p.
134. Cox, V. The Renaissance Dialogue: Literary Dialogue in Its Social and Political Contexts, Castiglione to Galileo / V. Cox. – Cambridge: Cambridge University Pres, 1992. – 236 p.
135. Crews, Daniel A. Twilight of the Renaissance: the life of Juan de Valdés. University of Toronto Press Incorporated, Scholarly Publishing Division, 2008. – 320 p.
136. Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс] / DRAE, Vigésima segunda edición. – Режим доступа: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>.
137. Echenique Elizondo, Mª T. Las lenguas de un Reino. Historia lingüística hispánica // Mª T. Echenique Elizondo, J. Sánchez Méndez. – Madrid: Gredos, 2005. – 536 p.
138. Encalada Vásquez, O. Lengua y folklor / O. Encalada Vásquez. – Cuenca: Cidap, 2008. – 280 p.
139. Esparza Torres, M. A. Las ideas lingüísticas de Antonio de Nebrija / M. A. Esparza Torres. – Münster: Nodus, 1995. – 281 S.
140. Ferrer Passos, T. Fernão de Oliveira. 1.º Gramático de Língua Portuguesa / T. Ferrer Passos. – Lisboa: Edições Gazeta de Poesía, 1994. – 95 p.

141. Ferreras, J. Los diálogos humanísticos del siglo XVI en lengua castellana / J. Ferreras. – Universidad de Murcia: Editum, 2008. – 670 p.
142. Firpo, M. Tra alumbrados e “spirituali”. Studi su Juan de Valdes e il valdesianesimo nella crisi religiosa del '500 italiano / M. Firpo. – Firenze, 1990. – 192 p.
143. Fitzpatrick, Juan J. El “Diálogo de la lengua”. Observaciones sobre el lenguaje y la sociedad / Juan J. Fitzpatrick // Cuadernos Americanos. – Año XVII. –Vol. CI. – 1958. – México: Editorial Cvltvra. – P.173-181.
144. Fontán, A. Juan Luis Vives (1492-1540). Humanista. Filósofo. Político / A. Fontán. – Ayuntamiento de Valencia, 1992. – 100 P.
145. Frenk M. La ortografía elocuente (Testimonios de lectura oral en el siglo de Oro) / M. Frenk // Asociación Internacional de Hispanistas (AIH). Actas VIII. – 1983. – P. 549-556.
146. Frías, D. de. Diálogo de las lenguas / Damasio de Frías // Diálogos de diferentes materias inéditos hasta ahora. Escritores castellanos. – Madrid: Imp. de G. Hernández y Galo Sáez, 1929. – XI+389+XXII p.
147. Fumaroli, M. L'âge de l'éloquence. L'âge de l'éloquence. Rhétorique et «res literaria» de la Renaissance au seuil de l'époque classique / M. Fumaroli. Geneva: Droz, 1980. – 512 p.
148. García Blanco, M. La lengua española en la época de Carlos V. Y otras cuestiones de lingüística y filología / M. García Blanco. – Madrid: Escelicer, 1967. – 309 p.
149. García Folgado, M. J. La gramática española y su enseñanza en la segunda mitad del siglo XVIII y principios del XIX (1768-1813). Tesis doctoral: Valencia: Universitat de Valencia, F. de Filología, 2005. – 711 p.
150. García Melero, J. E. Literatura española sobre las artes plásticas / J. E. García Melero. – Vol. 1: bibliografía aparecida en España entre los siglos XVI y XVIII. – Madrid: Ediciones Encuentro, 2002. – 321 p.
151. Nation und Sprache: die Diskussion ihres Verhältnisses in Geschichte und Gegenwart / A. Gardt (hrsg). – Berlin: Ney Zork, Gruyter, 2000. – 924 p.

152. Giles, Mary E. Francisco de Osuna: Third Spiritual Alphabet (Classics of Western Spirituality) / Mary E. Giles. – Paulist Press, 1981. – 640 p.
153. El castellano y su codificación gramatical. Vol. I. De 1492 (A. De Nebrija) a 1611 (John Sanford), Salamanca, Fundación Instituto Castellano y Leonés de la Lengua / J. J. Gómez Asencio (dir.). – Burgos: 2006. – 508 p.
154. Gómez Redondo, F. La «clerezía» cortesana de Alfonso X: la «letradura» como sistema de saber / F. Gómez Redondo. – Alcanate VI. – 2008-2009. – P. 53-79.
155. Gómez, J. El diálogo en el renacimiento español / J. Gómez. – Madrid: Ediciones Cátedra, 1988. – 236 p.
156. González Palencia, A. Del "Lazarillo a Quevedo / A. González Palencia. – Madrid: Estudios historico-literarios, 1946. – 432 p.
157. Gracián de la Madre de Dios, J. Diez lamentaciones del miserable estado de los ateístas de nuestro tiempo / J. Gracián de la Madre de Dios. – Ed., introd. y notas de Emilia Navarro de Kelley. – Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 1999. – Edición digital a partir de Beatus vir: Carne de Hoguera, Madrid, Editora Nacional, 1978. – Pp. 270-361.
158. Heep, J. Juan de Valdés, seine Religion – sein Werden – seine Bedeutung. Ein Beitrag zum Verständnis des spanischen Protestantismus im 16. Jahrhundert. Quellen und Darstellungen aus der Geschichte des Reformationsjahrhunderts / J. Heep. – Hrg von Dr. G.Berbig. – I Band. – Leipzig: Verl. von M.Heinsius Nachfolger, 1909. – 392 S.
159. Heinimann, S. Romanische Literatur- und Fachsprachen in Mittelalter und Renaissance / S. Heinimann. – Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1987. – XVI+229 S.
160. History of Linguistics in Spain/ Historia de la Lingüística en España / Vol.II, ed. by E.F.K.Koerner, Hans-Josef Niederehe. – Amsterdam/Philadelphia, 2000. – xii+400 S.
161. History of Linguistics, 1993: Papers from the Sixth International Conference on the History of the Language Sciences / Kurt R. Jankowsky (ed.). – ICHoLS VI. – Washington, D.C., 9-14 August 1993: John Benjamins B. V., 1995. – 380 p.

162. Janner, H. La lengua española en Alemania durante la época de Carlos V / H. Janner // Cuadernos hispanoamericanos. – Vol. XXXIX, 116-117, 1959. – Madrid. – P.127-132.
163. Kabatek, J. Die Bolognesische Renaissance und der Ausbau romanischer Sprachen. Juristische Diskurstraditionen und Sprachentwicklung in Südfrankreich und Spanien im 12. und 13. Jahrhundert / J. Kabatek. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2005. – 298 S.
164. Kabatek, J. Las tradiciones discursivas del español medieval: historia de textos e historia de la lengua / J. Kabatek. – Iberoromania. – №62. – 2005. – P. 28-43.
165. Kabatek, J. Tradiciones discursivas y cambio lingüístico / J. Kabatek // Sincronía y diacronía de tradiciones discursivas en Latinoamérica. Iberoamericana. – Guiomar Ciapuscio/ Konstanza Jugbluth/ Dorothee Kaiser/ Célia Lopes (eds.). – Vervuert, 2006. – P.151-172.
166. Kaplan, Gregory B. "Flores del Pinar." Castilian Writers, 1400-1500 // Dictionary of Literary Biography Vol. 286. Edited by Frank A. Domínguez and George Greenia. Detroit: Gale, 2004. – 186 p.
167. Koineisierung und Standardisierung in der Romania / Hrg von Sarah Dessì Schmid, Jochen Hafner, Sabine Heieman. – Heidelberg: Winter, 2011. – 281 S.
168. Kukenheim, L. Contributions à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole, et française à l'époque de la Renaissance / L. Kukenheim. – Amsterdam: These, 1932. – xii+232 p.
169. La Charité, C. L'âge de l'éloquence et l'angle mort de l'histoire littéraire de la Renaissance / C. La Charité // OEuvres & Critiques. – XXXII (1). – 2007. – P. 57-71.
170. Lapesa, R. Historia de la lengua española / R. Lapesa. – Madrid: Escelicer, 1959. – 408 p.
171. Lapesa, R. De cómo el castellano llegó a ser el español / R. Lapesa // Boletín de la Institución Fernán González. – 1er sem. – 1978. – P. 35-48.

172. Lengua medieval y tradiciones discursivas en la Península Ibérica. Descripción gramatical-pragmática histórica-metodología // D. Jacob, J. Kabatek (eds.). – Vervuert: Iberoamericana, 2001. – 272 p.
173. Lépinette, B. El francés y el español en contraste y en contacto (siglos XV - XVII): estudios de historiografía lingüística; lexicografía, gramática, traducción / Brigitte Lépinette. – Valencia: Univ. de València, 2001. – 298 p.
174. Linehan, P. The Spanish Church And The Papacy in The Thirteenth Century / P. Linehan. – Cambridge University Press, 2005. – xxvi+260 p.
175. Llorente, J. A. Historia crítica de la inquisición de España. Obra original conforme lo que resulta de los Archivos del Consejo de la Suprema y de los tribunales de provincia, ordenada y corregida por D. Juan Landa. – Volumen 1. – Barcelona: J. Pons, 1870. – 12+xii+568+vii p.
176. Longhorst, John E. Alfonso de Valdés and the sack of Rome: Dialogue of Lactancio and an archdeacon / Alfonso de Valdés. Version with introduction and notes by John E. Longhurst. With the collaboration of Raymond R. MacCurdy. – Albuquerque: The Univ. of New Mexico Pr., 1952. – 120 p.
177. Longhurst, J. E. Erasmus and the Spanish Inquisition: The Case of Juan de Valdés / J. E. Longhurst. – University of New Mexico Publications in History. – N.1. – Albuquerque: The Univ. of New Mexico Pr., 1950. – 286 p.
178. López, L. Los clásicos en el Renacimiento. La labor educativa de Juan Luis Vives / L. López. – México, 2006. – 116 p.
179. Los diez Mandamientos / Enzo Franchini // Annexes des cahiers de linguistique hispanique médiévale. – V. 8. – 1992. – P. 6-138.
180. Marcos Sánchez, M. Orientaciones en la enseñanza de español como lengua extranjera en la Europa del siglo XVI / M. Marcos Sánchez // J. Gómez Asencio (dir.) El castellano y su codificación gramatical. – Vol. I. De 1492 (A. de Nebrija) a 1611 (John Sanford). – Salamanca: Fundación Instituto Castellano y Leonés de la Lengua, 2006. – P. 481-506.

181. Marsch, D. The Quattrocento Dialogue. Classical Tradition and Humanist Innovation / D. Marsch. – Cambridge, London: Harvard University Press, 1980. – 150 p.
182. Martínez González, A. Historia de las ideas lingüísticas Gramaticos de la España meridional / A. Martínez González. – Frankfurt am Main; New York: Peter Lang Pub. Inc., 2009. – 200 p.
183. Mendoza, Marqués de Santillana, López de. Refranes que dizen las viejas tras el fuego / L. de Mendoza. – Ed., intr. y notas por H. O. Bizzarri. – Kassel: Edition Reichenberger, 1995. – viii+87 p.
184. Menéndez Pidal, R. Historia de la lengua española. Vol. I. Madrid: 2005. – 228 p.
185. Menéndez y Pelayo, M. Historia de los heterodoxos españoles: Libro I. [Online-Ressource] (132 p). – Barcelona, Santa Fe, Arg: e-libro, 2011. – <http://online-db.iai.spk-berlin.de/han/68730721X>.
186. Menéndez y Pelayo, M. Historia de los heterodoxos españoles / M. Menéndez y Pelayo. –Vol. V, Madrid: Lib. de Victoriano Suárez, 1928. – 36 p.
187. Meseguer Fernández, J. Nuevos datos sobre los hermanos Valdés: Alfonso, Juan, Diego y Margarita / J. Meseguer Fernández // Hispania. Revista española de historia. – T. XVII. – N. LXVIII. – Madrid, 1957. – P. 369-394.
188. Montero, J. “Damasio de Frías y Herrera”: nota sobre unos roces literarios / J. Montero // Archivo Hispalense. Revista histórica, literaria y artística. – Sevilla. – 2.ª época. –1984. – T. LXVII. – N. 206. – P.115-122.
189. Nebrija, A. de. Gramática de la lengua castellana / A. de Nebrija. – Barcelona: Linkgua ediciones, S. L., 2006. –143 p.
190. Nebrija, A. de. Gramatica castellana / A. de Nebrija. – Edición de la Junta del Centenario, Madrid, 1946. – 218 p.
191. Nebrija, A. de. Gramática de la lengua Castellana / A. de Nebrija. – Edición crítica de Antonio Quilis. – Madrid: Ediciones de Cultura Hispánica, 1992. – 201 p.
192. Nicolás M. Serrano, Ps. Historia universal, escrita y continuada hasta nuestros días según el plan de César Cantú / Ps. Nicolás M. Serrano. T.III. – Madrid, Administración, 1877. – 1577 p.

193. Nieto, José C. Juan de Valdés and the origins of the Spanish and Italian Reformation / José C. Nieto. – Genève: Droz, 1970. – xvii+356 p.
194. Nieto, José C. El Renacimiento y la otra España. Visión cultural socioespiritual/ José C. Nieto. – Ginebra: Droz, 1997. – 855 p.
195. Nougué, A. “El diálogo de las lenguas” de Damasio de Frias y Balboa / A. Nougué // Revista de Archivos, Bibliothecas y Museos. – LXXIX, 1. – 1976. – P. 131-174.
196. Oliva, Perez de. Diálogo de la dignidad del hombre / Perez de Oliva. – Madrid: Compañía Ibero-Americana de publicaciones (S.A.), 1928. – 223 p.
197. Oliveira, Fernão de. A gramática da linguagem portuguesa / Fernão de Oliveira. – Ed. Mª L. Carvalhão Buescu. Imprensa Nacional. – Lisboa: Casa da Moeda, 1975. – 145 p.
198. Oliveira, Fernão de. A gramática da linguagem portuguesa / Fernão de Oliveira. – Rodrigo de Sá Noqueira. Edição de José Fernandes Júnior. – Lisboa, 193. – 142 p.
199. Otto, W. Juan de Valdés und die Reformation in Spanien im 16. Jahrhundert / W. Otto. – Frankfurt: Peter Lang, 1988. – 594 S.
200. Padley, G. A. Grammatical Theory in Western Europe 1500-1700, The Latin Tradition / G. A. Padley. – Cambridge, 1976. – xiv+290 p.
201. Panoramas, literaria: España / M. Kienzle Beverly, T. Méndez-Faith, M.-A. Vetterling (eds.). – Boston: Heinle, 2013. – 89 p.
202. Penny, R. Gramática histórica del español / R. Penny. – Barcelona, 1998. – 365 p.
203. Pensado, J. L. Una crisis en la lengua del imperio. El “Diálogo de las lenguas” de Damasio de Frías / J. Pensado. – Universidad de Salamanca, 1982. – 46 S.
204. Percival, Keith W. Studies in Renaissance Grammar. Aldershot, 2004. – 674 p.
205. Portolés, J. Pragmática para hispanistas / J. Portoles. – Madrid: Editorial Síntesis, 2004. – 365 p.
206. Prado Galán, G. El oro amotinado / G. Prado Galán. – Universidad Nacional Autónoma de México, 1997. – 156 p.
207. Quetgles Roca, M. L. La educación en el Quijote // Revista de educación. – N. extraord. 2004. El Quijote y la educación. – P. 119-138.

208. Quirós, M. A. *Ars gramática* / M. A. Quirós // *Filología y lingüística*. – XXXI (2), 2005. – P. 201-232.
209. *Historia de la lengua española* / Rafael Cano (coord.). – Barcelona, 2004. – 503 p.
210. *La Escritura Dialéctica: estudios sobre el diálogo renacentista* / A. Rallo Gruss, R. Malpartido Terado (eds.). – Universidad Málaga: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Málaga, 1996. – 532 p.
211. Ramajo Caño, A. *Las Gramáticas de la lengua castellana desde Nebrija a Correas* / A. Ramajo Caño. – Salamanca, 1987. – 273 p.
212. Rey Quesada, S. del. *El discurso dialógico en el castellano del Siglo XVI: Las Traducciones de los Coloquios de Erasmo* // Tesis doctoral de la Universidad de Sevilla, Departamento de Lengua Española, Lingüística y Teoría de la Literatura, leída el 11 de febrero de 2012 / S. del Rey Quesada. – Sevilla, 2012. – 1000 p.
213. Ricart, D. *Juan de Valdés y el pensamiento religioso europeo en los siglos xvi y xvii* / D. Ricart. – El colegio de Mexico, 1958. – 295 p.
214. Rico, F. *De Nebrija a la Academia* // *Homenaje a Pedro Sainz Rodríguez*. – Tomo II. – Alcalá: Estudios de lengua y literatura. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1986. – P. 519-525.
215. Rojas, Fernando de. *Tragicomedia de Calisto y Melibea: V centenario, 1499-1999* / Fernando de Pojas. – T. I, Edición de Fernando Cantalapiedra Erstarbe. – 2000. – xiv+235 p.
216. Rufus M. Jones. *The Spiritual Reformers in the 16th and 17th Centuries* / Rufus M. Jones. – London: MacMillan and Co., 1914. – vii+353 p.
217. Salaberri Ramiro, Mª Sagrario. *Lingüística Aplicada a la enseñanza de lenguas extranjeras* / Mª Sagrario Salaberri Ramiro. – Univ. de Almería, 1999. – 367 p.
218. Salazar Ramírez, María S. *Las cartas de controversia literaria en el MS 570 BPM y Damasio de Frías (Teoría literaria y praxis retórico-epistolar)*: Tesis doctoral de la Universidad Complutense de Madrid, Facultad de Filología, Departamento de Filología Románica, leída el 13-06-1997 / María S. Salazar Ramírez. Madrid, 1997. – 361 p.

219. Salazar, Francisco Cervantes de. *Diálogos y Crónica de la Nueva España* / Francisco Cervantes de Salazar. – Adv. preliminar por A. Millares Carlo. – México: Secretaría de educación pública, 1948. – 96 p.
220. Salazar, Francisco Cervantes de. *Tesoro de diversa lección* / Francisco Cervantes de Salazar. – Madrid: Atlas, 1943. – 176 p.
221. Salazar, Francisco de. *México en 1554. Tres diálogos latinos de Francisco Cervantes de Salazar* / Francisco de Salazar. – Universidad nacional autónoma de México, 2001. – 81 p.
222. *La literatura en la época de los Reyes Católicos* / N. Salvador Miguel, C. Moya García (eds.). – Madrid: Iberoamericana / Vervuert, 2008. – 350 p.
223. Salvador, A. *Espacios, estrategias, territorios: algunas aproximaciones a la literatura hispanoamericana del siglo XX* / A. Salvador. – México: Universidad Nacional Autónoma de México, 2002. – 234 p.
224. Sánchez, G. G.-A. *Unas anotaciones a los Commentarii de César para la educación del príncipe Felipe, futuro Felipe III* / G. G. -A. Sánchez // RFE (Revista de Filología Española). – LXXXV. – 2005. – 1.º – P. 49-59.
225. Sánchez- Molero, J. L. M. *El erasmismo y la educación de Felipe II (1527-1557)* // Tesis doctoral dir. por D. Juan Ignacio Gutiérrez Nieto. Dep. de Historia Moderna, Facultad de Geografía e Historia, Universidad Complutense de Madrid, 1997. – 374 p.
226. Sánchez Pérez, A. *Historia de la enseñanza del español como lengua extranjera* / A. Sánchez Pérez. – Madrid: SGEL, 1992. – 429 p.
227. Santiago-Otero, S. *La cultura en la Edad Media Hispana (1100-1470)* / S. Santiago-Otero. – Lisboa: Edições Colibri, 1996. – 280 p.
228. Serrano y Sanz, M. *Pedro de Alcaraz, iluminado alcarreño del siglo XVI* / M. Serrano y Sanz // Rev. Arch. Bib. y Mus. – VIII (1903). – P. 129-130.
229. Speroni, Sperone. *Dialogo delle lingua* / Sperone Speroni. – Edizione condotta sull'autografo, a cura e con un'Introduzione di Antonio Sorella. – Pescara: Libreria dell'Università Editrice, 1999. – 223 p.

230. Stéfano, L. de. El Caballero Zifar: novela didáctico-moral / L. de Stéfano // Thesaurus. – Tomo XXVII. – 2 (1972). – P. 173-260.
231. Suárez Fernández, L. Los Reyes Católicos: Fundamentos de la monarquía / L. Suárez Fernández. – Madrid, 1989. – 174 p.
232. Diacronía u Gramática Histórica de la lengua Española / M. Teresa, E. Elizondo, M. Alcalde (eds.). – Valencia, 2005. – 378 p.
233. Tovar, A. Einführung in die Sprachgeschichte der Iberischen Halbinsel / A. Tovar. – Tübingen: Narr, 1989. – 135 S.
234. Una aproximación a la gramática de Nebrija / J. A. Anguita Peragón (ed.). – Sevilla: Alfar, 2005. – 248 p.
235. Valdés, Juan de. Alfabeto Christiano which teaches us the true way to acquire the light of the Holy Spirit. From the Italian of 1546; with a notice of Juan de Valdés and Giulia Gonzaga / J. de Valdés. – Benjamin W. Wiffen (ed.). – London: Bosworth & Harrison, 1861. – 246 p.
236. Valdés, Juan de. Alfabeto cristiano / Juan de Valdés. – A cura di Adriano Prosperi. – Istituto Storico Italiano per l'età moderna e contemporanea, L'editore Adempiuti I doveri eserciterà i diritti sanciti dalla legge. – Roma, 1988. – 144 p.
237. Valdés, Juan de. Diálogo de Doctrina Cristiana / Juan de Valdés. – Intr. por Javier Ruiz. – Madrid: Editora nacional, 1979. – 189 p.
238. Valdés, Juan de. Diálogo de doctrina cristiana y El salterio traducido del hebreo en romance castellano / Juan de Valdés. – Transcripción, introducción y notas de Domingo Ricart. – México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1964. – 375 p.
239. Valdés, Juan de. Diálogo de Mercurio y Carón / Juan de Valdés. – E. Boehmer (hrsg.). – Romanische Studien. – Band VI (1895). – Heft XIX. – Bonn: Eduard Weber's Verlag, 1895.
240. Valdés, Juan de. Ziento i diez condideraciones, primera vez publicadas en castellano, el. a. 1855 por Luis de Usóz i Rio, ahora corregidas nuevamente con mayor cuidado / Juan de Valdés. – Londres: Casa de G.A. Claro del Bosque, 1863. – xxxi + 734 p.

241. Vicenc Vives, J. Aproximación a la historia de España / J. Vicenc Vives. – Madrid, 1970. 114 p.
242. Villalón, Cristóbal de. El scholástico / Cristóbal de Villalón. – Ed. crítica y estudio por Richard J. A. Kerr. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1967. – 232 p.
243. Villalón, Cristobal de. Gramática Castellana / Cristóbal de Villalón. – Edición facsimilar y estudio de Costantino García. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1971. – 107 p.
244. Vives, J. L. On Education. A Translation of the De Tragendis Disciplinis of Juan Luis Vives / J. L. Vives. – Cambridge University Press, 1913. – 176 p.
245. Vives, J. L. Tudor school-boy life. The Dialogues of Juan Luis Vives translated for the first time into English together with the introduction by Foster Watson / J. L. Vives. – London: J. M. Dent & Company, 1908. – lii+247 p.
246. Voigt, B. Juan de Valdés und Bermúdez de Pedraza. Zwei spanische Sprachgeschichtsschreiber / B. Voigt. – Bonn: Bouvier, 1980. – 166 S.
247. Zamora Vicente, A. Dialectología española / A. Zamora Vicente. – Madrid, 1960. – 394 p.

ИСТОЧНИКИ

248. Вальдес, Х. Диалог о языке / фрагмент; пер. Э. Чашиной // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. – М.: Просвещение, 1977. – С. 91-100.
249. Diálogo de la lengua, tenida ázia 1533, publicado por primera vez el año 1737. Ahora reimpresso conforme al MS. de la Biblioteca Nazional, único que el Editor conoze. / L. Usóz y Río (ed.). – Madrid: Impremta de J. Martin Alegria, 1860. – LIII+208+71 p.
250. Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua (1535) / Juan de Valdés. – C. Barbolani de García (ed.). – Madrid: Cátedra, 1982. – 222 p.
251. Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua (1535) / Juan de Valdés. – H. Perry Janet (ed.). – London: University of London Press, 1927. vi+198 p.

252. Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua / Juan de Valdés. – José F. Montesinos (ed.). – Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1928. Ed. 1946 (Clásicos Castellanos, 86). – 230 p.; Ed. 1964. – 158 p.
253. Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua / Juan de Valdés. – Rafael Lapesa (ed.). – Zaragoza: Ebro, 1940. – 137 p.
254. Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua / Juan de Valdés.- José M. Lope Blanch (ed.). – Madrid: Clásicos castalia, 1985. – 122 p.
255. Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua / Juan de Valdés. – Prólogo de J. Moreno Villa. – Madrid: Saturnino Calleja, 1919. – 283 p.
256. Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua. / Juan de Valdés. – E. Boehmer (hrg.). – Romanische Studien. – Band VI (1895). – Heft XXII. – Bonn: Eduard Weber's Verlag, 1895.
257. Valdés, Juan de. Diálogo de la lengua / Juan de Valdés. – Edizione ridotta. Introduzione e commento di Lore Terracini. – Modena: Società tipografica modenese, 1957. – 201 p.

Приложение 1.

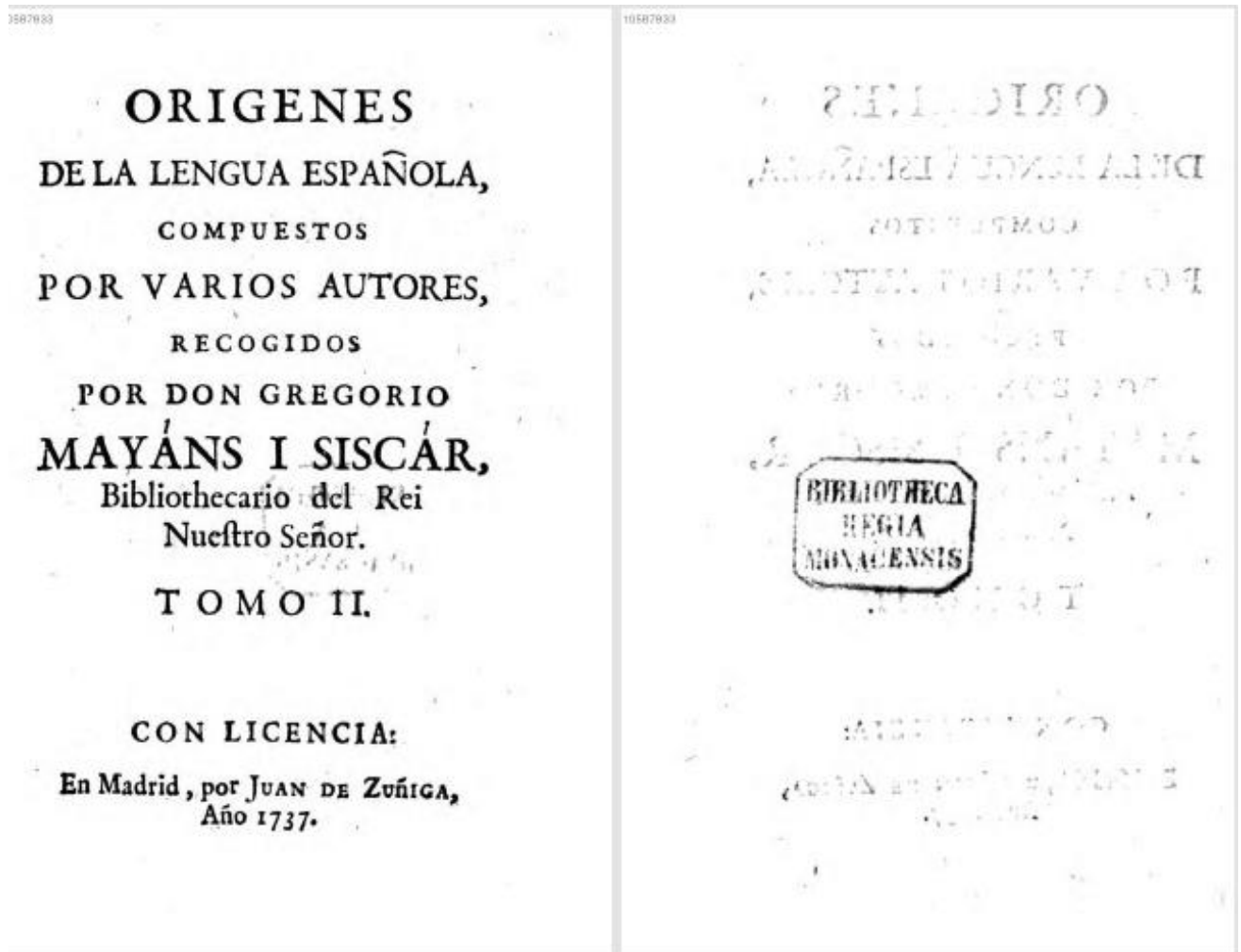
Сочинения Хуана де Вальдеса (названия и год написания, если известен)

1. Диалог о христианской доктрине (Алкала-де-Энарес, на каст. яз.)
Diálogo de doctrina christiana nuevamente compuesto por un religioso.
Dirigido al muy illustre Señor dñ Diego Lopez Pacheco, Marqués de Villena
 Изд. на кастильском в Алкале-де-Энарес, Испания, 14.01.1529 г.
2. Диалог о языке (1535 / 36 г., Неаполь, на кастильском)
Diálogo de la lengua
 Изд. на кастильском в 1737 г. в Мадриде без указания авторства
3. Азбука Христианства (1536 г., Неаполь, на каст. яз.)
Alfabeto Cristiano
 Изд. на итальянском в 1545 г., Венеция, Италия
4. Письма к кардиналу Гонзаге, найденные в архиве Мантуи (охватывают 18.09.1535 -12.01.1537 гг., Неаполь)
Cartas inéditas a Cardenal Gonzaga
 Изд. в 1931 г. в Мадриде, Испания
5. Письма Вальдеса статс-секретарю [Карла V] Кобосу, найденные в архиве г. Симанкас (охватывают 1539-40 гг.)
Lettere inedite di Juan de Valdés al Segretario di Stato Cobos
 Изд. в 1938 г., Бари, Италия
6. Комментарии к псалмам, с переводом последних (псалмы 1-41, ок.1537 г., Неаполь)
Comentario a los Salmos
 Изд. в 1882 г. в Мадриде, Испания
7. Псалтырь, перевод с [древне]еврейского на кастильский романсе (полный перевод псалмов, ок.1537 г., Неаполь)
Salterio traducido del hebreo en romance castellano
 Изд. в 1964 г.

8. Комментарий к посланию апостола Павла к римлянам, комментарий к первому посланию апостола Павла к коринфянам (1538-39 гг., Неаполь)
Comentario sobre la epístola del Apostol San Pablo a los Romanos, comentario sobre la I epístola del Apostol San Pablo a los Corintios
 Изд. на кастильском в 1557 г. в Венеции, Италия
9. 110 божественных рассуждений
Le cento e dieci divine considerazioni
 Изд. на итальянском в 1550 г., Швейцария, Базель
10. Комментарий к Евангелию от Матфея, перевод с греч. на кастильский (ок.1539 г.)
El evangelio de San Mateo declarado por Juan de Valdés
 Изд. на кастильском в 1880 г. в Мадриде, Испания
11. Трактаты
Trattatelli
 Изд. на итальянском в 1545 г., Италия

Приложение 2

1. Титульный лист второго тома сборника Маянса-и-Сискара «История испанского языка», в котором впервые был напечатан «Диалог о языке» Хуана де Вальдеса (без указания авторства, под названием «Диалог о языках»)

Orígenes De La Lengua Española ; 2

Autor / Hrsg.: Mayáns y Siscar, Gregorio

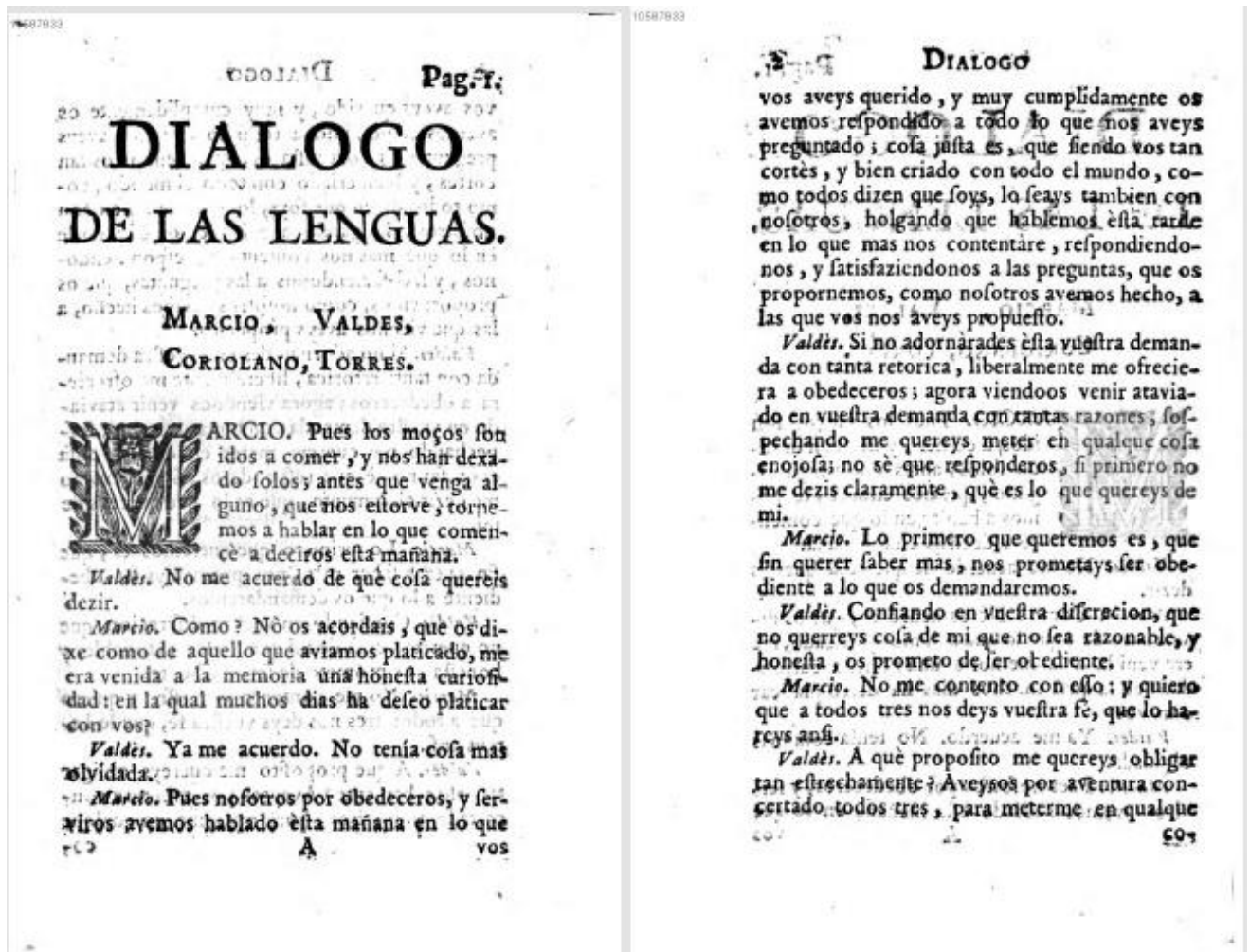
Verlagsort: Madrid | Erscheinungsjahr: (1737) | Verlag: Zuñiga

Signatur: 10905187 L.lat.f. 323 wm-2 10905187 L.lat.f. 323 wm-2

Permalink: <http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10587833-0>

Источник: Баварская национальная электронная библиотека

2. Первые страницы «Диалога о языке» Хуана де Вальдеса в составе издания Маянса-и-Сискара 1737 года

Origenes De La Lengua Española ; 2

Autor / Hrsg.: Mayáns y Siscar, Gregorio

Verlagsort: Madrid | Erscheinungsjahr: (1737) | Verlag: Zuñiga

Signatur: 10905187 L.lat.f. 323 wm-2 10905187 L.lat.f. 323 wm-2

Permalink: <http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10587833-0>

Источник: Баварская национальная электронная библиотека